

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

А. Кузнецов

ТАЙНА РИМСКОГО САРКОФАГА

выпуск 30

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

пермское
книжное
издательство
1967

А. Кузнецов

**ТАЙНА
РИМСКОГО
САРКОФАГА**

Вблизи знаменитой Аппиевой дороги, ведущей к Риму, высится величественный памятник бойцам Сопротивления фашизму. Под ним, в нише молчаливых Ардеатинских пещер, установлены 395 саркофагов. И на одном из них — фамилия русского матроса, о котором в Италии слагают легенды. А он, этот человек, чья жизнь действительно похожа на легенду, оказывается, жив и продолжает трудиться...

О разгаданной тайне римского саркофага, связанной с удивительной жизнью Алексея Кубышкина, и написана эта повесть.

В основе ее сюжета — подлинные события, конкретные факты антифашистской деятельности русских партизан в Италии, трагическая гибель бойцов Сопротивления в Ардеатинских пещерах.

Автор книги, заслуженный работник культуры РСФСР Афанасий Кузнецов, — участник Великой Отечественной войны, по образованию историк, — уже в течение длительного времени занимается изучением итальянского движения Сопротивления.

Он трижды побывал в Италии, ознакомился с документами, повстречался с некоторыми участниками описываемых событий.

Автор использовал книги и документы, нашел новые материалы, встретился с советскими партизанами, действовавшими в Италии. Собрал многочисленные письма живых участников героических событий. Из этого, однако, не следует делать вывод, будто «Тайна римского саркофага» является историческим исследованием.

Автор не ставил перед собой цель воссоздать грандиозную картину итальянского движения Сопротивления. Положив в основу своего повествования факты одного из эпизодов второй мировой войны, он умело переплел судьбы вымышленных и истинных героев, использовал право на авторский домысел, на творческую фантазию, оставаясь при этом верным исторической правде.

Читателям будет интересно узнать и то, что в дни 20-летия нашей великой победы над фашизмом среди других героев Родина отметила и А. А. Кубышкина — он награжден орденом Отечественной войны II степени.

Художник В. Аверкиев

На земле Вечного города

Есть у меня друг — молодой инженер — человек любознательный и живой. Почти все свободное время он проводит в музеях и библиотеках, листая древние фолианты, подшивки старых газет и журналов. И надо видеть, как сияют его глаза, когда ему удастся

раскопать какой-нибудь интересный факт!

Узнав, что я еду по туристской путевке в Италию, он пришел ко мне однажды вечером, держа в руках хорошо знакомую мне коричневую папку. Я понял: принес что-то интересное.

— Смотри!

Он протянул мне газетную вырезку.

Это была статья из «Комсомольской правды» — «Русский из отряда «Бандьера росса».

— Ты читай, читай!

Автор, инженер А. Авдеев, рассказывал о посещении братских могил в Ардеатинских пещерах близ Рима. Там на саркофаге № 329 прочел он русскую фамилию: «Кулишкин Алексей». А позднее от пожилого служителя узнал историю, ставшую легендой.

Вместе с тремястами тридцатью четырьмя итальянцами Кулишкин был расстрелян фашистами в Ардеатинских пещерах.

Вот как описывал автор этот трагический момент:

«Руки Алексея были крепко стянуты за спиной. Рядом с ним стоял партизан Галафати. Кругом гремели выстрелы, Алексей повернулся и шагнул к гитлеровцам.

— Хадьт!

Кулишкин изогнулся и прыгнул на автоматчика. Удар головой пришелся фашисту в живот. Немец унал и с дикими воплями покатился вниз, к провалу. Собрав последние силы, Алексей прыгнул на фашиста и увлек за собой...»

— Ну, что ты скажешь? — спросил друг.

Я молчал.

— Ты же едешь в Италию. Непременно побывай в пещерах и поклонись этому саркофагу. Может быть, тебе удастся узнать подробности жизни Кулишкина — кто он, из каких мест, где жил до войны?

Мы расстались. Перед самым моим отъездом на вокзал он позвонил и, волнуясь, сказал:

— Слушай, я узнал такое, такое...

Он всегда что-нибудь «узнавал такое, такое...» В другое время я обязательно выслушал бы его, но тут...

— Мне некогда, дружище, — сказал я. — Через час отходит поезд.

— Ну, ладно. Счастливой поездки! — Он помедлил. — Поезжай! Вернешься — все расскажу. И не забудь: Ардеатинские пещеры, саркофаг номер триста двадцать девять!

В трубке щелкнуло, раздались короткие гудки...

Не знал я тогда, что новость, которую хотел рассказать мой друг, имела прямое отношение к событиям, которые произошли 23 марта 1944 года на одной из улиц Рима.

...И вот Италия.

С волнением смотрим на воспетое тысячами поэтов ясное бирюзовое небо, наблюдаем противоречивую пестроту жизни.

Рим!.. Полицейские на мотоциклах и автомашинах с автоматами и винтовками в руках, монахи и монахини на мотороллерах. Газетчики выкрикивают: «Унита!» «Темпо!» «Аванти!» Черные, как цыганята, детишки грызут турецкие рожки или продают сигареты.

На улице, по-видимому, проходит вся жизнь: в железных печках готовят обеды; стирают белье; на порогах домов женщины кормят грудных детей; у магазинов толпятся туристы; возле газетных киосков громко болтают и смеются девушки и парни, а на скамейках, в тени тополей, дремлют безработные. Как в кино. С огромных плакатов улыбающиеся девицы уговаривают купить кока-кола.

И почти на каждом доме короткая надпись «Паче!» — «Мир!».

Несколько часов мы бродили по Риму, знакомились с его достопримечательностями. После осмотра Венецианского дворца прошли на площадь Капитолия — центр политической жизни Древнего Рима. Площадь расположилась на холме, к ней ведут больше ста ступеней широкой лестницы. Примерно на половине этого пути нас

встретила пожилая итальянка, приветливо улыбнулась нам:

— Обратите внимание на нашу прародительницу.

В маленьком садике рядом с лестницей стоит стальная клетка с серой откормленной волчицей. Эта волчица находится на особом попечении римского муниципалитета и олицетворяет собой известную легенду о возникновении Рима, о вскормленных волчицей Ромуле и Реме. Неторопливо шагает она из угла в угол, временами поднимает хвост и делает злой оскал.

— Держать волчицу в клетке, — пояснила итальянка, — очень древняя традиция, она связана с легендой, в которой говорится, что если капитолийская волчица прекратит свой род, Рим рухнет и Италия погибнет.

Эту легенду особенно подогревали во времена Муссолини. Фашисты очень гордились волчицей и охотно приглашали иностранцев посмотреть на нее. Фашистам казалось, что волчица с ее свирепым оскалом и массивным телом в некоторой мере олицетворяет дух фашистского государства. Надо отдать должное, в этом они не ошиблись...

Покинув площадь Капитолия, мы прошли мимо великолепной триумфальной арки Константина, воздвигнутой в память победы над Максенцием, и очутились у грандиозного и величественного Колизея, который считался в свое время одним из «семи чудес света».

Несмотря на расхищение его тесаных каменных глыб в средние века для постройки папских дворцов, Колизей и сейчас удивляет своей величиной. Его мертвая громада угрюмо смотрит пустыми просветами окон. Ныне здесь обитают скорпионы, летучие мыши и царит молчание.

Около Колизея неподвижно стояли монахини с оловянными кружками в руках. Они настойчивыми взгляда-

ми требовали опустить монеты в их кружки. Но мы прошли мимо. Монахини нервно затрясли кружками. И на это мы не обратили внимания. Тогда они стали зло плевать в нашу сторону.

Когдаходишь под арку пустынного Колизея, воображение пытается нарисовать гигантскую арену, на которой люди убивали друг друга, чтобы потешить десятки тысяч праздных римлян, сидевших на ступеньках амфитеатра. Горожане в диком восторге аплодировали тому гладиатору, который получал право ступить ногой на окровавленную грудь побежденного.

Но наяву мы увидели лишь, как дерутся в пыли одичавшие кошки, да туристы с ловкостью гладиаторов карабкаются вверх, чтобы проверить, действительно ли Колизей имеет пятьдесят метров в высоту и пятьсот семь метров в окружности.

Посредине Колизея стоит большой крест. Пять американских туристов приблизились к нему и, сняв соломенные шляпы, поочередно и с усердием облобызали. Заметив наше любопытство, гид пояснил:

— Поцелуем искупаются двести дней прегрешения. Вот они и целуют. Но у них столько грехов в одном лишь Вьетнаме, что и этим не поможешь...

Колизей был озарен лучами заходящего солнца. Он весь день горит над Вечным городом, опалая его древние камни. И было бы куда справедливее, если бы вместо волчицы гербом Рима стали солнце и камень.

В тот же вечер мы побывали в Пантеоне. Он вызывает чувство восхищения перед человеческим гением.

Этот храм был сооружен в 27 году до н. э. Марком Агриппою, полководцем и зятем императора Августа, в честь Марса и Венеры, главных покровителей Рима. Позднее храм посвятили всем богам, отчего он и получил название — «Пантеон». Надпись над огромной бронзо-

вой дверью обещает отпущение грехов тем, кто приходит сюда молиться.

Слева от входа в Пантеон — могила Рафаэля. В низкой и скромной нише стоит мраморный саркофаг, украшенный резным орнаментом. К подножию саркофага прислонен серебряный лавровый венок.

Над могилой художника — статуя мадонны и эпитафия на латинском языке:

«ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ ТОТ РАФАЭЛЬ,
ПРИ ЖИЗНИ КОТОРОГО ВЕЛИКАЯ
ПРАРОДИТЕЛЬНИЦА ВСЕГО СУЩЕГО
БОЯЛАСЬ БЫТЬ ПОБЕЖДЕННОЙ, А
ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ БОЯЛАСЬ УМЕ-
РЕТЬ».

Я прочитал эту надпись и вспомнил о русском партизане, погибшем здесь, на земле Рафаэля. Он, может быть, и сам не сознавал того, что защищал светлую память творца «Сикстинской мадонны» от врагов всего человечества — фашистов.

Гид, чувствующий наше настроение, сам воодушевился. А надо видеть итальянца, проникнутого воодушевлением. Это целый фейерверк остроумия, восклицаний и неуловимых жестов. За каких-нибудь полчаса мы узнали от него этапы жизни и творчества Рафаэля, биографии многих погребенных тут выдающихся деятелей итальянской культуры, услышали о скабрёзных похождениях итальянских королей...

Наш гид устал. И в заключение, вздохнув, с сожалением произнес:

— Это единственный древнеримский храм, целиком сохранившийся до нашего времени... Вы сегодня осмотрели развалины так называемого Вечного города. Это

все, что осталось от его былого могущества. Вечного, оказывается, ничего на свете не бывает. Весы истории качнулись, и Рим, некогда могущественный и гордый, теперь покорно идет за выскочкой Вашингтоном.

Признаться, эта тирада нас несколько ошеломила. Мы даже и не предполагали, что разговор так быстро может перейти на современные темы. Но таков, видимо, темперамент итальянцев.

А гид продолжал:

— Раньше говорили, что все дороги ведут в Рим. Теперь все дороги ведут в Москву. История переменяла маршрут. Но мы, итальянцы, не обижаемся. С вами, русскими, хорошо идти рука об руку. В прошлом году я был в Москве. Плакаты на стенах, газеты, радио, спектакли, песни — все говорило о мире, о труде, о дружбе между народами. Муссолини, разжигая ненависть к Советскому Союзу, вопил: «Рим или Москва?» А итальянцы сейчас говорят: «Рим и Москва!»

Кто знает, кем был этот откровенный гид? Но чувствовалось, он говорил с нами искренне...

Черный флер на красном знамени

Автобус, мягко покачиваясь на рессорах, не спеша катил по гладкому асфальту Аппиевой дороги, одной из самых древних в мире. Вдоль этой царицы дорог языческий Рим воздвиг роскошную галерею дорогих мавзолеев из мрамора и бронзы, украсил стены усыпальниц картинами лучших художников.

Под землей, вдоль этой же дороги, расположены катакомбы святого Калликста и святого Себастьяна. Сте-

ны и потолки этих подземных сооружений, где похоронено 44 папы и 184 000 первых христиан Рима, украшают росписи, скульптуры, жанровые картины времен раннехристианского искусства.

Катакомбы представляют собой лабиринт узких и низких коридоров-галерей, прерываемых изредка четырехугольными или круглыми залами. Галереи расположены почти всегда в три-четыре ряда одна над другой. Этот подземный город мертвых наводил ужас даже на императоров. Нерону в последнюю минуту, когда его готовы были схватить заговорщики, Фоан советовал спрятаться в катакомбы, но он, содрогаясь, ответил: «Не хочу быть погребенным заживо»...

По древней Аппиевой дороге две тысячи лет назад шел легендарный Спартак. По ней двигались на подавление восставших рабов легионы Красса. Более шести тысяч крестов поставил тогда Красс вдоль своего кровавого пути. На каждом кресте — от Капуи до Рима — были распяты восставшие.

По этой же дороге спустя двадцать веков прошли немецкие фашисты. Здесь каждый камень полит кровью, каждый камень — свидетель истории.

Сейчас вдоль Виа Аппиа, в развалинах древних мавзолеев и в землянках, живут семьи бедняков.

Когда мы вышли из катакомб, нас плотным кольцом окружили рабочие, ремонтировавшие поблизости дорожный мост. Один из наших туристов вынул пачку советских папирос и предложил закурить. С минуту рабочие колебались, но затем к коробке потянулось сразу несколько рук. Она мгновенно опустела.

Молодой парень в старом, не по росту, пиджаке попросил и коробку:

— На память о Советском Союзе.

Рабочие наперебой спрашивали нас о жизни в

нашей стране. Завязалась оживленная беседа. Разговорчивый Антонио Чезаре, мужчина лет сорока пяти, поведал нам о том, как его спас русский пленный.

— Это было в 1943 году, я работал тогда на военном заводе в Турине. С группой товарищей-каменщиков мы взорвали цех и бежали в горы. За поимку каждого из нас было обещано сто тысяч лир. В маленькой деревушке меня поймали два фашиста и повели в город. На одном из поворотов шоссе, из-за кустарника выскочил с автоматом в руке рослый человек и тут же застрелил фашистов. Взяв их винтовки, мы ушли в горы, к партизанам. Моим спасителем оказался русский пленный Новиков, бежавший со строительства укреплений. Два месяца мы воевали с ним вместе.

— Какова его дальнейшая судьба? — спросили мы.

— Он погиб в районе Генуи, — тихо ответил Чезаре и медленно снял широкополую шляпу.

Мы стояли молча, но каждый из нас думал об одном и том же. Думал о русском, который защищал свою родину, находясь на чужой земле...

— Для итальянца все русское, — сказал Чезаре, прощаясь с нами, — все советское окружено каким-то ореолом... Поэтому так внимательно и с уважением мы присматриваемся к вам, так прислушиваемся к вашим словам. А сейчас разрешите пожать ваши руки и пожелать вам хорошо провести время. А нам пора. Рабочему человеку в Италии лиры тяжело достаются, ох, как тяжело...

Мы тепло поблагодарили наших новых знакомых и отправились к самому памятному месту на Аппиевой дороге — Ардеатинскому мавзолею.

Гид ведет нас в сторону от дороги, к большой скульптурной группе из белого мрамора: старик, мужчина средних лет и подросток, крепко скрученные веревками.

— Это символ трех поколений итальянцев, сражавшихся за свободу, — поясняет нам гид. — Дальше — братская могила.

Мы молча подошли к огромной железобетонной плите размером в несколько сот квадратных метров и толщиной около двух метров. Под этой плитой — склеп. Каменные стены, выложенные из застывшей лавы Везувия и озаренные лампами дневного света, охраняют 335 саркофагов-гробниц.

Рядом с саркофагом № 1 стоит так называемый нулевой саркофаг. Бронзовыми буквами на нем написано:

„НАСТОЯЩИЙ САРКОФАГ НЕ СОДЕРЖИТ НИКАКИХ БРЕННЫХ ОСТАТКОВ. ОН ВОЗДВИГНУТ В ЧЕСТЬ МУЧЕНИКОВ АРДЕАТИНСКИХ ПЕЩЕР, КАК СИМВОЛ И ПАМЯТЬ ОБЩЕЙ ЖЕРТВЫ МНОГИХ ПАТРИОТОВ, КОТОРЫЕ ДЕСЯТНАМИ ТЫСЯЧ ЖИЗНИ ДЛЯ ИЗБАВЛЕНИЯ РОДИНЫ ОТ ВНУТРЕННЕЙ ТИРАНИИ И ОТ ВНЕШНЕГО РАБСТВА, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ МИР, НЕЗАВИСИМОСТЬ, РАБОТУ И ВЫСШУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ СВОБОДНЫМ ЛЮДЯМ“.

Голос гида звучит глухо:

— Когда Красная Армия стала наступать, активизировались и действия итальянских партизан. В ответ командующий фашистскими войсками в Италии фельдмаршал Кессельринг принимал решительные меры для подавления Сопротивления.

Двадцать третьего марта сорок четвертого года во второй половине дня в Риме произошло событие, которое вызвало ужасающие репрессии против населения оккупированной Италии.

Национальный военный комитет партизан принял решение напасть на немецкую колонну. Прохождение вооруженных немецких военных частей через Рим являлось нарушением международного соглашения, которое предоставило Риму привилегию «открытого города».

Ежедневно, примерно в три часа, отряд одного из германских полицейских полков проходил по улице Разелла. Организатором нападения на немцев был доктор Карло Салинари. В числе боевой группы партизан были студент Росарио Бентивенья, рабочий Алфио Маркини, служащий Франко Каламандреи, коммунист Анджело Галафати, советский моряк Алессиньо Кулишкин, бежавший из плена к итальянским партизанам отряда «Бандьера росса», и многие другие.

Все они действовали быстро и храбро. Росарио был одет в форму подметальщика улиц и стоял вместе с Маркини около мусорной тачки, на дне которой находилась взрывчатка. Как только немецкая колонна показалась со стороны Тритона, Каламандреи подал шляпой сигнал — зажечь фитиль. В тот же миг Росарио и Маркини подожгли фитиль и быстро скрылись в подъезде. Взрыв произошел как раз в тот момент, когда немецкая колонна поравнялась с мусорной тачкой. В это же время в немцев полетели гранаты, загремели автоматные очереди.

Тридцать три эсэсовца были убиты, многие ранены.

Вскоре на место взрыва прибыли оберштурмбанфюрер СД Капплер, секретарь республиканской фашистской федерации Пиццирани, квестор Рима Карузо.

Дав несколько автоматных очередей в окна домов на улице Разелла, немецкие солдаты при содействии итальянских фашистов заставили выйти из квартир мужчин, женщин, детей, выстроили их вдоль решетки на улице Четырех фонтанов. Часть людей занесли в списки заложников.

Тем временем о действиях партизан было доложено в ставку Гитлера. Кессельринг получил приказ немедленно взорвать все примыкающие к улице Разелла кварталы и в течение суток расстрелять по двадцать итальянцев.

янычар за каждого убитого немца. Такая жестокость, видимо, показалась страшной даже самому Кессельрингу, и он приказал: кварталы не взрывать, а расстрелять по десять итальянцев за одного убитого немца.

Капплер сообщил Кессельрингу, что самое удобное место для расстрела — Ардеатинские пещеры. Ревностно выполняя указания командующего немецким гарнизоном, он быстро составил список на 280 человек, «достойных смерти». В этом грязном деле ему помогал начальник римской полиции Пьетро Карузо. В список были включены лица, отбывавшие длительные сроки заключения, и многие из тех, кого арестовали за партизанские действия. Включили в этот список и русского Алессио Кулишкина.

Капплер обошел всю тюрьму на Виа Тассо, но не мог набрать достаточное число жертв. Поэтому он приказал дополнительно арестовать мирных жителей Рима. В конце концов было набрано триста тридцать пять человек. Их бросили в тюрьму Реджина Чёли. Оттуда триста тридцать четыре итальянца и Алессио Кулишкин были увезены сюда, к Ардеатинским пещерам. Здесь обреченных группами по пять человек ставили на колени, связывали им руки за спиной и заставляли кричать «Хайль Гитлер!». Но залитые кровью патриоты кричали в лицо палачам:

— Да здравствует свободная Италия!

— Смерть фашистам!

Гид продолжал свой рассказ:

— Эсэсовцы стреляли им в затылок. Автоматные очереди хлестали весь день. Алессио Кулишкин не хотел, чтобы его расстреляли в затылок и повернулся лицом к врагам. Столько страшной ненависти было в его глазах, что эсэсовец не решился выстрелить ему в грудь. Он зашел сзади и убил Кулишкина выстрелом в затылок...

Среди расстрелянных в Ардеатинских пещерах были профессор: Пило Альбертелли, Канали, Джемундо; генералы: Мартелли, Лорди, Фенулк, Симоне Симони — герой боев под Капоретто; полковник Фриньяни, который 25 июля 1943 года арестовал Муссолини, полковник Джузеппе Монтеземоло, награжденный золотой медалью. Монтеземоло был одним из первых организаторов римского подполья. Под именем инженера Джиакомо Катератто он заложил основы подпольной военной организации в Риме, которая потом распространила свое влияние на всю область Лацио. О всех не расскажешь. Их было так много...

Чтобы скрыть следы кровавого преступления, эсэсовцы в тот же день подорвали Ардеатинские пещеры толовыми шашками. Трупы патриотов были завалены грудями камней и земли.

— Интересно, — сказал гид, — что за двадцать лет до этого фашисты Муссолини также производили здесь взрывы:

Любовь нашего народа к Ленину, к вашей революции была так велика, что имя Ленина можно было встретить повсюду: на стенах зданий, у подножий памятников, на трубах фабрик и заводов и даже на камнях Ардеатинских пещер. На сводах нескольких катакомб красками было написано: «Да здравствует Ленин!» После его смерти к этим надписям было добавлено: «Ленин умер, но дело его не умрет!» Фашисты решили смыть надписи. Смыли. Однако они появлялись опять и опять. Тогда фашисты забросали гранатами те подземелья, где патриоты писали лозунги. Фашисты боялись даже имени Ленина!

Но еще больше фашистов взбесил красный флаг над Ардеатинскими пещерами. В ночь на 27 января — день похорон Ленина — кто-то из жителей улицы Ардеатина

поставил на самой вершине холма Ардеатинских пещер большое красное знамя, как раз на том месте, где сейчас стоит Ардеатинский мавзолей. Древко знамени перевязали куском черного флера в знак траура. На знамени написали по-итальянски изречение Гёте: «Но ведь он наш! Пусть звучит это гордое слово громче, чем громкий гóлос скорби!»

У подножия флага лежал венок из эдельвейсов. Тот, кто бродил по нашим Апеннинам, хорошо знает, что эдельвейс — самый недоступный цветок итальянских гор. Недаром говорят, что венок из эдельвейсов труднее сплести, чем выковать венок из чистого золота.

Фашисты не сразу заметили тогда красное знамя, и оно гордо и величественно развевалось до 30 января.

Рано утром, когда из горных долин поднялись белые туманы, к флагу подошла группа фашистских милиционеров. Они изорвали его на мелкие куски и затоптали их в землю. Растоптали и венок из эдельвейсов. Но рассказы о красном знамени передавались из уст в уста и дошли до нашего времени.

Красное знамя с черным флером у древка стоит сегодня на том же самом месте. Оно пришло сюда через печаль утраты и радость побед над фашизмом...

Через несколько дней после трагедии в Ардеатинских пещерах Центральный комитет национального освобождения обратился к народу:

«Итальянцы и итальянки!

Кровь мучеников не может пролиться напрасно. Из могилы, где тела 335 итальянцев лежат, побратавшись навеки, поднимется торжественная для каждого из вас клятва: «Все на освобождение родины от нацистского агрессора! Все на восстановление Италии, достойной своих павших сынов!»

Прошло несколько недель. Рано утром, 1 мая, родственники расстрелянных тайно водрузили над Ардеатинскими пещерами красное знамя и принесли сюда живые цветы.

После освобождения Рима от гитлеровцев — 4 июня — все пещеры были расчищены, а трупы опознаны и затем с почестями уложены в саркофаги.

Не обошли почестями и русского партизана. Для него тоже был высечен саркофаг.

Под гимнастеркой Алессіо Кулишкина нашли небольшой кусок красного шелка от партизанского знамени. А у его товарища под подкладкой полуистлевшего пиджака сохранился билет члена Итальянской коммунистической партии на имя Анджело Галафати. Останки Галафати были похоронены, завернутые в красное знамя, которое сшили его родственники. А кусок красного шелка, что нашли на груди русского матроса, теперь находится в музее на Виа Тассо.

Гид остановился у одного из саркофагов. Я склонился над плитой и прочел: «Кулишкин Алессіо».

— Да, — словно прочитав мои мысли, торжественно сказал гид, — это был советский моряк. Это он двадцать третьего марта ручными гранатами громил фашистов. По древнему поверью нашего города, когда погибнет герой, с неба падает и гаснет звезда. Но не гаснет в народе память о герое!

Он склонился над саркофагом и поправил букетик живых цветов.

Все стояли взволнованные, притихшие... Этому русскому человеку было суждено умереть за свою отчизну в далекой Италии. Его саркофаг — памятник великой доблести русского солдата...

Кто он, этот Алессіо Кулишкин, нашедший вечное успокоение под стенами Рима? Откуда родом? Как сюда

попал? Есть ли у него семья, родители, и знают ли они о его могиле? Кто ответит мне на все эти вопросы?...

Молчат холодный камень саркофага. Гид на мои вопросы лишь смущенно разводил руками. Он знал только одно: русский моряк доблестно сражался в рядах итальянского Сопротивления и итальянский народ увековечил его имя вместе с именами своих верных сынов.

Заходило солнце. Закатными лучами оно осветило поле, уже забывшее о войне, осветило и Ардеатинский некрополь, украшенный венками живых цветов и букетами красных роз.

Удивительное известие

И вот я дома. Друзья и знакомые забрасывают меня вопросами, хотят знать обо всем, что я увидел в далекой стране. И как о самом важном, самом ярком впечатлении поездки, я рассказываю им о русском моряке Алексее Кулишкине.

Сам я очень заинтересовался судьбой Кулишкина и решил узнать о нем все возможное.

Так начались мои поиски. Начал я с изучения истории итальянского Сопротивления. Выспрашивал о Кулишкине у советских воинов, попавших волею судьбы в Италию. Потом написал письмо в Центральный архив Военно-Морского Флота, в отдел кадров Министерства обороны и другие организации, где, по моим предположениям, могли кое-что знать о Кулишкине. Начались поиски родственников Алексея, друзей, вместе воевавших в Италии...

Как-то у меня собрались приятели. Пришел и мой друг-инженер, который, кстати говоря, не меньше меня

интересовался судьбой Кулишкина и тоже вел поиски, связанные с этим именем.

Рассказывая о посещении памятника-мавзолея, где похоронены жертвы фашистов, я заметил на лице друга ироническую улыбку. Сбивая с папиросы пепел, не поднимая глаз, он спросил:

— Значит, похоронили итальянцы Алессино Кулишкина?

— Да, я видел его саркофаг.

— А если я тебе скажу, что Кулишкин жив, здоров, имеет семью?

— ???

— Да, да! Ты его хоть завтра можешь увидеть!

Тут все накинулись с вопросами.

— Тихо, тихо! — поднимая руки и смеясь, сказал он. — Расскажу все, что знаю.

И он коротко рассказал, где живет и работает бывший моряк с эсминца «Сильный», участник партизанского движения в Италии Алексей Афанасьевич Кулишкин.

— Кстати, — добавил он, — настоящая фамилия его не Кулишкин, а Кубышкин. Латинские «l» — «л» и «b» — «б» можно легко спутать, а буквы «ы» в латинском алфавите вообще нет и ее пишут как «и». Вот и получился на итальянском языке вместо Кубышкина — «Кулишкин».

— Чудеса! — протянул кто-то.

Я же сказал:

— Не поверю до тех пор, пока сам не увижу его.

— Что же, это резонно, — ответил мой друг. — И я тебе говорю: хоть завтра... Идет?

— Идет!

На следующий день мы поехали в город Березовский, что в нескольких километрах от Свердловска, почти его пригород. Нашли нужный дом. Постучали.

Дверь открыл высокий плотный мужчина. Из-под крутых, нависших бровей глядят спокойные, внимательные глаза.

— Извините, вы Алексей Кулишкин?... виноват, товарищ Кубышкин?

Крутые брови чуть-чуть вздрогнули.

— Проходите, — проговорил он вместо ответа.

Чистые уютные комнаты. Простая добротная мебель. Полки с книгами. Телевизор. В детском уголке — игрушки, куклы, разноцветные мячи. На стене фотографии: чьи-то портреты, красивая вилла с кипарисами, горы...

Хозяин знакомит нас с супругой, моложавой, очень привлекательной женщиной с маленькими хрупкими руками.

— Проходите, проходите, — мелодичным негромким голосом приглашает она. — Мы всегда рады гостям. Располагайтесь. А я пойду на кухню, чай приготовлю.

— Так вас интересует Кулишкин? — переспросил хозяин дома.

Мы показали ему фотографии: Ардеатинский мавзолей, саркофаги, портрет Анатолия Тарасенко, расстрел Пьетро Карузо. Он внимательно рассматривал каждую и часто морщил лоб.

Потом, снова разглядывая первую фотографию, тихо спросил:

— Значит, это мой саркофаг?

— В мире много разных тайн, — ответили мы. — К ним прибавилась еще одна — тайна римского саркофага. С вашей помощью мы начнем ее распутывать.

— Вспоминаю, о саркофаге мне писал как-то из Киева мой друг Алексей Бессонный. Он был в подполье нашим связным. Хорошо знает итальянцев, переписывается с ними. Среди русских партизан был известен как Бессонный, а итальянцы называли его Алессиньо. —

Алексей Афанасьевич смущенно вздохнул. — Нескладно как-то получилось... Там я мертвый, тут я живой. — Он улыбнулся, но его темно-карие, глубоко сидящие глаза оставались строгими и немного печальными.

— Как же это могло произойти?

— В двух словах об этом не расскажешь, — задумчиво проговорил он. — Длинная история. Ну, раз уж вы приехали ко мне — расскажу...

Он помолчал, повернул к себе широкие ладони, разглядывая на левой руке чуть изогнутую «линию счастья». Она была длинная. А вот и «линия жизни». Еще мальчишкой Алексей решил сам продолжить ее. Помогла в этом отцовская бритва. Кубышкин усмехнулся, задумчиво посмотрел в окно...

Страницы жизни

Это было на Волховском направлении. Отброшенные горсткой балтийских моряков, фашисты окопались в густом перелеске в километре от линии обороны. Собственно, линии обороны как таковой здесь не было. Рота матросов, занявшая выгодную высоту, врезалась клином в позиции немцев, не давая им сомкнуть кольцо.

Каждый день фашистские танки утюжили окопы, но балтийцы яростно отбивались.

Пулемет Алексея Кубышкина не знал отдыха. Кругом взлетали черные фонтаны разрывов. Алексей плотнее прижимался к земле. Тельняшка потемнела, волосы слипшимися прядями лежали на потном лбу. Во рту пересохло, мучительно хотелось пить.

Но вот обстрел прекратился. Похоже, наступила пе-

редышка. Алексей медленно поднялся, подошел к фляге с водой. Рядом с ней лежал большой осколок снаряда, Алексей потрогал его — теплый. У него была своя примета: если потрогать горячий осколок, то страх не берет...

Новая атака немцев быстро вернула его к пулемету. Алексей видел в прорезь прицела зеленые мундиры, видел, как враги падали, и раз за разом нажимал гашетку.

Самым приметным ориентиром был у него сгоревший немецкий танк с выцветшим белым крестом на ржавой броне. Сухой куст бурьяна запутался в порванных гусеницах. Этот танк подбил товарищ Алексея — Иван Петров. Уж очень приятно было смотреть на искореженную, мертвую вражескую машину...

Наступило тревожное затишье. На небе появились звезды, вяло светила молодая луна. Степенно и неторопливо шествовала она по чистому небосводу. От редкого голого кустарника потянулись тени. Повсюду царила глубокая, невозмутимая тишина.

«Как на кладбище», — подумал Алексей и поежился.

Со стиснутыми зубами лежал он у пулемета и пристально вглядывался в темноту. Веки припухли, отяжелели: давно потерял счет бессонным ночам. Никаких признаков жизни не подают немцы. Откатились назад. Молчат. Алексей ощущал неясную тревогу.

Где-то вдалеке ухали пушки. Но разрывов снарядов не было слышно. Наша артиллерия била...

Его отец вот так же лежал за пулеметом под Псковом в феврале 1918 года. И так же, как сейчас, в нескольких сотнях метров от него были немцы.

Вспоминая прошлое, Алексей невольно посмотрел на ладонь. Казалось, до сих пор хранит она тепло большой и крепкой, дружеской отцовской руки.

Отец часто брал Алексея с собой на охоту. Алексей же не столько увлекался стрельбой, сколько любил смотреть на журавлиные стаи в прозрачном небе, на первые зеленые побеги орловских лесов...

Перед утром поднялся ветер. Он вытеснял с неба легкие душистые облака, гнал на их место тяжелые, набухшие влагой, низкие черно-синие тучи, а сам становился резким, порывистым. Воздух наполнялся горьковатым ароматом полыни, прелой земли и едва уловимым запахом придорожных трав. Пахло мценской осенью, домом, родимой землей. Шумела и волновалась под ветром неубранная пшеница.

Порывы ветра злобно рвали тоненькие засохшие ветки низкого кустарника. Иногда, оторвав от ветки желтый сморщенный лист, с остервенением кружили его в воздухе. Один листок с лету прилип к давно не бритой щеке Алексея.

Сам не зная как, Алексей сразу понял, что это березовый лист. Дома у них росли три березы. Старые. Наверное, столетние. На одной осталась метка: «Маша + Алеша». Вернется ли он вновь в родные места?..

Тусклые утренние звезды, косматые обрывки туч, свежий осенний воздух — все это напоминало далекое счастливое время...

Еще до ухода в армию познакомился с молоденькой учительницей Машей. Ей было тогда двадцать лет. Алексей в жизни не видел более красивой девушки. Она отличалась той красотой, которая с годами еще больше расцветает. Каштановые вьющиеся волосы окаймляли нежное, всегда оживленное улыбкой лицо, темно-голубые глаза смотрели открыто и весело.

Они часто встречались на окраине города, где меж мшистых камней шумела небольшая речка. На крутом берегу стояла береза, которую издавна все звали «лебедь», за ствол, изогнутый наподобие лебединой шеи.

Рядом росли два дуба. Каждому по несколько сотен лет. Стволы закованы в толстые кольчуги и с северной стороны подернуты легкой паутиной мха. В густой и размашистой тени этих трех деревьев любили они с Машей проводить вечера, слушали соловьев...

Как все это сейчас далеко-далеко...

Да, не так мечтал Алексей Кубышкин встретить праздник 7 ноября 1941 года! Окончив с отличием Военно-морскую электромеханическую школу имени Железнякова в Кронштадте и получив звание корабельного

дизелиста, он был зачислен в команду миноносца «Сильный».

27 марта 1904 года миноносец «Сильный» из состава Тихоокеанской эскадры одержал победу в неравном бою с четырьмя японскими миноносцами: два из них были выведены из строя, другие два, получив повреждения, возвратились в свою гавань.

В честь этого славного корабля русского флота и был назван советский миноносец «Сильный», спущенный на воду в день 21-й годовщины Великого Октября. На этом корабле и застала Кубышкина война.

«Сильный» участвовал в защите Ленинграда и неоднократно выходил на поддержку флангов армии, действовавшей на Карельском перешейке. Кубышкин хорошо запомнил бой в Ирбенском проливе: высоко вздыбленная, развороченная корма вражеского эсминца, всплески от падения снарядов, огненный смерч, вставший над фашистским кораблем...

Многие матросы и командиры добровольно уходили с эсминца на сухопутный фронт, в морские бригады. Так ушел однажды вместе с друзьями воевать на суше и Алексей Кубышкин.

В палате госпиталя

Вечер был сырой и мрачный. Низко неслись облака, время от времени открывая бледную луну. Сильный ветер дул с моря и стучал голыми ветвями. Березник постепенно поредел и перешел в густой сосновый бор. На дороге стали чаще и чаще попадаться корни, машину встряхивало. Часа через два въехали в город. Машину

стало трясти сильнее: под колеса то и дело попадали кирпичи.

Алексея Кубышкина неодолимо тянуло в сон, веки закрывались сами. Только стоны двух раненых пехотинцев, которых везли вместе с ним, не давали заснуть. Казалось, именно от этих стонов рана болит сильнее, а во рту и в горле пересыхает.

— Скоро госпиталь? — шепотом спросил Алексей у измученного бессонницей санитаря.

Тот медленно повернулся к окошечку, посмотрел на мелькающие мимо дома и сказал раскатыстым баском:

— Метров пятьсот, не больше.

Он снова закрыл глаза, как будто надеялся еще успеть отдохнуть.

Наконец, машина остановилась у военно-морского госпиталя, который, как потом узнал Алексей, находился недалеко от канала Грибоедова.

Тяжелораненых пехотинцев унесли. Сестричка помогла Алексею слезть на землю. Девушка казалась рядом с ним хрупкой, маленькой, на нее и опереться-то было совестно.

— Да я сам пойду, сестрица! — как мог ласково сказал Кубышкин, но тут же пошатнулся.

— Помолчи уж, герой!

В голосе медсестры совсем не чувствовалось злости, просто она хотела казаться строгой.

Они медленно поднялись на второй этаж.

— Вымыть, переодеть — и в палату номер три, — приказал врач, лица которого Алексей так и не запомнил. В памяти остались только очки в толстой и некрасивой роговой оправе.

Ночь уже ушла, в палату заползли серые полосы рассвета. Кто-то открыл форточку. Предутренняя свежесть заставила Кубышкина поежиться. Какое это бла-

женство — спать на мягком матраце и чувствовать, что к лицу нежно прикасается чистая, пахнущая свежестью простыня!

Алексей огляделся. Лучи солнца проникли в комнату через окна, оклеенные полосками желтоватой бумаги. Сосед слева — лет сорока-сорока пяти, с большим орлиным носом и густыми пушистыми усами — не спал.

— Что, морячок, зацепило немножко? — спросил он участливо. — Ничего, браток, терпи, атаманом будешь.

— Задело, слегка, — хрипло ответил Алексей и почувствовал, что у него ужасно болит горло. Простудился, что ли? Этого еще не хватало.

— Да у тебя, наверно, жар, братец. — Усатый с трудом поднялся на постели и приложил холодную большую ладонь к пылающему лбу Алексея. — Это от раны тебя так жаром заливает?

— Кто его знает, — отозвался Алексей. — Горло что-то еаднит. Должно, простудился.

— Почему вы, Ключев, нарушаете режим? — услышал вдруг Алексей знакомый голос неведомо откуда появившейся вчерашней сестрицы. Сдвинув красивые брови, она назидательным тоном продолжала: — Вы, Иван Петрович, другим помогаете, а у самого обе ноги развояены. Как так можно?..

Усатый Иван Петрович быстро спрятался под одеяло и виноватым голосом произнес.

— Так ведь он же новенький, Эля. А новеньким нужно помогать. К тому же у него ангина.

— Ангина! Вы, Ключев, уже диагнозы ставите. Скоро, пожалуй, врачей будете заменять!

— А почему бы и нет, — услышался голос соседа справа. — Иван Петрович за два месяца про все болезни узнал. А если еще месяц довалается, его смело можно начальником госпиталя назначать.

Алексей оглянулся на говорившего и увидел совсем молодое лицо с веселыми голубыми глазами.

Эля напоила Алексея тепловатой невкусной водой, дала таблетку аспирина.

— Все будет хорошо, товарищ моряк! Скоро уже обход начнется. Тебя-то моментом на ноги поставим...

В госпитале знакомятся быстро, и к вечеру Алексей Кубышкин знал почти все о своих соседях. Иван Петрович Ключев был родом из Перми. Его отец воевал в гражданскую, гнал Колчака до самого Иркутска. На фронте вступил в партию большевиков. Когда вернулся в Пермь, пошел мастером на Мотовилихинский завод. 6 ноября 1921 года он не вернулся с работы, тело его нашли в цехе...

Иван Петрович через год заменил отца и работал на том же заводе почти до самой войны. Начал войну на Украине, под Днепропетровском. Потом попал в окружение. Выбрался с пятью товарищами из огневого кольца, но в свою часть не смог вернуться и был направлен в 310-ю дивизию, которая защищала Ленинград. Здесь Ивану Петровичу не повезло: осколки немецкой мины раздробили ноги. Правда, обошлось без ампутации.

— Обещает врач, что через месяц «барыню» буду плясать, — с радостью сообщил пермяк новому соседу по палате, и добрые, лукавые морщинки разбежались от уголков его светлых глаз. — Торопиться надо, а то Гитлер всю Европу прибрал к рукам.

— Говорят, у него и венгры, и румыны, и итальянцы, и испанцы даже воюют, — вступил в разговор Михаил Орлов, сосед Алексея справа.

— Что там говорят! — воскликнул Ключев. — Я сам, когда был под Днепропетровском, ходил в атаку на итальянцев. Дивизия их называлась «Челере». Не знаю уж, что это на итальянском языке означает. Однажды

взяли в плен пять фашистов. Среди них даже командир батальона оказался. Помню, звали его Антонио. А фамилия не то Мингуцци, не то Мингутти. Но это, собственно, и не столь уж важно. Важней то, что он на допросах потом сказал.

— А что, интересно? — спросил Орлов.

Иван Петрович немного помолчал.

— Говорил, что немцы, мол, не любят итальянцев, между немецкими и итальянскими солдатами часто происходят стычки. А потом, ясное дело, заявил, что Муссолини продан Гитлеру и погубит Италию. Сейчас, небось, этот итальянец и вправду невзлюбил Муссолини.

— Почему?

— Как почему? Сейчас он, поди-ка, где-нибудь у нас, на Урале, в лагере военнопленных. А погода у нас не итальянская. Не по его шкуре. Вот и вспомнит своего «дуче» крепким словом.

Рассказ Ивана Петровича прервало появление Эли. Она ставила градусники, раздавала лекарства. Ее нарочитая строгость действовала успокаивающе, и все раненые любили ее. И уж, конечно, все знали, что у Эли есть жених, и что он сражается где-то на юге.

Провожая ее шутливым прищуром, Иван Петрович бросил:

— А знаете, братцы, что в итальянской армии солдаты могут жениться, даже если они находятся в России, а их невесты живут в Италии?..

— Как это? — с любопытством спросил Михаил Орлов, который любил поговорить о девушках и женитьбах.

— Так вот, — поправляя усы, с усмешкой продолжал Ключев. — Пишет солдат девушке. Мол, согласен жениться на тебе. И вот девица с письмом идет...

— В загс, — услужливо подсказал Михаил Орлов, и все засмеялись.

— Ну, может быть, в Италии это не загсом называется, — посмеиваясь, продолжал Ключев. — Может быть, они в церкви венчаются. Народ там религиозный. Невеста сидит на одном стуле, а на другой стул кладут шашку, солдатскую каску и письмо от жениха. Так и проводят обряд бракосочетания. Сидит бедняжка невеста и думает: «Увижу ли я хоть раз своего женишка?»

— А интересно бы посмотреть, — мечтательно проговорил Михаил Орлов, глядя в потолок, — как живут в этой Италии?

— Я тебе скажу, — ответил Ключев. — Сейчас в Италии живут плохо. Хлеба получают по сто пятьдесят граммов, а все продукты немцы к себе, в Германию, увозят. Народ, который поздоровее, гонят на немецкие заводы. А итальянскими солдатами дырки на фронте затыкают. Сколько мы их там перемололи, под Днепропетровском, хотя и отступить нам пришлось...

Дни бежали за днями. Здоровье Алексея быстро шло на поправку. Два небольших осколка хирург извлек из ноги на второй же день. Ангину тоже вылечили, температура приближалась к нормальной.

Поправлялись и соседи Кубышкина по палате — Иван Петрович Ключев и Михаил Семенович Орлов. Хорошими людьми они оказались, отзывчивыми. Если кому приходила нехитрая посылочка из дому, все делили по-братски — и хлеб, и табачок. Для каждого находили подбадривающее слово.

Темы для разговоров не истощались. Особенно хорошим рассказчиком был Иван Петрович. Простой рабочий, а книг прочитал множество.

— А хорошо я жил до войны, — обратившись однажды к Кубышкину, с гордостью сказал Иван Петрович.

Две дочери учились в институте, сын работал помощником капитана, буксирные пароходы по Каме водил. По этому поводу один уральский поэт как-то мне сказал: «Ты, Иван Петрович, в одну рифму с государством живешь»...

— Хорошо сказано, — с уважением произнес Кубышкин.

Да и Миша Орлов кое-что успел повидать за свои двадцать пять лет. Родился он на Алтае. В 1936 году умерла мать, а через два года в бою на Хасане погиб отец. И взбрело парню в голову по всей России пешком пройти, хотел на Максима Горького походить. Прошел от Барнаула до Томска, сделал остановку. Взяли его местные ребята в оборот: учиться, мол, надо, а не бродяжничать. И взялся Михаил за ум: нашел верных друзей, вступил в комсомол, приучился к дисциплине. В 1940 году поступил в сельскохозяйственный техникум; но тут война...

— В плане семейном, так сказать, — смеялся Орлов, — тоже никаких высоток не взял, невеста была, а жениться не успел...

По утрам Алексей Кубышкин любил смотреть в окно и легонько постукивать по стеклу. Из окна был виден зачехленный шпиль Адмиралтейства и стайки воробьев, суевившихся на голых ветках старого тополя.

На окнах стояли цветы в глиняных горшочках. Эля обычно поливала их сама, но когда кто-нибудь готовился к выписке из госпиталя, то напрашивался к ней в помощники.

Как-то раз в палате зашел разговор о предателях.

— Знаю, что бывают, но живого ни одного не видел, — сказал Михаил Орлов.

— Все может быть, — отозвался Иван Петрович. —

Я одного лично знал. Еще с ним махоркой делился. Ох, попался бы он мне сейчас...

— Да как же это случилось?

Клюев махнул рукой:

— И вспоминать не хочется.

После недолгих уговоров Иван Петрович все же рассказал историю, которая случилась с ним за пять дней до ранения. Однажды он с солдатом Василием Буськиным отдыхал после страшного налета немецкой авиации. Ко всему можно привыкнуть, но к этому никогда: воют над тобой чужие самолеты, земля вся дрожит от взрывов, и кажется тебе, что нет такого места, где бы не достал тебя фашист. Но Иван Петрович взял себя в руки, кое-как успокоился. А Буськин все еще дрожит, никак не может самокрутку сделать, на две папиросы, наверно, табаку рассыпал. А потом шепнул выцветшими от страха губами:

— Айда к немцу, Иван! Сдадимся и дело с концом. Такого мне больше не выдержать.

Клюев поперхнулся дымом самокрутки, посмотрел в безумные глаза Буськина, потом сильной рукой схватил его за гимнастерку:

— Ты соображаешь, что говоришь? Да я тебя сейчас без всякого трибунала расстреляю!

Буськин тогда чуть ли не на колени встал.

— Прости, Иван Петрович, это я от страха чепуху начал говорить. Дюже испугался.

— И я испугался, — немножко остывая, проговорил Иван Петрович. — Ну и что же из этого? Второй раз меньше испугаюсь. — Тут Иван Петрович отшвырнул от себя дрожащего солдата.

— На первый раз никому ни слова не скажу. Но увижу что-нибудь неладное, пеняй тогда на себя. Как гниду уничтожу.

Той же ночью Василий Буськин уполз к немцам...

— До сих пор не могу простить себе, — тихо закончил рассказ Иван Петрович. — Такой Иуда много вреда может принести. А ведь вначале я его, подлеца, смелым считал. Хвастал мне, что с рогатиной на медведя ходил два раза. Просто так, мол, из-за удалства.

— Врал, наверняка врал! — сказал Кубышкин.

Иван Петрович помолчал. Потом сказал задумчиво:

— На войне все бывает. Есть у него одна примета. На спине татуировка: медведь на задних лапах на охотника идет, а тот уже рогатину приготовил. Он мне хвастал, что после первого убитого медведя ему приятель так спину заметил.

— Все равно не встретишь, фронт большой, — сказал Михаил Орлов. — Не будешь же каждого раздевать и на спине у него медведя искать.

— Ну, а все-таки. Война, брат, такое дело. Всякие чудеса бывают...

Через две недели Алексей Кубышкин выписался из госпиталя, распрощался с товарищами по палате и направился в свою часть.

Заживо погребенный

Медленно наступал рассвет. Холодный туман плотно обволакивал поредевший лес и седыми космами вползал в овраги. Низкие рваные облака стремительно летели со стороны моря.

...Волховское направление. На участке обороны отдельной десантной роты неумолчно грохочут пушки, беспрерывно тарахтят пулеметные очереди, рвутся гранаты.

По пыльной дороге, тяжело ступая, медленно идут раненые матросы. Некоторые из них держатся друг за друга. По обочинам и в кустах лежат трупы немцев, около них осторожно ходят бойцы со щупами.

Кубышкин опять лежит за пулеметом. Вокруг свистят пули, гулко рвутся тяжелые мины: Земляная пыль, смешанная с пороховым дымом, ест глаза. Матросов в их роте осталось совсем немного. Усталые, голодные, не спавшие много ночей. Боеприпасы на исходе. А фашисты ведут по высоте шквальный огонь и методически бросают в атаку одиночные танки.

Вечером немцы перенесли артиллерийский огонь дальше, за высоту. Их пехота уже не раз поднималась в решительную атаку, и Кубышкин пулеметным огнем прикрывал отход своих цепей. Он слышал, как в клубах черного дыма, медленно ползущих вдоль склона холма, неистово трещали немецкие автоматы. Сколько уж раз бой доходил до рукопашной!

Когда у матросов кончались патроны, они поднимались в контратаку и в неравном бою погибали на подступах к Ленинграду, но без приказа не отступали.

Утро. Солнце всходило где-то за высотой — его не было видно. Лучи, пробиваясь сквозь исковерканные верхушки сосен и елей, быстро золотили синеву ночного неба. Воздух, густо настоянный на горьковатом запахе разрывов мин и снарядов, неприятно щекотал в горле.

Отчетливо стали видны позиции немцев. Никакого движения там не чувствовалось. Царила тревожная тишина, которая порой изматывает солдат не меньше, чем бой.

Отчаявшись сломить сопротивление матросов пехотой и танками, немцы бросили на моряков авиацию.

И вздрогнула земля! Одна за другой на высоту падали бомбы. Фонтаны земли и камней взлетали в воздух.

Взорвавшаяся неподалеку бомба завалила Алексея землей. Скорчившись, закрыв ладонями голову, вздрагивая всем телом, он лежал, чувствуя, что силы оставляют его, а сердце вот-вот разорвется.

Резкая боль и навалившаяся сверху земля не давали пошевелиться. Хотелось кричать. По ослабевшему телу пробежала дрожь...

В сентябре 1944 года мать Кубышкина, Вера Петровна, получила извещение за № 4798, из которого узнала, что ее сын Алексей погиб в ноябре 1941 года.

Последнюю весточку о сыне Вера Петровна бережно положила в комод.

А через несколько дней она купила букетик цветов и отправилась на местное кладбище, где были похоронены советские воины, умершие от ран в госпитале. Нашла могилу какого-то неведомого ей солдата и села возле нее...

Шло время. Продолжалась война. Как-то на кладбище, когда Вера Петровна по обыкновению в задумчивости сидела возле могилы, подошла старушка с костылем и сочувственно вздохнула:

— Сын?

Вера Петровна на минуту смешалась.

— Да. Сын, — тихо ответила она, и даже сама почти поверила в то, что говорила.

Пусть кто-то другой лежит в этой могиле, но ведь, может быть, мать этого солдата так же вот ходит на чью-нибудь неизвестную могилу и кладет цветы? Может быть, и на могиле Адени лежат свежие цветы?.. Одно горе теперь у всех матерей, потерявших своих сынов...

Алексей не слышал, как прекратилась бомбардировка с воздуха, как началась артподготовка. Он не чувствовал стонов земли, раздираемой разрывами снарядов, не знал, что фашистская пехота лавиной бросилась на высоту.

Медленно возвращалось сознание. Алексей шевельнулся. Вдруг кто-то с силой потянул его за ноги. Как сквозь сон, он услышал немецкую речь.

Алексей взглянул и обомлел: фашисты! Он с усилием вскочил, чтобы кинуться на врага, но от резкой боли в ноге почти моментально рухнул.

Светило солнце, на веточках кустарника каплями собирался растаявший иней и звонко падал вниз, и от этого похоже было, что стоит не ноябрь, а ранняя весна. Легкий ветерок доносил далекую канонаду. Высоко в небе пролетали стаи встревоженных птиц. Временами они торопливо кружились над опушкой леса, а потом, вольные, исчезали в густой синеве поднебесья.

Алексея пинками подняли на ноги. И тут же с жадностью и остервенением начали обыскивать. Сняли часы, взяли деньги и вещевой мешок. Нашли фотокарточку Маши. Цинично смеялись, а потом разорвали и пустили клочки по ветру.

Мутным взглядом обвел Алексей солдат, направивших на него дула автоматов. И резкая, как ожог, мысль пронзила сознание: «В плену!» Алексей вздрогнул, побледнел. Все смешалось и поплыло в красном дрожащем тумане...

Подталкиваемый дулами автоматов, он с трудом сделал первые шаги. Припекало солнце, в посветлевшем небе неторопливо плыло одинокое облачко, плыло в обратную сторону, туда, в родные края...

Покачиваясь от слабости, Алексей шел впереди немцев. Идти было больно, Алексей морщился, но старался

не показать слабости. Раза два он останавливался, тогда конвоиры что-то кричали ему, подталкивая в спину, и приходилось опять идти.

— Шнель, шнель, — то и дело покрикивали конвойные.

Через час Алексея привели в какую-то полусожженную деревню. Один из конвоиров ушел в комендатуру. За старым плетнем стояли женщины и ребятишки, читали свежее объявление:

«Жалобы гражданского населения на немецких солдат не принимаются!

Еврейскому населению немедленно пройти регистрацию!

За каждого убитого немца будут расстреливаться 10 заложников».

— Касатик, — зашептала старушка, повязанная шалью, — ты чей будешь?

Кубышкин не ответил, только нахмурил тяжелые брови. Слова застряли в горле: он судорожно, глубоко вздохнул и продолжал молчать.

— Ох-хо-хо, каково-то там твоей матери! — вздохнула старушка.

— Тише, тише, — зашептали женщины, — конвойные идут.

Один из фашистов с минуту смотрел на Алексея круглыми зеленоватыми глазами, потом приподнял автомат и, ни слова не говоря, толкнул его стволом в плечо. Алексей качнулся, ступил неосторожно на раненую ногу и стиснул зубы от боли.

Его повели дальше. Женщины подбегали, совали куски хлеба, но фашисты кричали: «Цурюк, цурюк!» Какой-то мальчишка бросил пачку сигарет. К нему тут же

подскочил дюжий фашист и автоматом ударил в спину. Тяжело охнув, мальчишка упал на дорогу.

— Ба-атюшки! — закричала старушка. — Внуценка фашист убил!

«Вот он, мой народ... — думал Алексей, — а я? Бреду в плен... Как же это ты, матрос, в плен попался?..»

В фашистском аду

Лагерь для военнопленных, куда доставили Алексея, размещался в бывших кавалерийских конюшнях, обнесенных рядами колючей проволоки. По углам стояли вышки с пулеметами и прожекторами. Между проволочными заборами бегали осатанелые овчарки.

Каждые сутки здесь умирали десятки человек. Несколько черных скрюченных фигур повисло на проволочном ограждении. Над бараками стлался тяжелый трупный запах.

У ворот лагеря на красной кирпичной стене комендатуры висела большая карта. Зловещие черные стрелы, указывающие продвижение гитлеровских армий, рассекли Москву и Ленинград. Проходя мимо, Кубышкин глянул на карту, скривился в недоброй усмешке: «Не говори гоп, пока не перескочишь...» Но на душе было тяжело.

Его втокнули в низкий и мрачный барак. Грязные стены вдоль и поперек были испещрены надписями: «Здесь ожидал казни майор Степанов», «Умрем, но не покоримся!», «Мы были из Ленинграда»...

Лежа на грязной сырой соломе, Алексей то впадал в забытие, то приходил в сознание. В бредовом тумане

словно кто-то развешивал перед ним огромный, бесконечный лист бумаги, на котором сцена за сценой изображена была его жизнь. Усилием воли он старался отогнать от себя эти картины, но лишь закрывал глаза — они снова плыли перед ним и плыли... Повитые мутноватой пеленой родные орловские тенистые леса... родимая семья, большая и дружная... товарищи по детским играм... Откуда-то возникли заводские ребята, зашумели — посылать ли Алеху Кубышкина учиться во Флотскую электромеханическую школу, и вдруг окружили его лица моряков-балтийцев...

А над лагерем стояла светлая осенняя ночь, на холодном небе перемигивались звезды, от небольшой речки тянуло прохладой...

Так началась вторая жизнь Алексея Кубышкина.

Эта жизнь была похожа на кошмар.

«Бежать! Во что бы то ни стало!»

Только эта упрямая, не покидавшая Кубышкина, мысль давала ему силы, чтобы жить.

От голода, холода и побоев люди с каждым днем теряли силы и умирали. Пленные лежали прямо на холодной земле. На них кишели скопища паразитов. Стаи голодных крыс нападали на ослабевших.

Лагерь был превращен в гигантскую камеру пыток и страданий. Попадая сюда, человек терял имя и получал номер.

У слабых опускались руки, сильные боролись.

Когда военнопленных выгоняли из конюшен получать отваренные канустные листы и кусочек хлеба, в котором торчали древесные опилки, многие не могли дойти до кухни. Фашист, толстый, как пивовар, смеясь, гремел черпаком.

Ему подставляли кто котелок, кто каску, а кто и ботинок.

Суточный рацион состоял из двухсот граммов суррогатного хлеба (мякина и древесные опилки) и котелка жидкости.

Получившие свою долю сидели поодиночке и группами на холодной земле — хмурые, молчаливые, торопливо и жадно хлебали деревянными ложками.

Пленных трудно было принять за бывших солдат и офицеров. На головах у одних старые шапки, у других пилотки, на плечах — грязные порванные шинели, куртки, бушлаты.

Ударили морозы, и полураздетые, изможденные люди коченели по ночам на нарах. Каждое утро вереницы телег, нагруженных трупами, медленно двигались от лагеря к траншеям. Скрипучие колеса проваливались в колдобины, и тогда мертвые вываливались на землю. Телеги тащили пленные, и если кто-нибудь из них падал от усталости, стражники тут же пристреливали его и приказывали класть на телегу.

Алексею не раз приходилось впрягаться в телегу. Его спасали молодость и сила.

Всех заключенных заставляли на верхнюю одежду нашивать белый матерчатый лоскут, а поперек него, в зависимости от определенной фашистами степени виновности, одну, две или три синие нашивки. На голове выстригали волосы — примета.

Однажды Алексей опоздал в строй. За это его заставляли «танцевать жабку». Нужно было присесть, вытянуть вперед руки и в таком положении прыгать.

Сзади шли охранники и били дубинками.

Алексей несколько раз падал в изнеможении. Его поднимали и снова заставляли прыгать. Он еле передвигал отекавшие, истертые ноги, а спину будто налили свинцом.

«Неужели конец? — пронеслось в голове, но тут же

Алексей наполнился яростной решимостью: — Выдюжу!..»

Главным было — не утратить воли к жизни, не оказаться в одиночестве. Люди, товарищи по несчастью, при малейшей возможности старались помогать друг другу. Лишний черпак баланды или кусочек эрзац-хлеба, пара пригодного белья, просто подбадривающее слово были иногда решающими в борьбе с отчаянием. Взаимная выручка давала силы, чтобы пережить самые тяжелые испытания.

«Нужно выжить, нужно выжить», — думал Алексей.

В конце ноября 1941 года наиболее выносливых посадили на товарные платформы, обтянутые колючей проволокой. Повезли в Псков.

Было очень холодно. Состав еле тащился. Пленные стояли, прижавшись друг к другу спинами, плечами, пытаясь согреться. Те, кто не мог стоять, — падали.

Одним из первых упал Алексей. Силы оставили его. Ослабевший после ранения и контузии, он лежал на холодной платформе, закрыв глаза. Подумал: «Неужели так и замерзну?»

А пленные продолжали падать на платформу. Алексея почти завалило телами, он с трудом дышал. Зато стало теплее.

Когда, наконец, состав прибыл, Кубышкин еле выбрался из-под груды тел. Более двух третей пленных дорогой замерзло, их трупы погрузили на платформы и увезли за город.

В псковском лагере «Кресты» Алексей был определен пилить дрова для квартир эсэсовцев.

Здесь было то же: пленных пороли, морозили, за каждое слово, сказанное против, вешали, стволами автоматов выбивали зубы, заковывали в цепи и кандалы.

Фашисты умели выбирать палачей. Они изощрялись

друг перед другом в пытках. Многие пленные не выдерживали и сами искали смерти: одни бросались на эсэсовцев, зная, что тут же последует автоматная очередь, другие — на колючую проволоку, под ток.

Раз в неделю в лагере проходила «чистка»: вооруженные автоматами эсэсовцы врываются в помещения и, шныряя между нарами, кричали:

— Кто есть комиссар?

Пленные молчали.

— Кто есть комиссар? — надрывались фашисты.

Не получив ответа, они набрасывались на «подозрительных» и выталкивали их автоматами во двор. Потом увозили на край оврага — расстреливать.

Однажды вечером, когда мутное зимнее небо окрасилось на горизонте бледной полоской зари, двое эсэсовцев вывели из лагеря Алексея и еще четырех заключенных. Их повели куда-то в сторону леса.

В морозном воздухе пахло гарью. Все дома были сожжены или разрушены. Повсюду валялись обгорелые доски, бревна, битый кирпич, оконные рамы, поломанная мебель. Вокруг — ни души. Только где-то голосисто тявкала собака, да воробей, выпорхнув из пробоины в стене, встревоженно чирикавая, уселся на подломленной ветке обгоревшей осины.

Испачканное запекшейся кровью лицо Алексея распухло и налилось сине-багровыми подтеками. Он был без шапки, подростские волосы рассыпались и серебрились инеем.

Алексей искоса поглядывал на эсэсовцев. Они, ссорясь из-за чего-то, отстали шагов на пятнадцать.

Вокруг лежал глубокий почерневший снег. Серое облачное небо казалось холодным, враждебным. «Бежать... бежать», — металась дерзкая мысль.

За поворотом показалась белая каменная ограда запущенного кладбища. Незаметными для немцев жестами Алексей просигналил товарищам, что нужно бежать.

Как только они приблизились к кладбищу, все разом метнулись в стороны. Алексей одним прыжком перемахнул через ограду и скрылся среди белых, запыленных снегом крестов.

Он бежал, почти не слыша треска выстрелов. Их заглушал стук бешено бьющегося сердца. Откуда-то сзади неслись злобные выкрики конвоиров, звериное «Хальт!» — эхо, исказив немецкое слово, издали повторяло его. От усталости и морозного воздуха перехватывало дыхание. В ушах звенело...

Только бежать, только вперед.

Автоматные очереди, наконец, стихли... Свобода! Свобода! — стучало в висках.

В березнике Алексей остановился, жадно хватая студеный воздух открытым ртом. Белые деревья замерли в ночной тишине.

Куда теперь идти? Как спастись от мороза?

Неизвестно, сколько простоял он. Может быть, час, а может быть, два. Бледная, выкованная из мутного серебра луна повисла над ним грустно и одиноко...

Нежданный друг

Изредка на полную луну набегали прозрачные облака. Кубышкин споткнулся о поваленное дерево, тихо выругался и тяжело вздохнул. Над лесом лениво играл ветер, сдувая с качающихся вершин комья снега.

В полночь совсем окоченевший Алексей выполз на опушку леса и увидел в долине небольшую деревню. Вблизи протекала мелководная речка, на дне которой блестели гладко отполированные крупные валуны. Над извилистыми берегами поднимался плотный туман. Облака закрывали луну. Стало еще темнее.

«Скорее к теплу, иначе — смерть».

Не раздумывая, Алексей побежал к крайнему дому. Он стоял на отшибе, около болота.

Постучал в окно. Открылась дверь, и на пороге выросли... два немецких солдата.

— Русс партизан? — воскликнули они одновременно.

Алексей не ответил. Он растирал окоченевшие ноги.

— Партизан, партизан!

Из-за стола поднялся седой оберфельдфебель среднего роста, широкоплечий и с правильными чертами лица.

— Ти бежалъ?

— Нет, — Кубышкин мотнул головой. — Отстал я. Рубили дрова в лесу, я пошел в деревню попросить хлеба. А машина уехала.

— Хлеб? Вот. — Оберфельдфебель подошел к столу, взял кусок хлеба и протянул Кубышкину.

Пока Алексей жадно ел, немцы начали между собой спор. Маленький рыжеволосый солдат с холодными мутными глазами все хватался за автомат. Второй — высокий — что-то горячо доказывал рыжеволосому и отводил дуло автомата. Наконец, видимо, что-то решили — связали Алексею руки и ноги и затолкнули его под широкую лавку.

Спал Алексей тревожно, метался, вскрикивал, просыпался. Всю ночь одолевали сны. То он сидит в тюрьме и видит из окна, как немцы строят виселицу, то он бежит по лесу, а за ним тонятся овчарки. И, чувствуя, что одна из овчарок вот-вот его схватит, Кубышкин проснулся. Голова разламывалась, тело горело, будто опаленное огнем. Он еле поднялся. Силы ни в руках, ни в ногах не было.

Утро стояло морозное, ясное. С востока заалел краешек солнечного диска. Он сначала позолотил облака в вышине, потом озарил деревню. Серое небо постепенно становилось синим.

В деревню пришли два грузовика с военнопленными, приехавшими за дровами. Алексея как раз выводили из дома. Старший охранник, выходя из кабины, узнал Алексея. Он о чем-то поговорил с немцами. Потом показал Алексею на машину:

— Шнель!

Алексей залез в кузов и приготовился к самому худшему. Всю дорогу до лагеря думал о том, почему так терпимо обошелся с ним старший охранник. Догадывал-

ся, что это не просто случай, удача, здесь нечто большее... Но что?..

В лагерь Алексея привезли совершенно больного. Он с трудом влез на верхние нары и обессиленно повалился на соломенную подстилку.

Дни шли, а Кубышкину становилось все хуже. Заглядывал в барак лекарь.

— Рус! — кричал он. — Вонючая свинья! Встать! — Давал какие-то таблетки, но они не помогали.

Алексей уже не мог подниматься с нар. Подстилка гнила под ним, лицо ссохлось, обросло щетиной, глаза совсем ввалились.

И опять случилось нечто, взволновавшее Алексея и поначалу заставившее насторожиться.

Однажды, когда пленных угнали на работу, в барак пришел водопроводчик, немецкий солдат. Голубоглазый блондин с коротко подстриженными усиками. Брови тонкие, прямые. На вид — безобидный и веселый, даже подмигнул Алексею и негромко засмеялся. Нары кругом были пусты.

— Где тут труба протекает? — спросил солдат.

— Не знаю, — Алексей с трудом повернул голову, попросил пить.

Солдат принес воды, подождал, когда Алексей напьется. Затем сказал спокойным, участливым тоном:

— Русский? Я тебя раньше не видел. Где поймали?

— Тут, близко. — Алексей отвечал с трудом.

— Давно болеешь?

Алексей лишь прикрыл глаза ресницами.

— Меня зовут Езык Вагнер. Я поляк, запомни, — сказал солдат.

«Поляк? — подумал Алексей. — Ну и что?»

— Ленин. Рот фронт, геноссе! — вдруг сказал Вагнер и, сняв с головы каску, плюнул на имперского орла.

Алексей опешил. Провокация? Стараясь лучше понять этого странного человека в ненавистной фашистской форме, он внимательно смотрел ему в глаза. А поляк не отводил их в сторону. Он говорил тихо и проникновенно:

— Слушай, друже, иди ко мне в бригаду. Будем ремонтировать паровое отопление, водопровод, канализацию. У меня тебе станет лучше.

Алексей молчал.

— Я знаю, ты мне не веришь, — вздохнул Език, взгляд его затуманился. — Такое теперь время, люди не верят друг другу.

Неожиданно он поднял руку на головой, плотно сжав пальцы.

Алексей вспомнил давние слова своей пионервожатой: поднятая рука с плотно сжатыми пальцами показывает, что человек одинаково любит трудящихся всех пяти частей света.

«И все-таки, — подумал он, — надо к поляку присмотреться». Он знал, что за последние дни гестапо перебросило в лагерь под видом военнопленных группу провокаторов из числа бывших кулаков, белоэмигрантов и уголовников. Поэтому и с Езиком... Кто его знает, кто он...

Вагнер ушел. Каждый день он украдкой приходил в барак, приносил лекарства, еду. И Алексей поверил: да, это друг.

Скоро Кубышкин вышел на работу. Однако какая уж тут работа! В душе снова зрело жгучее желание бежать из плена, но не так, как в прошлый раз, очертя голову. Все надо сделать умнее.

Език словно подслушал его мысли.

— Бежать хочешь? — как-то спросил он.

Алексей отвел глаза в сторону.

— Ну, что ж, беги. Но это не так просто. Нужно хорошо подготовиться. Иначе тебя схватят и расстреляют где-нибудь в снегах. А меня — тут.

— А тебя за что? — удивился Алексей.

— А кто тебя вылечил? Кто тебя определил на новую работу? Они знают, что я помогаю тебе. Начальник лагеря уже грозился засадить меня вместе с вами.

«Да, — думал Алексей, — если убегу, тяжесть расправы ляжет на плечи этого парня».

В июле 1942 года в лагерь приехали власовские офицеры вербовать солдат в свои изрядно потрепанные «войска». К их приезду командование лагеря тщательно готовилось: началось прославление «побед» власовской «освободительной армии», многие офицеры были расстреляны или угнаны в другие лагеря. Показали сфабрикованный немцами фильм про самого Власова, которого якобы с хлебом и солью встречает население оккупированных немцами областей.

Однако немцы, видимо, мало рассчитывали на пропаганду. Они решили воздействовать на военнопленных и другим путем. За неделю до приезда власовцев кормить военнопленных совсем перестали. Те, кто был совершенно истощен и обессилен, умирали. И вот приехали вербовщики. Свои машины, груженные продуктами, они поставили на виду у голодных людей. Один из власовцев закатил речь. Какую чушь только не нес... Свою болтовню закончил словами: «Видите, сколько у нас продуктов? Кто хочет к нам, тот сейчас же получит новое обмундирование и будет всегда сыт».

— С голоду умрем, да не пойдем! — выкрикнул Кубышкин.

Это было началом.

— Плевали мы на вашего Власова!

— Катитесь к чертовой матери!

Словно прорвалась плотина. В лагере поднялся невообразимый шум. А скоро плац опустел: пленные отравились по баракам.

Власовцы уехали, не завербовав ни одного человека.

Через два часа Кубышкина привели в комендатуру. Там его ждал рыжий офицер с медалью за Нарвик. При появлении Кубышкина его лицо приняло то насмешливое выражение, которое должно было доказать, что он спокоен и хладнокровен.

— Это ты кричал? — спросил гестаповец и сильно ударил ладонью по лицу Кубышкина. — Я покажу, как заниматься агитацией! Признавайся, ты коммунист?

— Нет, — ответил Кубышкин, — не успел...

Сильный удар кулаком свалил его с ног. Офицер стал пинать и избивать Алексея.

Три дня пролежал изувеченный Кубышкин на нарах. Медленно-медленно тянулись недели. Утро 10 сентября 1942 года было холодное, дул пронизывающий ветер, прохватывал до костей. Тяжелое темно-свинцовое небо висело над лагерем, давило...

В полдень военнопленных выгнали во двор, построили, сделали переключку и скомандовали:

— Взять вещи! Шагом марш!

— Куда нас? — шепотом спросил Алексей у соседа.

Оглянувшись, Кубышкин увидел Езика Вагнера. «Значит, и он с нами?» Език кивнул ему и ободряюще улыбнулся.

Разношерстная и оборванная толпа шла молча, меся ногами серую густую грязь. На малолюдных улицах Пскова было тоскливо и мрачно. Пронзительно-жалобные свистки восстановленной немцами фабрики нагоняли еще большее уныние.

Лишь вечером был подан эшелон. На сыром, холод-

ном перроне тускло горели фонари. Пленные молча дрожали в своих легких лагерных куртках.

Поразительно маленькие, старые, потемневшие от копоти вагоны, пахнувшие лошадиным потом, с иностранными надписями, не имели лежачих мест. Маленькие окна были заделаны железными решетками. Каждый вагон набивали до отказа. Было душно, смрадно... Пленных сопровождали три офицера и восемь солдат. У каждого из них были чемоданы и мешки с награбленным добром.

Перед самым отходом поезда Вагнер подошел к вагону, в котором находился Алексей, и молча пожал ему руку. Алексей тихо спросил: «Куда?» Еще тише ответил Вагнер: «Видимо, в Италию». Взгляд его был спокоен и сосредоточен, как в те минуты, когда он приходил к больному Кубышкину.

Алексей склонился к Вагнеру и сказал:

— Значит, начальник лагеря все-таки выполнил свою угрозу? Ты теперь такой же, как и я, военнопленный?

Вагнер что-то хотел сказать, но лягнул засов, и в вагоне наступила полутьма.

Сначала каждый сидел молча, думал о чем-то своем. Но как только поезд тронулся, пленные первого вагона, избавившись от надзора солдат, запели:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!..

Подхватил второй вагон... третий... пятый...

Дрогнуло, отчаянно забилось сердце Алексея.

Ревел паровоз, гудели колеса на рельсовых стыках, и, заглушая этот шум, крепла, нарастала, гремела могучая мелодия «Интернационала»... Пел уже весь эшелон.

Вагон дергало на стыках рельсов. На полу маленького вагона и на нарах, покрытых полусгнившей соломой, лежали, сидели, стонали, переговаривались люди. Шестьдесят человек! Как только они смогли поместиться здесь! Только четыре маленьких окошечка пропускали дневной свет. Смрад, запах давно не мытых человеческих тел, тяжелое хриплое дыхание умирающих.

Для тех, кто метался в бреду, лекарств не было. А для более или менее крепких военнопленных самым лучшим лекарством было слово. Простое, дружеское слово. Говорили в вагоне обо всем. Одни вспоминали прошлое, другие рассказывали о прочитанных когда-то книгах, третьи развлекали товарищей анекдотами, которые сохранились в памяти еще с мирных времен.

Самым лучшим рассказчиком был Език Вагнер. У него был приятный, какой-то ненавязчивый голос, а рассказывал он всегда о хорошем: о людском счастье, о смелости человека, о его необыкновенных возможностях и способностях, которые призваны перестроить весь мир на благо простым людям.

Все едущие в вагончике часто просили Вагнера:

— Расскажи что-нибудь, Език. Может, на душе полегчает.

И Език соглашался. Хотя ему было не легче, чем другим, он всегда держался ровно, даже шутил, подбадривал товарищей.

Для Алексея Кубышкина рассказы Езика были как лекарство. Он, полузакрыв глаза, слушал, как звучит негромкий, но проникающий в душу, теплый голос поляка.

О чем только не рассказывал Език Вагнер! Все оби-

татели вагончика знали, что где-то под «коханой Варшавой» у Езика осталась любимая жена с двумя чудными ребятами — пятилетним крепышом, которого звали Збигнев, и русокудрой малышкой Беатой. Все знали, что у Езика было три брата — Тадеуш, Станислав и Казимеж. Война разбросала братьев по свету. Только об одном Тадеуше, самом старшем, Езику случайно удалось узнать, что он сумел попасть в Англию. Об остальных братьях Език не знал ничего.

— А как вы жили до войны? — спросил Алексей, поворачиваясь к Езику, чтобы удобнее было слушать. — Расскажи, Език, пусть послушают ребята. Время быстрее пройдет, да и про еду позабудем.

— Плоховато мы жили, — отозвался Език. — Семья большая, а земли — кот наплакал. Одна коровенка, лошадь полуслепая, хромоногая, да пять овец. Я с братьями батрачил у помещика, все хотели накопить денег на покупку участка. Но денег не накопили, а горя хватило. Старшие братья подались в город, счастье искать, а я остался с отцом, приглянулась мне молодая батрачка Христина. Вместе с нею мы спину гнули для пана. Но отец и мне и Христине говорил:

— Идите, молодые, в город. Там лучше поймете, что такое жизнь.

Отец часто рассказывал мне то ли бль, то ли сказку о том, как сыновья бедняка правду искали. Я на всю жизнь запомнил эту сказку. Если хотите — расскажу...

— Давай, Език!

— Послушаем!

— У тебя складно получается.

Език Вагнер сел на нары, обхватил колени тонкими руками и начал рассказывать. Он хорошо говорил по-русски, но иногда забывался, и в вагоне звучала польская речь.

— Всю жизнь работал один бедняк на помещика, — начал Езык, — а в доме бедняка не было недостатка. Единственной радостью для старика были его четыре сына. Молодцы — все друг другу под стать. Ни силой, ни умом бог их не обидел. Но ума пан от них не требовал, только силу использовал, пот выжимал.

И вот решил отец: «Пошлю-ка я старшего правду искать. Пусть походит по белу свету, посмотрит, как люди живут, а потом вернется и нам поможет на ноги встать». Позвал старик старшего сына:

— Собирайся, Тадеуш, в путь-дорогу. Ищи себе счастье, а придешь домой и нам расскажешь всю правду.

И пошел Тадеуш из родного дома. Долго шел он и пришел в столицу Польши — Варшаву.

Подошел к первому встречному и спрашивает:

— Кто у вас здесь самый умный человек? У кого я могу ума-разума набраться?

— Фабрикант, — отвечает прохожий.

Идет Тадеуш к фабриканту, в ноги ему кланяется:

— Слышал я, что вы самый почтенный человек в Варшаве. Помогите мне стать таким умным и богатым, как вы.

Гладит фабрикант жирный подбородок, шурится блаженно:

— Верные слова говоришь, парень! В Варшаве нет никого богаче меня. А кто богат, тому и почет!

— Тогда помогите мне правду отыскать!

Фабрикант оглядел молодого парня, пощупал его крепкие мускулы и похлопал по спине.

— Это можно! Только сначала поработай у меня на фабрике годик-два.

И пошел Тадеуш трудиться на фабрику. Работал по шестнадцать часов в сутки, а ходил в рваных башмаках и жил в убогой лачуге,azole городской свалки.

Прошло два года, и Тадеуш опять встретился с фабрикантом.

— Ну, а теперь скажите мне, где отыскать правду? Фабрикант, еще сильнее разжиревший, сидит в кресле, ухмыляется:

— Правда-то рядом с тобой, парень...

— Как так?

— А вот так. Без меня ты бы умер с голоду или стал бы воровать на городском рынке. А я тебе дал работу и ты обязан почитать своего благодетеля и сторониться разных бунтовщиков. В этом заключается истинная правда!

Так и пришел Тадеуш домой ни с чем. Погоревал старый крестьянин, и снарядил в дорогу второго сына — Станислава.

— Не такую правду принеси мне, как Тадеуш, а настоящую!

Идет Станислав и думает, где ему настоящую-то правду отыскать. И наконец додумался: пан, у которого он батрачил, в молодости служил у какого-то генерала и потом всю жизнь говорил, что справедливее человека не встречал на всем свете. Вот они, оказывается, какие генералы-то! А уж где справедливость, там должна быть и правда.

Пришел Станислав в Краков и спрашивает у первого встречного:

— Скажи, добрый человек, есть в вашем городе генералы?

— А то как же, — отвечает тот. — Вон в четырехэтажном доме как раз и живет генерал.

Пришел туда Станислав. Еле-еле пустили его к генералу.

— Слышал я, будто вы самый справедливый человек

на свете, — сказал парень. — Научите меня, как счастливым быть.

Генерал улыбнулся, кивает головой, а на груди бренчат ордена и медали.

— Почему не научить. Это мы можем.

— Тогда помогите мне найти правду, только настоящую правду.

— Будет сделано, — охотно соглашается генерал, — только сначала послужи мне годка два...

И стал Станислав служить у генерала денщиком. Генерал был стар, едва передвигал ноги и все время опирался на плечо своего денщика. Станислав ему и сапоги чистил, и спать в постель укладывал, и водку с закусками подносил.

Прошло два года, Станислав говорит:

— Служил я вам, не щадя живота своего, а теперь ваша очередь услужить мне: скажите, где найти мне настоящую правду?

— Хе-хе-хе! — смеется генерал. — Правда-то рядом с тобой, парень.

— Как так?

— А вот так: правда состоит в том, чтобы бедняки, вроде тебя, всю жизнь прислуживали нам, генералам, а мы будем опираться на ваши крепкие плечи...

Так ни с чем и вернулся домой Станислав.

Очередь дошла до третьего сына. Отец и говорит ему:

— Смотри, Казимеж, будь умнее своих братьев. Принеси настоящую правду!

Идет Казимеж по дороге и думает, где бы ему правду настоящую отыскать. И вдруг вспомнил: мать его всю жизнь молилась богу и говорила: «Где бог, там и правда». Решил Казимеж: «Поищу-ка я святую правду!»

И вот на пути его вырос монастырь. Кое-как добился Казимеж, чтобы побывать у настоятеля.

— Есть у меня к вам, святой отец, просьба одна: помогите правду отыскать!

— Ты на верном пути, сын мой, — ласково ответил настоятель. — Я наставлю тебя на путь истинный. А перво-наперво запомни, что все в мире — тлен и обман. Истинная правда только на небесах...

Казимеж посмотрел на небо и подумая, что уж туда-то ему наверняка не добратся.

— Ты меня не понял, сын мой, — успокоил его настоятель, — об этом мы с тобой еще поговорим, у нас много времени. А пока что поживи у нас, да помоги нам в одном божьем деле...

И стал Казимеж с этого дня при монастыре садовником да истопником работать. После двух лет работы приходит к настоятелю...

— Ну вот и кончился срок нашего договора, святой отец. Теперь помогите мне отыскать истинную правду.

— Правду? Вечно служи господу, и снизойдет на тебя божья благодать. Это и будет самая лучшая правда, — закатив глаза к небу, ответил настоятель.

Понял Казимеж, что его обманули, и сказал:

— Не нужна мне такая правда.

— Еретик! — закричал настоятель, брызгая слюной. — Будешь ты гореть в геенне огненной...

Махнул рукой молодой поляк и побрел домой.

Совсем загоревал старый крестьянин и думает: видно, нет ее, правды-то, на свете. Стоит ли посылать за ней четвертого сына? А тот все равно собирается:

— Отпусти, отец, не пожалеешь.

Снарядил и его старик в дорогу. Вышел Юзеф из дому и прикинул: «Все мои братья отправлялись за правдой на запад, на север или юг, а я пойду на восток!» И зашагал. Идет день, идет два. Видит — крестьянин пашет. Подошел Юзеф к нему:

— Скажи, добрый человек, можешь ли ты указать мне верную дорогу?

— Куда тебе надо? — спрашивает крестьянин.

— Хочу я найти правду. Три моих брата ходили за ней, да так ни с чем и вернулись. Один ходил к фабриканту, другой — к генералу, третий — к настоятелю монастыря, а куда мне пойти посоветуешь?

— Сам я не знаю... А вот есть у меня приятель мастеровой — тот наверняка знает.

И отправился Юзеф к мастеровому. Тот выслушал его и говорит:

— Сказал бы я тебе, да боюсь — все равно не пойдешь! Больно уж далеко эта правда, а у тебя обувки, вон, с ног сваливаются...

Взглянул Юзеф на свои развалившиеся вконец башмаки и вдруг сбросил их с ног:

— Босиком пойду! Только скажи куда!

Мастеровой улыбается.

— А я, парень, на хитрость тебя взял: думаю, упрямый ты человек или нет, очень хочешь правду добыть или просто так шляешься... А теперь слушай: есть в России такой город Питер. Там, сказывают, человек объявился по имени Ленин, который всех трудовых людей к правде хочет вести. Вот туда и отправляйся.

И пошел Юзеф в далекий Питер. Много дней и ночей шел, а все-таки нашел этот город и нашел человека, который к правде всех честных людей вести хочет. А прежде всего спросил его Ленин:

— Скажите-ка мне, молодой человек, какая правда вас интересует: барская или бедняцкая?

Такого вопроса никто еще не задавал братьям Юзефа. Выходит, что не ту правду они искали, какая нужна...

— Мне нужна моя правда, бедняцкая, — ответил Юзеф, — а от правды богатеев мы сыты по горло.

— Вот это правильно! — сказал Ленин. — О такой правде я вам охотно расскажу. А заключается она вот в чем: не надо искать утешения на небесах. Мы — люди, и мы сумеем построить хорошую жизнь на земле, своими руками. Надо, чтобы честный трудовой народ работал на себя, а не на помещиков и фабрикантов. А коли эксплуататоры направят против народа своих генералов, нужно отобрать у них оружие и добиться победы. Вот в чем заключается наша с вами рабоче-крестьянская правда.

Возвратился Юзеф домой, возбужденный и радостный. Рассказал отцу и своим братьям о встрече с Лениным и о том, какую правду узнал от этого человека.

— Вот это настоящая, наша правда! — обрадовался старый крестьянин.

А братья сказали:

— Ай да Юзеф! Ты оказался умнее нас всех!

Тут отец перебивает их:

— Не совсем!... Вы тоже помогли ему в этом деле: ведь если бы не вы, то отправился бы он на запад за этой правдой и пошел бы по вашим стопам. И никакой правды бы не нашел.

— Ну ладно, узнали мы настоящую правду, а теперь давайте решать, как ее добывать.

И собрались братья в путь-дорогу — понесли слова ленинской правды по городам и селам Польши, чтобы узнали их каждый рабочий, каждый крестьянин. А уж всем вместе добывать правду легче будет!..

Език умолк. Он по-прежнему сидел, охватив руками колени, чуть покачиваясь от толчков вагона.

Все молчали.

— Език! А ведь эти братья, о которых ты рассказывал, очень похожи на твоих братьев.

Език улыбнулся.

— Так оно и есть, — сказал он. — Есть у меня три брата и все они хотели бы узнать настоящую правду. Не знаю, найдет ли Тадеуш эту правду в Англии.

— А где другие братья?

— Не знаю. Станислав сидел в тюрьме перед приходом немцев в Варшаву. Попал из-за забастовки на заводе.

— А Казимеж?

— Не знаю. Но это горячий парень. Немцы голыми руками его не возьмут. Он говорил мне, что уйдет в леса. Так, наверное, и сделал...

Поезд остановился на какой-то станции. Слышно было, как по платформе застучали подкованные сапоги немецких солдат. В вагон вошел ефрейтор, рыжий, с белесыми бровями. Продолговатое лицо его сморщилось: в нос шибанул спертый воздух. Молча, одними глазами, пересчитал едущих.

Никто не шевелился. Все знали, что этот рыжий немец может просто так, для забавы, разрядить свой автомат.

— Встать! Все на месте?

— Все, господин ефрейтор, — торопливо проговорил Език. — Все живы.

Ефрейтор снова загремел засовом. В вагоне стояла тишина.

Бороться можно везде

На десятые сутки военнопленных вывели из вагонов на какой-то большой станции и построили на перроне для проверки.

Мелькали огни, перекликались паровозы, бежали люди — обычная вокзальная суета. На краю перрона, в темном углу, кто-то тихо и грустно играл на мандолине. На самом видном месте висел огромный портрет Муссолини с латинской надписью «Дуче». Он был изображен в позе Наполеона со скрещенными на груди руками.

— Рим... В Рим привезли нас, — пронеслась по рядам новость.

Было поздно. Великий город спал. По небу плыла луна, и свет ее, холодный и мертвый, тихо лился на дома, площади, улицы, придавая всему унылый вид... Колонна военнопленных по булыжной мостовой брела на окраину Рима.

Видны уже бараки. Открылись большие железные ворота. Колонна медленно втянулась на огромную территорию военных заводов. Русских военнопленных сразу же разбросали по разным баракам: немцы опасались их. Алексей Кубышкин и Език Вагнер по счастливой случайности попали на один небольшой завод.

Весть о том, что на заводах появились пленные из Советской России, быстро разнеслась по рабочей окраине. Жители всячески старались высказывать им свои симпатии.

— Руссо! Руссо! — кричали женщины и дети, встречая русских.

Нередко итальянцы тайно приносили в бараки хлеб, сигареты, белье, обувь.

«Хороший народ», — не раз думал про себя Кубышкин.

Осень 1942 года в Италии стояла чудесная. Зеленели оливы и тутовые деревья, тихо шумели лавровые рощи, шуршали спелыми колосьями золотые нивы. В садах наливались тяжелые, напоенные солнцем виноградные гроздья. Между лозами мелькали пестрые платки, раз-

ноцветные платья, широкополые шляпы сборщиков винограда. Но не было слышно ни смеха, ни песен. Бледные, исхудалые старики и дети трудились на виноградниках. Жестокая рука войны и на них наложила свой отпечаток. «Горе одного только рака красит», — повторяли старики.

Вечерами, когда взвивались над крышами пригородных хижин струйки дыма, когда тени начинали остужать раскаленные за день мостовые, женщины и старики отправлялись на вечернюю мессу. Они шли тяжело и медленно, словно обдумывали, что же сказать сегодня богу, что у него попросить. А просить было что. Не хватало хлеба, не было масла в лампаде, не было работы, война уносила все новые и новые жизни.

Солнце касалось высоких холмов, седые кроны олив исчезали в сумерках. Громкоголосые черноокие женщины снимали с веревок высушенное за день белье, ухитряясь переговариваться между собой, если даже их разделяла целая улица.

— Клянусь мадонной, — кричала одна, — немецкий офицер, что жил у моей соседки, обокрал ее сегодня ночью и уехал!

— Ах, эти немцы! — откликнулась другая. — Когда моя сестра молилась перед алтарем святой Агриппины, подошел к ней немецкий солдат и стал нахально целовать при всех. А потом пришел и забрал мешок олив.

Стайками проносились чумазые задорные ребяташки. Они жарили желуди, собирали орехи, рвали фиги, забравшись в гущу кустарника, вырезали завитушки на паяках из миндального дерева. Они играли, смеялись, дразнили друг друга, ссорились, плакали, мирились — словом, делали все, что могут делать мальчишки, когда на улицах не рвутся снаряды.

Иногда по улице проходили в обнимку парень и девушка, гордые своей любовью и молодостью, и тогда,

словно по команде, распахивались окна, отдергивались занавески, и глаза — доброжелательные, завистливые, любопытные, осуждающие — провожали парочку до тех пор, пока она не скрывалась за углом.

Вначале Алексею, наблюдавшему эти мирные картины, даже не верилось, что где-то идет война и умирают люди, что Италия тоже воюет. Но потом и он почувствовал, заметил, увидел десятки примет войны. Она разьедала страну, как ржавчина, а в народе зрело недовольство фашистским режимом Муссолини...

Всех привезенных из России в первый же день заставили демонтировать и грузить на платформы оборудование одного из металлообрабатывающих заводов. Гитлер был верен себе: он грабил не только тех, с кем вел войну, но не стеснялся общипывать и своих союзников. За 1941—1942 годы Муссолини отправил в Германию более миллиона рабочих, которые стали рабами на германских фабриках и заводах.

От угнанных в Германию приходили письма с одинаковым штемпелем — орел со свастикой. Матери и жены, получая их, плакали горькими слезами.

— И куда это все везут? — спрашивал маленький печальный серб Чосич, провожая взглядом очередной состав, груженный станками и деталями машин.

— Разве не ясно, куда? — с недоброй усмешкой отвечал Език Вагнер.

В Германию вывозились не только машины и станки, но и оборудование поликлиник, санаториев, а однажды Кубышкину пришлось грузить на платформу даже оборудование из двух психиатрических больниц.

— Специально для Гитлера и его шайки, — сказал Език Вагнер.

Опустошались и музеи Италии. По приказу Гитлера создали так называемый «корпус по охране памятни-

ков искусства». Его задачей было собирать наиболее ценные картины, статуи, рукописи, древние книги и переправлять в Германию.

В этом организованном ограблении страны чувствовалось начало конца фашизма. По всему было видно, что Гитлеру уже приходится туго. Дело дошло до того, что у итальянцев реквизировались деревянные предметы и отправлялись в Германию в качестве топлива. Каждый день уходили на север железнодорожные составы с зерном и другим продовольствием. Хлебный рацион итальянцев сократился до ста пятидесяти граммов в день.

Алексей заметил, что во время обеденного перерыва рабочие-итальянцы располагались с трапезой каждый у своего станка. Когда он поинтересовался, почему на таком большом заводе нет столовой, один из рабочих, пожилой, морщинистый человек, ответил, осторожно оглядываясь:

— Нацисты не любят, когда мы собираемся вместе. Хотят, чтобы каждый из нас спрятался в собственную скорлупу. — Тут он, должно быть, забыл об осторожности. — До войны мы жили плохо, а сейчас и того хуже. Светит наше итальянское солнце, да не всем. Поживешь — увидишь. Толчемся, как мошкара в летний вечер, на одном месте и не можем найти выход...

С каждым днем Алексей все больше убеждался в правоте старого рабочего.

Вот недавно по всей стране ввели трудовую повинность для лиц от 18 до 55 лет. Зачем это, если производство Италии свертывается, а безработица растет? А все для Гитлера: итальянцев отправляли в Германию.

Каждый день Алексей Кубышкин слушал, как местные рабочие обсуждали новые законы «дуче».

— Опять наш «Цезарь» отмочил! — восклицал какой-

нибудь весельчак. — Не слышали? Если вы уедете из города, то приготовьтесь иметь дело с военно-полевым судом. Теперь вы не просто слесари и токари, вы заводские солдаты.

— А погоны нам дадут? — подхватывал другой балагур. — Мне бы погоны пошли. Тогда, может, и моя Тереза не тосковала бы о своем знакомом сержанте.

— Нашли, над чем зубоскалить, — упрекал их третий. — Вот поставят к стенке, тогда по-другому запоете.

Недовольство и ненависть к немцам росли не по дням, а по часам. Вот почему не только Муссолини, но и Гитлер старался подсластить горькие пилюли, подносимые итальянскому народу. Он принялся раздавать германские ордена итальянским генералам. Одновременно газеты трубили о «блестящих подвигах» итальянских войск.

Но разложение фашистского государства уже началось, и ничто не могло остановить этот процесс. А слабость итальянской армии, отражавшая шаткость фашистского режима, привела к тому, что Муссолини попадал во все большую зависимость от Гитлера, вконец утратив всякую самостоятельность.

Даже среди чернорубашечников появились недовольные. Они отказывались носить фашистские значки, критиковали Муссолини за лакейскую политику и высказывались за выход Италии из войны. Тогда, по указанию Гитлера, Муссолини начал «чистку» своей партии и административного аппарата. За короткое время из партии было исключено более 70 тысяч человек.

А народ Италии от пассивного сопротивления переходил к активным действиям. Чтобы избежать отправки в Германию, многие итальянцы уходили в горы — там создавались партизанские отряды.

Все шире охватывал страну саботаж.

На военных заводах во время воздушных налетов союзников возникали самые различные «непредусмотренные» задержки: то не хватало песка, то воды, а иногда того и другого. Рабочие не хотели тушить пожары. «Пусть горит, — говорили они, — меньше Гитлеру достанется»... Инструмент быстро «изнашивался», в чертежах все чаще встречались «опечатки», катастрофически увеличивался брак.

Алексей Кубышкин быстро смекнул, как следует бороться в этих условиях.

— Эх, браток, — укоризненно сказал он Езику Вагнеру, увидев однажды, что тот пытается погнуть какой-то громадный болт. — Ломать тоже надо умеючи. Этот болт ничего не стоит заменить. Нужно находить самую «хитрую» деталь.

Език оказался толковым учеником. Скоро и он научился незаметно выводить из строя обмотку новенького электромотора, воздухораспределитель в железнодорожном вагоне.

Алексей старался портить оборудование как можно осторожнее. Он уже успел присмотреться к итальянцам, работавшим вместе с ним, однако не доверял первым впечатлениям.

Но однажды, когда Кубышкин усердно «трудился» над мотором, кто-то тронул его за плечо. Алексей вздрогнул от неожиданности.

— А у тебя неплохо получается, — добродушно и чуть насмешливо произнес стоявший рядом невысокий сухощавый итальянец.

Его черные волосы были гладко зачесаны назад, на верхней губе топорщилась щеточка усов. Он широко улыбнулся и протянул руку.

Видя, что Алексей остерегается, итальянец, как пароль, шепотом произнес: «Ленин», а потом, оглянув-

шись, полез за пазуху и передал Алексею небольшой конвертик.

— О, амико! — сказал итальянец. (Амико — значит приятель, друг.)

Возвратившись в барак, Алексей рассказал об итальянце Вагнеру. Тут же друзья распечатали конверт. В него был вложен маленький портрет Ленина. Под портретом было написано: «Мы верим вам и свою веру передаем через Ленина».

В следующие дни Алексей и Вагнер часто встречались с маленьким итальянцем и через него установили связи с членами Комитета национального освобождения, который в это время начал создаваться на заводе группой коммунистов.

Бертино Багера — так звали итальянца — был отличным конспиратором. Даже главный инженер завода, ярый фашист, считал, что у Бертино на уме только вино да женщины. На самом же деле никто лучше Бертино не мог выполнять самые сложные задания подпольной группы.

Однажды ночью Алексея разбудил какой-то старик в грязном синем комбинезоне.

— Эй, Алессіо, поднимайся. Тебя ждет Бертино.

Алексей быстро встал, оделся и пошел за стариком. Миновав посты охраны, они пришли в конторку мастера. Кроме Бертино, там было еще четыре незнакомых итальянца.

— Алессіо, — обратился Бертино, — помоги нам исправить ротатор, у нас что-то не получается.

Среди своих друзей Бертино был таким же веселым и жизнерадостным, как и на заводе, но тут он не тратил времени на легкомысленные разговорчики по поводу вчерашней выпивки или встречи с какой-нибудь Кларитой. Здесь все отлично знали, что Бертино очень любит

свою жену и дочку и совсем редко позволяет себе за-
вернуть в кабачок.

Итальянцы внимательно и сосредоточенно смотрели,
как русский, засучив рукава, принялся осматривать ро-
татор.

У Алексея были золотые руки. Недаром мать гова-
ривала: «Он у нас и столяр, и слесарь, и печник, и са-
пожник, и механик — хоть кто». Еще подростком он
смастерил однажды «зажигательное» ружье и через день
принес домой к обеду зайца. Эти руки учились мастерст-
ву не только в домашних делах и ребячьих забавах.
Они закалялись, когда он, совсем молодым парнем, ра-
ботал в команде рыбацкого катера на Азовском море,
когда трудился машинистом на заводе в родном Мцен-
ске, когда проходил курсантскую службу в военном
училище...

Очень многое могли делать руки русского умельца.

Не прошло и тридцати минут, как Алексей с помо-
щью Бертино уже печатал прокламацию. В ней описы-
валось ухудшающееся положение Гитлера и Муссолини
на Восточном фронте и в тылу. Прокламация призывала
население крепить единство и оказывать решительное
сопротивление немцам.

«Мы хотим есть! — говорилось в конце листовки. —
Долой насильственную отправку в Германию! Прекра-
тить аресты и массовые убийства! Ни одного человека,
ни одной машины для Германии! Да здравствует мир!»

За два часа Алексей и Бертино напечатали более
двух тысяч прокламаций.

Через несколько дней Алексея снова попросили по-
работать ночью.

— Ничего, выспимся после войны, — отшучивался
Алексей, когда кто-нибудь из итальянских товарищей
говорил, что русскому будет трудно на работе.

На этот раз нужно было срочно напечатать обращение к солдатам тех частей и соединений итальянской армии, которые были дислоцированы в Италии. Эту прокламацию составили члены Римского комитета национального фронта. В ней говорилось:

«Солдаты Италии! Германия толкает наш народ в бездонную пропасть. Вам незачем погибать за интересы Гитлера. Многие итальянцы уже осознали это и активно борются за освобождение нашей прекрасной родины от фашизма.

Италия превращена в колонию Германии. Наши дети голодают, в то время как продовольствие вывозится в Германию. Немецкие чиновники делаются богачами за счет пота и крови итальянских рабочих и крестьян.

Тот, кому дороги интересы родины, никогда не будет слепым орудием фашистских палачей.

Солдаты! Решительно протестуйте против отправки вас на Восточный фронт. Час пробил! Повернем оружие против тех, кто ведет нашу страну к гибели. Фашизм должен быть уничтожен раз и навсегда. Да здравствует свободная Италия!»

Старенький ротатор часто ломался. Алексей терпеливо устранял поломки и снова вертел рукоятку до тех пор, пока не начинало рябить в глазах.

— Ты должен знать, что твой труд не пропал даром, — сказал однажды Бертино после работы.

— Да много ли там моего труда! — буркнул Алексей, прикуривая сигарету.

— Не скромничай, — возразил Бертино. — Листовки — это очень здорово! Знаешь ли ты, что в одной из казарм Милана солдаты отказались поддерживать провозглашенную командиром полка здравицу в честь Муссолини? В городе Комо солдаты взбунтовались и стали петь «Бандьера росса». Как тебе это нравится? А на

одной дороге повесили на скрипучем дереве чучело гитлеровца и на шею прикрепили фанерку с надписью: «Тодеско, убирайтесь быстрее из Италии! Сегодня вешаем ваши чучела, завтра будем вешать вас самих!»

Бертино разгорячился, взволнованно жестикулировал, глаза его блестели. Он знал, с какой жадностью слушает Алексей новости из России, и поэтому каждый раз старался побольше разузнать о делах на Восточном фронте.

А на заводе, где работал Кубышкин, все шло по-прежнему. Рабочие готовились к новой забастовке. Они требовали улучшения условий труда, повышения заработной платы и выхода Италии из войны. Такие забастовки прошли во многих городах страны.

После забастовки подпольная группа коммунистов на заводе еще более усилила диверсионную работу. Теперь Алексей с Вагнером действовали не в одиночку, плечом к плечу с ними работали итальянцы, русские, чехи, французы, норвежцы. По-прежнему портили станки, которые отправлялись в Германию, потом, вместо деталей станков, в ящики стали заколачивать железный лом. Часто в ящики вкладывались письма, адресованные рабочим Германии и иностранным рабочим, томившимся на немецкой каторге. Несколько писем было написано и рукой Алексея. Он обращался к русским рабочим, насильно угнанным в Германию, с призывом выводить из строя заводское оборудование, замедлять темпы работы, крепить классовую солидарность с рабочими других стран, изготавливать больше бракованных деталей, делать все, что может приблизить победу над фашизмом.

6 ноября Бертино отозвал Алексея в сторону и прошептал:

— Завтра рано утром, когда пойдете умываться,

обрати внимание всех военнопленных на памятник Гарибальди.

— А что там будет?

— Потерпи, увидишь, — Бертино подмигнул и с беспечным видом пошел дальше.

Утром 7 ноября 1942 года солнце, взойдя над Апенниннами, осветило прекрасную панораму Вечного города. Легкой дымкой окутались оливковые рощи и виноградники. Слабый ветерок перегонял стадо кудрявых облаков через Яникульский холм, на вершине которого возвышается величественная и мужественная фигура человека, сидящего на коне, — памятник Гарибальди.

— Товарищи! — крикнул Алексей. — Посмотрите на Гарибальди! — и показал рукой на Яникульский холм.

Все повернулись и увидели: в руках Гарибальди развевалось огромное красное знамя.

В ночь на 7 ноября красные знамена были вывешены на самых высоких трубах заводов, на куполах некоторых соборов, на крышах фабрик, на телефонных столбах. Люди восторженно кричали:

— Bravo, bravissimo!

Фашистские молодчики бесновались. Они долго лазили по пожарным лестницам и срывали красные полотнища.

Таким и запомнился Алексею великий праздник Октября, впервые проведенный на чужой земле...

А в конце ноября Кубышкина и Вагнера ждало новое испытание. Бертино сообщил им, что большинство коммунистов завода уходит на особое задание.

— А как же мы? — вырвалось у Алексея. — Возьмите и нас с собой.

Бертино грустно улыбнулся.

— На нашей работе нужно быть итальянцем. Или по крайней мере безусловно знать итальянский язык. —

Он сам был расстроен прощанием с русскими. — Но мы о вас не забудем. Ждите вестей.

Бертино улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и быстро исчез.

С тех пор ни Алексей, ни Език не видели этого веселого итальянского коммуниста. Рассказывали, что он был пойман и казнен. С пением «Интернационала» пошел Бертино на виселицу. На эшафоте рассмеялся в лицо священнику, предложившему «покаяться», и крикнул: «Наши идеи живут, на моей могиле вырастут цветы!»

Бертино тайно вел дневник, записывая в него все мерзости фашистов. Дневник попал в руки эсэсовцев при аресте. Перед тем, как повесить Бертино, они разорвали его записи на мелкие клочки и бросили ему в лицо. Так, может быть, человечество лишилось одного из первых «Репортажей с петлей на шее», автором которого был коммунист, итальянский Фучик.

И в Италии есть тезки

Задумавшись, Алексей глядел на чистое бирюзовое небо. Красивое небо, хорошее, ничего не скажешь, но все-таки небо над родиной куда лучше... Эх, были бы крылья!

Кто-то хлопнул его по плечу. Алексей вздрогнул, обернулся и увидел незнакомого рабочего в короткополой промасленной куртке. Итальянец улыбнулся.

— Тю-тю... — сказал он, показывая на небо.

«Что он хочет сказать?» — подумал Алексей, и неожиданная мысль обожгла его. Двумя пальцами он показал на ладони — бежать!

Незнакомец радостно закивал. Но тут послышались голоса немецких солдат. Рабочий, кивнув, ушел.

Алексей рассказал об этой встрече Езику.

— Ты считаешь, друг? — Език тоже был взволнован.

— Тихо... — Алексей сжал его локоть. — С этим рабочим мы еще встретимся... Скажи, Език, а ты бы бежал со мной?

— Ты еще спрашиваешь? — в голосе поляка слышалась обида. — Но вдруг это провокатор? Смотри, недолго и попасться...

Алексей дружески обнял его за плечи:

— Ничего, Език, не тужи!

Вскоре тот самый итальянец снова повстречался Алексею. Нет, определенно это был пресимпатичный парень. Как возбужденно и радостно сияли его глаза, когда он рассказывал, что по всей Италии начали организовываться партизанские отряды, что создают их итальянские коммунисты и советские военнопленные, которые бежали из концентрационных лагерей.

— И вам нужно к ним, — закончил итальянец.

— Но как это сделать?

— Не торопитесь. Сделаем. Только не нужно спешить. Ждите... Наш народ поднимается на борьбу. Теперь многие понимают, что фашизму придет конец. Я, брат, сам видел этот конец еще под Воронежем... Ведь я недавно вернулся с фронта. От десяти дивизий нашего экспедиционного корпуса остались лишь горелые танки, подбитые самолеты, исковерканные пушки да березовые кресты. Мало кому удалось унести ноги.

— А как же тебя отпустили домой? — поинтересовался Алексей.

— Не так-то просто, — засмеялся итальянец. — Русская пуля раздробила мне руку. Но я не обижен на Советы!

К Езику Алексей прибежал радостно-взволнованный. Но тот встретил его неожиданно сухо. Словно что-то надломилось в нем, чего-то он боялся. И слова — они поразили Кубышкина.

— Война, Алексей, скоро кончится. Стоит ли рисковать?

— Език! Разве мы не должны мстить?!

— Конечно, должны. Но... сейчас главное выжить.

— Эх, Език! — Алексей насупился, махнул рукой и, сторбившись, высокий и понурый, пошел к бараку.

— Постой! — Език бежал за ним. — Алексей, погоди!

Алексей положил руку на его плечо, горячо зашептал:

— Когда спасал меня, ты не боялся. А теперь? Будем ждать, когда свободу нам на блюдечке поднесут?

Лицо Езика то бледнело, то покрывалось краской.

— Хорошо! Бежим!.. Только — осторожность и еще раз осторожность. Не для того мы столько страдали, чтобы умереть...

Прошла неделя, показавшаяся вечностью. Итальянец не появлялся. Алексей и Език уже теряли надежду. В голову лезли худые мысли. Может быть, итальянца заподозрили и арестовали? Может быть, он погиб в какой-нибудь уличной перестрелке? Или просто лежит в своей каморке тяжело больной?

Но вот однажды на дворе снова промелькнула знакомая замасленная куртка. Итальянец издали поприветствовал Алексея и многозначительно похлопал себя по карманам.

Что он хотел этим сказать? Алексей машинально полез в свой карман и неожиданно нащупал там какую-то бумажку. Записка?! Когда успели сунуть? Алексей развернул листочек и прочитал: «Ждем в полночь за оградой завода»...

Теплая январская ночь. Вдоль заводского забора тускло светились фонари. Туман. Ветер, подувший с моря, принес струю свежего, холодного воздуха. Печально и тревожно шелестели на деревьях листья.

Алексей и Език перемахнули через высокий дощатый забор. Благополучно... Нервы напряжены до предела. Теперь — дальше. Крадучись, беглецы проползли под колючей проволокой и, прячась между каштанами, повернули за угол каменной башни.

Из темноты навстречу шагнул высокий, сухонарый человек в длиннополном пальто с поднятым воротником, в измятой, надвинутой на глаза шляпе.

— За мной! — коротко приказал он.

Шли друг за другом, все ускоряя шаги. Несколько раз встречался патруль. Тогда беглецы вместе со своим провожатым прижимались к шершавым стенам подъездов или ныряли в спасительную темноту подворотен.

Алексей Кубышкин думал, что их постараются укрыть где-нибудь на самой окраине Рима, но высокий мужчина в шляпе уверенно шел по улицам, совсем не похожим на окраинные. Наконец возле одного из домов он остановился. Алексей успел заметить освещенную фонарем табличку: «Джулио Чезаре, 51».

Человек протянул руку к крайнему окну первого этажа, постучал несколько раз с перерывами, то быстро, то медленно. Беглецы затаили дыхание. Бесшумно отворилась дверь, и все трое вошли в помещение.

Вспыхнул свет. Человек, приведший их, протянул Алексею руку.

— Бессонный, — назвал он себя и добавил: — Алексей Иванович.

— Меня тоже Алексеем зовут, — радостно ответил Кубышкин, услышав родную речь.

— Отлично, — улыбнулся Бессонный. — Значит, тез-

ки. А это хозяин квартиры, русский художник Алексей Владимирович Исупов. Как видите, тоже наш тезка.

Вдруг за окнами дома раздались отрывистые крики. Кубышкин и Вагнер инстинктивно прижались друг к другу. Шум, доносившийся с улицы, был знаком беглецам: это подавали комайды итальянские офицеры; потом раздался мерный топот ног.

Бессонный и Исупов продолжали о чем-то разговаривать, крики и топот на улице ничуть их не тревожили.

Наконец, художник заметил волнение беглецов.

— Не волнуйтесь, дорогие товарищи, — мягко сказал он. — Против моего дома находится фашистская казарма. Орут день и ночь.

— Опасное соседство, — пробормотал Алексей.

— А по-моему, это как раз безопасно, — засмеялся Исупов. — Фашисты ищут где угодно, только не у себя под носом.

Лишь сейчас Кубышкин и Вагнер хорошенько рассмотрели его. Перед ними стоял высокий, седой, начинающий полнеть мужчина. Весь облик старого художника дышал спокойствием и уверенностью. Большой бугристый лоб, перерезанный глубокой морщиной, крупный нос, твердый подбородок — все говорило о внутренней силе этого человека. И рука у него была большая, с крепкими широкими пальцами. Такая рука может и умеет работать.

В кабинете Алексея Владимировича стоял стол из черного дерева и несколько стульев. Тяжелые занавеси на больших окнах приспущены. На стенах развешаны картины, этюды, фотографии. В углу мольберт и только что начатый холст.

Език и Алексей были смущены. Их жалкая одежда и стоптанные сапоги выглядели еще более убогими в этой нарядной комнате, освещенной мягким светом.

— Кто эти люди? Художник... Видимо, эмигрант? А Бессонный? Ясно только, что они связаны с итальянским подпольем...

Но Бессонный и Исупов не дали гостям времени для размышлений. Алексею и Езику пришлось ответить на десятки вопросов. «Русских итальянцев» интересовало буквально все, что касалось России. Чувствовалось по всему, что годы, проведенные на чужбине, не могли заглушить их большую любовь к родине.

Вскоре жена художника, Тамара Николаевна, принесла два костюма, обувь и белье.

— Ванна для вас готова. Мойтесь и переодевайтесь, — сказала она так просто, словно только тем и занималась, что укрывала беглецов. — А старую одежду сожжем.

Алексей и Език переглянулись. Принять ванну!..

Тамара Николаевна внимательно взглянула на Алексея, по-своему поняв его минутную растерянность, и сказала:

— Многие считают нас с мужем эмигрантами. Но это совсем не так. Мы уехали из России в 1926 году и не потому, что нам не нравилась Советская власть. Совсем не потому. У моего мужа тогда начинался туберкулезный процесс и очень болела рука. Мы уехали по настоянию врачей в надежде, что климат Италии поможет Алексею избавиться от болезней. Но мы всегда думаем о нашей стране. Особенно сейчас, когда русскому народу грозит смертельная опасность. И мы горды тем, что наши соотечественники свято защищают свою родину.

Эти слова могли бы звучать высокопарно, если бы их не согревали искренность и какая-то особая теплота в голосе Тамары Николаевны.

...Какое это блаженство — искупаться в горячей ванне! Вымывшись, Алексей побрился и внимательно рас-

смотрел себя в большом зеркале. Конечно, он сильно сдал. Скулы сжаты, сеточка морщин возле глаз, а на висках уже видны серебряные нити.

Хозяева пригласили за стол. Тамара Николаевна налила всем по бокалу виноградного вина, а себе — чашечку черного кофе.

Алексей Владимирович задумался, опустив голову. Неожиданно он сказал:

— Какое это холодное и неуютное слово — эмигрант!.. Больше всех, пожалуй, его не любил Илья Ефимович Репин. До последних своих дней он мечтал вернуться на родину. Писал мне однажды: «...Только состояние здоровья мешает осуществить мое заветное желание — жить в новой России...» Я счастлив тем, что мне пришлось быть учеником этого великого живописца. Какой это был человек!

— Ничего, Алексей Владимирович, — сказал Бессонный. — Вот кончится война, и мы с вами вернемся в Россию. А пока будем делать все, что в наших силах.

— Хорошо сказано! — произнес старый художник. — Прошу за это выпить по бокалу... Хотя нет! За родину следует выпить что-нибудь покрепче... Где-то есть. Сейчас принесу.

Через минуту Алексей Владимирович принес бутылку коньяку и налил всем, даже Тамаре Николаевне:

— Хоть один глоток выпей вместе с нами. За возвращение на родину!

— За нашу победу! — и выпил рюмку залпом.

— Да, — задумчиво сказал Бессонный, — победа была бы куда ближе, если бы американцы и англичане открыли второй фронт.

— Мне не нравится их мышьяная возня, — поддержал его художник. — Вот только что в Швейцарии закончи-

лись переговоры Даллеса с немецким князем Гогенлоэ. За спиной русского солдата плетутся какие-то интриги.

— Вот и нам вчера, — подхватил Алексей, — принесли в барак газету «Заря», берлинское издание для русских военнопленных. Сколько там напечатано разной ерунды... уши вянут! Пишут, что никакого второго фронта не будет, что рано или поздно Америка и Англия выйдут из войны, что большевики начали расстреливать родственников всех русских военнопленных. Кто будет верить этой клевете!

Опять заговорил Исупов. Он сердито выговаривал Бессонному за то, что тот не дает ему настоящей подпольной работы.

— Вы, пожалуйста, не считайте меня стариком! — воскликнул он, заложив большие пальцы рук за подтяжки.

Алексей внимательно прислушивался к разговору.

— Вы и так очень многое делаете, — возразил Бессонный. — Сколько людей вы спасли от верной гибели! А ведь теперь они воюют с фашистами.

Кубышкин и Вагнер переглянулись.

— Но сам-то я не воюю, — тихо сказал Исупов.

— И все-таки сейчас вы делаете больше, чем могли бы сделать с автоматом в руках. И, кроме того, я не могу рисковать вашей жизнью. Мне бы никогда этого не простили ни русские, ни итальянцы.

Беседа затянулась далеко за полночь. Первым из-за стола поднялся Бессонный.

— Светает, — сказал он, осторожно отодвинув занавеску. — Мне пора возвращаться.

После ухода Бессонного художник показал гостям свои картины.

Алексей долго стоял перед полотном, на котором было изображено озеро. У берега вздымалась гора,

увенчанная нагромождением скал. Над ней висели набухшие влагой темные облака. Было в этом пейзаже что-то родное, русское, и Алексей, почувствовавший это, не ошибся.

— Это уральское озеро, — подтвердил Алексей Владимирович. — А картину я закончил в срок первом году.

— Как же так? Вы ведь не были в России с двадцать шестого года.

— По памяти, — улыбнулся художник. — Иметь хорошую зрительную память я просто обязан по профессии. А кроме того, русские пейзажи тому, кто любит Россию, легко запоминаются. Я написал немало картин о России уже здесь, в Италии. И еще больше постараюсь написать.

Понравился Алексею и «Автопортрет». На этой картине Исупов стоял с кистью в руках на фоне Невы. В дымке далекой перспективы виднелся высокий шпиль Петропавловской крепости. Картина производила сильное впечатление.

Исупов был рад, что его работа понравилась.

— Конечно, — усмехнулся он, — сейчас эти картины никто не видит. Зато в первые же мирные дни я покажу их людям.

Тамара Николаевна, с улыбкой слушавшая разговор, мягко упрекнула мужа:

— Алексей, не будь эгоистом! Люди устали, переволновались. Им нужно отдохнуть. Один бог знает, что их ждет завтра!

Художник, смеясь, ударил себя рукой по лбу:

— Неисправимый болтун! Спать, спать без всяких разговоров! Приятных сновидений!

Через полчаса в доме воцарилась тишина. Алексей перебросился несколькими фразами с Езиком, но усталость, легкое опьянение и ощущение безопасности и сво-

боды сделали свое дело. Сон пришел незаметно, и впервые за долгое время ночные кошмары не душили Кубышкина.

Недели шли за неделями. Алексей и Език продолжали скрываться у Исупова. Их жизнь текла однообразно, размеренно-тягостно, но где-то там, за стенами дома, в грохоте сражений, в упрямой и таинственной работе подпольщиков, в нарастающих атаках партизан жизнь летела стремительно и грозно.

Исуповым сообщили радостную весть: 6-я гитлеровская армия фельдмаршала Паулюса разгромлена, а сам он со своими генералами, офицерами и солдатами оказался в плену у советских войск.

В фашистской коалиции начался серьезный кризис. А среди трудящихся Италии победа на Волге вызвала небывалый подъем. Народ требовал роспуска фашистских организаций, освобождения политических заключенных и прекращения войны. Подпольные листовки коммунистической партии переходили из рук в руки и зачитывались до дыр. На многих улицах Рима появились огромные надписи: «Гитлер — кровавый палач!», «Долой союз с Гитлером!», «Смерть фашизму!»

Разъяренные эсэсовцы повсюду искали коммунистов и патриотов-подпольщиков. А их становилось все больше и больше. По инициативе компартии во многих городах стали создаваться «отряды патриотического действия». Они совершали нападения на военные объекты врага, выводили из строя предприятия, работавшие на гитлеровскую армию, уничтожали предателей и нацистских палачей.

В сельских местностях организовывались «отряды местных жителей». Крестьяне скрывали от оккупантов продовольствие и зерно, пополняли армию народного ополчения. В оккупированных зонах страны возникали

«ударные гарибальдийские бригады». Они готовили себя для вооруженной борьбы.

Итальянский народ переходил к четким, организованным действиям. В городах заводские «комитеты движения» призывали рабочих бойкотировать выполнение военных заказов для гитлеровской армии, проводить забастовки протеста против репрессий фашистских властей.

Юноши не приходили на призывные пункты и распространяли прокламации, призывавшие население оказывать сопротивление захватчикам. «Мы хотим есть! Долой насильственную отправку в Германию! Прекратить аресты и массовые убийства! Ни одного человека, ни одной машины для Германии!» — призывали листовки.

Весной 1943 года Муссолини при помощи своего зятя Чиано, назначенного послом в Ватикане, попробовал начать переговоры с союзниками Советской России и заключить с ними сепаратный мир. Это была последняя попытка спасти фашистский режим в Италии от полной катастрофы. Но и эта попытка провалилась; Красная Армия начала весеннее наступление по всему фронту, а союзники стали, наконец, готовиться к высадке своих войск на острове Сицилия.

Война приближалась к границам Италии.

В этот период Ватикан вступил в контакт с Англией и США. Западные союзники, как и Ватикан, испытывали страх перед победой революционных сил в Италии. Они разработали совместный план действий, состоявший из двух частей. Первая — свержение Муссолини, которое стало уже неизбежным. Вторая часть — помешать победе революционных сил в Италии.

Результат вскоре стал очевидным. Италия безоговорочно капитулировала, сохранив, однако, фашистский

режим в замаскированном виде. Но трудящиеся массы страны усилили борьбу за демократические свободы. Ряды коммунистической партии быстро росли, народ Италии все внимательнее прислушивался к ее лозунгам и призывам.

...Так шла жизнь за стенами дома старого русского художника.

Алексей и Език томились от безделья, им не терпелось принять участие в общей борьбе.

— Подождите, — твердил Исупов. — Вас не забыли, о вас помнят, вас позовут.

Интересные встречи

Нарядная белая вилла стояла на холме в привилегированном предместье Рима — Париоли. Здесь, на тихих зеленых улицах, жили аристократы, дипломаты и королевские чиновники.

Поздней сентябрьской ночью Марио — сторож белойвиллы — тихо открыл железную калитку и впустил трех человек: Николо, Алексея и Езика.

— Марио, это наши друзья, — сказал Николо. — Они будут у тебя жить.

Марио оглядел пришедших и, улыбнувшись, дружески поздоровался. На вид ему было не более сорока, хотя его и старила клинообразная борода.

Массовые забастовки весны 1943 года объединили рабочих и ободрили антифашистов, а у сторонников фашистского режима вызвали растерянность. Началось повальное «бегство крыс». Из Рима бежали в Бриндизи, под охрану американского десанта, король Италии

Виктор-Эммануил со своей семьей, правительство во главе с маршалом Бадольо и генералитет.

В числе сбежавших был и владелец виллы, дальний родственник короля, архитектор Джиберти.

После 8 сентября Северную и Центральную Италию оккупировали гитлеровцы. Правительство Бадольо надеялось, что фашистам удастся разгромить итальянское движение Сопротивления. Но они просчитались. Во главе патриотов встала Коммунистическая партия Италии.

Росла подпольная сеть, множилось число конспиративных квартир. Среди них оказалась и эта аристократическая вилла...

Марио познакомил «квартирантов» с их новым жильем. Алексея и Езика особенно заинтересовал кабинет архитектора. Между окон разместились два немецких серванта. На одном из них были расставлены фигурки из саксонского фарфора, статуэтки из слоновой кости, китайские драконы, ларец для хранения писем; на другом — постные физиономии католических святых, кардиналов, нунциев и римских пап, вылепленные из воска.

Стены кабинета украшали фрески. Крупным планом была изображена казнь святого Джованни, которому турки отрезали голову. Тут же были воспроизведены и эпизоды из жизни папства: «Лев III коронует Карла Великого императором», «Торговля индульгенциями», «Крестовые походы», «Сожжение Джордано Бруно».

— Придется вам пожить среди пап, — пошутил Марио.

— Хорошо, что они молчат, — в тон ему ответил Алексей.

— А ты знаешь, как зовут вот этого папу? — Език кивнул на бюст длинноносого человека.

— Откуда мне знать? — усмехнулся Алексей. — Я и русских-то патриархов не знаю ни одного.

— Это Иннокентий Восьмой, — пояснил Език. — У нас, в Польше, католицизм, поэтому мы о папах знаем. Кстати, этот связан немножко и с вашей историей. На приемах у Иннокентия Восьмого русские послы сидели на самых почетных местах. А когда однажды один из кардиналов хотел посадить посла Данилу Мамырова где-то в углу, тот сказал: «Не быть по-вашему. Велико княжество Московское. И не подобает послу великого государя сидеть на задворках...» Пришлось кардиналу отступить.

— А это гороскоп хозяйского сына, Джованни, — сообщил Марио, показывая на небольшой металлический круг, похожий на карманные часы. — Когда Джованни убили, товарищи переслали гороскоп родителям. Видите, здесь, посредине — лев. Это небесный «знак бессмертия», под которым, считалось, родился архитекторский сын.

— От пули не спасет никакой гороскоп, — ответил Алексей, рассматривая альбом. — Смотрите! Это уж настоящие фашисты!

Возле берез, запорошенных снегом, стояли солдаты итальянской армии, закинув винтовки за плечи. Перед ними, среди беспорядочно раскиданной одежды, сидела полуобнаженная девушка. Рядом, прямо на снегу, сидели другие обреченные — мужчины, женщины, дети.

Под фотографией мелким, четким почерком было написано по-итальянски: «Так мы уничтожаем семьи русских партизан в орловских лесах».

Вагнер прочитал надпись и вопросительно поднял глаза на Алексея:

— Это там, где ты родился?

Алексея словно ударило. Лицо его побледнело, брови круто сошлись на переносице, на скулах заходили желваки. Теперь он вглядывался в фотографию с особым

пристрастием. Ему казалось, что он отыщет среди этих несчастных кого-то из своих. Ведь отец его, наверняка, ушел в партизаны... Но лица были незнакомые. Впрочем, их трудно было разглядеть: многие плакали, обняв друг друга, некоторые отвернулись в сторону.

Алексей захлопнул альбом и порывисто поднялся. Глаза его потемнели.

— Какого черта, до каких пор мы будем сидеть без дела? — глухо произнес он, шагая по кабинету.

Вагнер вздохнул.

— Терпение, мой друг!

Утром пришел Николо. Алексей набросился на него:

— Я так больше не могу! Должны же мы хоть что-то делать!

— Конечно, — спокойно отозвался Николо. — И мы уже кое-что для вас придумали. Слушайте...

Поздно ночью Алексей, Вагнер и Марио, вооружив-

шись красками и кистями, незаметно вышли из виллы. Вернулись лишь под утро.

Всюду, где прошли эти трое, на стенах домов, на тротуарах появились карикатуры на Гитлера и Муссолини и надписи: «Да здравствует СССР!», «Смерть Гитлеру!», «Да здравствуют партизаны Италии!»,

«Долой фашизм!», «Долой дуче!»

Большинство лозунгов Алексей и Езык с помощью Марио написали по-итальянски. Но потом Алексей не выдержал и вывел на стене «Смерть Гитлеру!» — по-русски. А Езык тщательно вырисовал по-польски: «Да здравствует свобода!».

Подобные опасные задания приходилось выполнять часто. Алексей был рад, что угнетающее безделье окончилось.

Иногда они слушали антифашистскую радиостанцию «Милано-Либерта» и Москву. Все передачи подробно

записывались, а утром Марио относил записи редакциям подпольных газет.

Приближалось 7 ноября 1943 года — 26-я годовщина Октября. Простые люди Рима решили отметить этот праздник. На стенах домов и тротуарах появились приветствия героическому советскому народу. В ночь на 7-е на площадях и высоких зданиях были вывешены красные флаги. Фашистам удалось снять их лишь к полудню.

Во многих районах города состоялись митинги. Под охраной патриотов на улице Витторио-Венето, где помещалось главное немецкое командование, выступил коммунист Галафати. «Граждане Рима! — говорил он. — Сегодня, 7 ноября, годовщина русской революции... Славная Красная Армия гонит нацистского зверя в его берлогу... Смерть немецким захватчикам! Смерть фашистским наемникам!».

Когда немцы бросились на улицу Витторио-Венето, их встретили выстрелами и ручными гранатами.

В боевой группе охраны находились и Алексей с Вагнером...

Так была начата вооруженная борьба населения итальянской столицы против гитлеровцев и итальянских фашистов.

* * *

Вечером, под новый 1944 год, Марио сказал Алексею и Езику:

— Сегодня пойдем в гости.

Друзья посмотрели на него с удивлением. Марио улыбнулся:

— По-настоящему в гости. Не верите? Встречать Новый год. С рабочими, которые живут в пещерах... Захватим кое-что из запасов архитектора.

Они взяли с собой вина, закусок, сигарет.

Пещеры — это, конечно, не сладко. Но то, что увидели Алексей и Език, потрясло их. Тесные, мрачные подземелья. Мрак, сырость, холод. Среди взрослых, как привидения, маячили дети — оборванные, худые, с большими, болезненно блестящими глазами.

Нежданным гостям все были несказанно рады.

— Мы пришли к вам, чтобы встретить Новый год, — сказал Марио и представил им друзей: — Вот это — Алессио, русский матрос, а это — Език, поляк.

Их сразу окружили ребяташки. Пришлось всю закуску раздать им, а Марио откомандировать за добавочным продовольствием.

Встреча Нового года затянулась за полночь. Пили вино, произносили тосты.

Возвращаясь, они молчали. Уж подходя к вилле, Алексей задумчиво сказал:

— Какие чудесные люди! И как плохо живут!

Марио, шедший рядом, вздохнул и сказав на ломаном русском языке:

— Вас, возможно, скоро повезут в партизанский отряд...

— Вот хорошо! — вырвалось у Алексея.

Уже дома, на вилле, Марио снова вернулся к этому.

— Может быть, мы больше не увидимся, — заговорил он приглушенным голосом. — И вот что я хотел вам сказать, Алексей. У меня в России есть один очень хороший знакомый. Если вы вернетесь домой, постарайтесь отыскать его и передать от меня большой сердечный привет.

— Кто он такой?

— О, это длинная история. — Марио вздохнул и, загнув руки глубоко в карманы, прошелся по комнате. — Но рассказать ее вам я должен... Садитесь, я тоже при-

сяду... Это было летом сорок второго года. В составе восьмой итальянской армии я дошел до берега Волги. Я был тогда капралом и носил большие пушистые усы. Да-да, — усмехнулся он и показал: — вот такие... Бои шли большие. Немцы бросили на Волгу массу танков, артиллерии, авиации. Вместе с ударным батальоном СС мы закрепились на набережной, обороняли один дом. У меня в то время было всего лишь тринадцать солдат. Попытались сдаться в плен, но ничего не вышло: немцы были бдительны. Тогда мы решили помочь русским. Ночами стали воровать у немцев пулеметы, автоматы, гранаты, патроны. Когда немцы узнали об этом, командир батальона майор Миллер решил нас расстрелять. Но не успел — красноармейцы двести третьего полка семидесятой стрелковой дивизии уничтожили весь его батальон, а нас вместе с Миллером взяли в плен. Это было в конце декабря.

Допрашивал нас комиссар полка капитан Ильных. Вот это и есть мой знакомый.. Он очень хорошо отнесся к нам, итальянцам. В январе сорок третьего года нас привезли в один старинный город. Этот город я знал из истории.

Лагерь военнопленных находился около завода. Держали нас, итальянцев, вместе с румынами и венграми. Каждый день ходили на завод работать. Здесь мы увидели сплоченный рабочий класс, который делал все возможное, чтобы приблизить победу. В городе в то время работала антифашистская школа для военнопленных. В марте меня зачислили туда. Три месяца учился. Изучали русский язык, внутреннее и международное положение Советского Союза, военную и политическую обстановку на фронтах, положение рабочего класса в странах, захваченных Гитлером.

Была у нас своя художественная самодеятельность,

проводили различные вечера. Несколько раз приносили нам книги на итальянском языке.

Школа помогла мне окончательно определиться в жизни. Я стал антифашистом.

Немцы даже в лагере стремились командовать своими «союзниками», унижать их. Таков уж «арийский дух». Некоторые из них пролезли в повара, в хлеборезы, устраивались бригадирами, нарядчиками, лагерными комендантами. На этой почве между немцами и военнопленными других национальностей возникали довольно серьезные трения. Особенно пренебрежительно они относились к итальянцам, называли нас «макаронниками»...

Марио, минуту помолчав, продолжал:

— В июне сорок третьего года небольшая группа итальянских антифашистов была направлена в Москву. А в начале июля нас на транспортном самолете отвезли к партизанам Югославии. У них мы пробыли неделю, через город Триест перебрались поодиночке в Италию. И вот, как видите, я остался верным тому, чему научили на вашей родине.

Марио помолчал.

— А вот моему брату Винченцо пришлось навсегда остаться в России...

— Убили? — глухо спросил Алексей.

— Да. Его расстреляли немцы.

Он опять замолчал, но Алексей ничего больше не спрашивал, ждал, и Марио стал рассказывать:

— Винченцо служил вместе со мной, в одной дивизии. Однажды немцы приказали ему и еще десяти итальянцам расстрелять тридцать семь русских заложников — стариков, женщин, детей. Винченцо был парень горячий, фашистов ненавидел, особенно после того, как посмотрелся на их зверства в России. И вот мой братишка подговорил своих товарищей отпустить всех за-

ложников. Ребята согласились. Но немцы вместе с ними послали для наблюдения двух эсэсовцев.

Марно встал, закурил, прошелся по комнате.

— Расстрел русских должен был произойти в пять часов вечера. А в семь наш батальон подняли по тревоге. Оказалось, что Винченцо и его товарищи убили обоих эсэсовцев. А заложников отпустили... Эсэсовцы, не дождавшись двух своих, подняли тревогу и вскоре в лесу напали на след итальянцев. Ребята хотели сдаться русским. Но не успели. Они отстреливались от немцев, положили их, наверное, с десяток, но силы были неравны. Немцы взяли живьем только двух. Винченцо был вторым. Но лучше бы его убили в перестрелке! Немцы ужасно избивали его и расстреляли только на второй день. Мне не дали повидаться с ним. Но ребята говорили, что Винченцо умер храбрецом.

Марно притушил сигарету, вздохнул:

— Да, Муссолини втянул нас в эту грязную войну. Во все времена русским и итальянцам не о чем было спорить, нечего было делить. Разве не так? Вот только в прошлом веке Наполеон насильно потащил за собой в Россию тридцать тысяч итальянцев. А вернулось домой всего триста с небольшим. Но Муссолини не хотел заглядывать в историю! Что ж, он дорого заплатит за это...

В партизанском отряде

Связной Алексей Бессонный всегда приходил неожиданно. Без предупреждения появился он на вилле и в этот раз.

— У меня для вас добрая весть, — сказал он, и глаза его задорно заблестели.

— К партизанам? — обрадованно догадался Алексей.

Бессонный кивнул, не сдерживая улыбки.

Он повез их и еще двух русских — Ивана Румянцева и Павла Лезова — на Альбанские холмы. Там действовал партизанский отряд Анатолия Тарасенко.

Ехали в роскошной машине с ватиканским номером и эмблемой «Банка святого духа». На всякий случай Бессонный выдал всем «хорватские» паспорта и по одной гранате.

Он был бодр и уверен в успехе:

— Не волнуйтесь, ребята! Все обойдется. Сегодня подходящий день. Вся полиция и агентура Ватикана заняты одной важной персоной. Им сейчас не до нас.

— Что за «персона»? — поинтересовался Алексей.

— Прибывает на свидание с папой архиепископ Нью-Йорка Спеллман. — Бессонный усмехнулся. — Избран посредником между папой и западными союзниками. Русские кровь проливают, а союзники разрабатывают планы, как лучше после войны прибрать к рукам другие страны.

Автомобиль мчался по лесной дороге.

Не доезжая километра три до места, Бессонный отправил машину обратно и повел будущих партизан пешком. Ветерок, напоенный запахами можжевельника, вздувал пиджаки, развевал волосы...

Новичков в отряде приняли хорошо. На всю жизнь запомнил Алексей слова партизанской клятвы: «Быть верными, стойкими партизанами и бороться с фашистами до полного их разгрома»... После клятвы каждый получил автомат с боеприпасами.

Так Алексей Кубышкин стал партизаном на итальянской земле.

К этому времени партизанское движение в стране уже выросло в большую силу. В отряды борцов за свободу вливались все новые пополнения: рабочие, крестьяне, интеллигенты, солдаты и офицеры развалившейся итальянской армии.

Люди, вставшие на борьбу с фашизмом, сражались под руководством возмужавшей и окрепшей в боях Итальянской коммунистической партии.

Теперь друзьями Алексея стали многие итальянские коммунисты, люди отважные, добрые и сердечные.

Командовал отрядом Анатолий Михайлович Тарасенко.

Это был крепкий, кряжистый, голубоглазый человек. До призыва в Красную Армию он работал в торговле в родном Тангуйском районе Иркутской области.

Все было просто, привычно, буднично. Но в 1941 году началась удивительная история этого человека, никогда, конечно, не помышлявшего командовать партизанским отрядом в далекой Италии.

В первое лето войны погиб под Ленинградом его брат Владимир. В том же месяце пришло в Тангуй письмо от Анатолия: «Иду мстить за брата!»

Боевое крещение он принял в боях под Тихвином. Память сохранила немного: выжженную землю, сгустки взрывов, рев гаубиц. Здесь Анатолий был ранен. В госпиталь не пошел и, когда враг рванулся в атаку, снова встал в строй.

Кончилось продовольствие, варили крапиву. Но когда в стволы легли последние снаряды, был отдан приказ подорвать технику и выбираться к Большой земле. Последнее, что запомнилось Тарасенко, — шквал огня и удар в голову.

Так в июньскую ночь 1942 года ефрейтор-артиллерист Анатолий Тарасенко попал в плен.

Лагерь находился в Эстонии. Пленные готовили для фашистской армии разборные дома. Прежде, чем что-то предпринять, нужно было установить связь. Сделать это поручили Анатолию.

В один из ненастных вечеров Тарасенко с товарищем скрылись из лагеря. Но уже утром, избитых и окровавленных, жандармы приволокли их обратно.

За побег полагалась смерть. Комендант лагеря приказал повесить беглецов и тут же задал какой-то вопрос переводчику. «Русские искали пищу», — ответил тот. Комендант скосил лицо в улыбке. Ну, конечно, в карманах у них нашли картофельную шелуху. Этим скотам хочется есть? Пусть умрут на работе. Для армии фюрера нужно много домов.

— Работаты! — крикнул комендант. — Марш-марш...

А в сентябре 1943 года Тарасенко и его товарищей отправили в Италию. Здесь он бежал к партизанам.

Италию не сравнить с Сибирью. В этой древней стране и солнце, и небо, и обычаи совсем иные. Только ненависть везде одинакова. Ненависть простых людей, боровшихся за свободу.

Об этой борьбе не сообщалось в сводках гитлеровского командования, не писалось в газетах, она велась незримо и тайно, в самом логове врага, чтобы вспыхнуть в ночном небе фейерверком взорванного склада, загромоздить обломками машин и поездов...

Отряд Анатолия Тарасенко действовал в районе небольшого города Монтеротондо, в горах со множеством естественных гротов и пещер, в которых когда-то скрывался со своими отрядами Гарибальди. Район действия был довольно велик, и это позволяло отряду маневрировать, сбивать со следа фашистских ищеек.

Очень трудно было доставать продовольствие. Немцы, наученные горьким опытом, давали обозам большую охрану, а иногда даже танки и легкие орудия. Бывали дни, когда приходилось голодать. Все надежды тогда возлагались на жителей окрестных сел и деревень.

— Рассказывайте им о целях нашей борьбы, — учили коммунисты бойцов отряда, — рассказывайте и о той великой битве, что гремит там, на русских снежных равнинах. Они поймут вас.

И крестьяне, часто недоедавшие сами, тайно помогали партизанам в их суровой, полной лишений и невзгод борьбе.

Эта помощь особенно усилилась после 25 июля, когда пал режим Муссолини и в Италию стали вводиться немецкие войска, а представители правых кругов начали готовить тайное соглашение с англо-американскими монополистами.

На второй день после падения «дуче» в газете «Уни-та» был опубликован лозунг «Мир и свобода!». Компартия звала на борьбу за прекращение военных действий и окончательный выход Италии из войны, за роспуск фашистских организаций, восстановление демократических свобод, за немедленное освобождение политических заключенных и образование демократического правительства.

Именно в этот момент, когда нужно было мобилизовать все силы борьбы с фашизмом, англо-американское командование пошло на прямое предательство по отношению к итальянским партизанам. Оно издало за подписью фельдмаршала Александера ряд инструкций, призывавших партизан сложить оружие и разойтись по домам.

Выполнить эти инструкции означало погубить парти-

занское движение в Италии. Гитлеровские войска немедленно воспользовались бы этим.

Коммунистическая партия решительно отвергла англо-американские «указания». Она призвала перейти в новое наступление против оккупантов. Партизанское движение с каждым днем все более крепло и превращалось в грозную антифашистскую силу.

Одной из боевых единиц в этой борьбе был небольшой отряд Анатолия Тарасенко, в рядах которого отважно сражались теперь плечом к плечу с итальянскими патриотами Алексей Кубышкин, Език Вагнер, Виктор Золотухин, Николай Остапенко, Павел Лезов, Иван Румянцев, Федосей Кореконцев, Алексей Никитин, Василий Ефремов, Николай Дрожак, Василий Ильюшин, Иван Логинов, Петр Ильных, Василий Межеричский и другие.

Боевые тропы

Чаще всего отряду приходилось уничтожать немецкие транспорты, доставлявшие на линию фронта боеприпасы и продовольствие.

Однажды разведчики обнаружили в горах склад продуктов. Он, видимо, предназначался для карателей, выслеживающих партизан. Несколько длинных приземистых барачков без окон, окруженных колючей проволокой, охраняло 12—15 фашистских солдат. К складу вела узенькая извилистая тропинка. Ее охранял часовой. С другой стороны столбы с колючей проволокой подходили к глубокому пятиметровому обрыву.

Партизаны решили захватить склад. Группа в две-

надцать человек незаметно подкралась к нему. Алексею поручили снять часового. Другие подготовились забросать гранатами домик, в котором расположилась охрана.

Алексей вместе с калабрийским горцем Николо решил подкрасться к часовому с той стороны, куда немец даже и не смотрел. Николо, смуглый, стройный и верткий, недавно вступил в отряд.

Они подождали, пока стемнело и немцы зашли в сторожевой домик.

— Пора, — шепнул Алексей и пополз к обрыву. Николо осторожно двинулся за ним.

Они цеплялись за каждый выступ и очень боялись — вдруг столкнут вниз какой-нибудь камень.

— Баста! — прошептал Николо.

Он предусмотрительно прихватил с собой длинную веревку. Теперь, сделав петлю, ловко захлестнул ею острый выступ площадки, на которой стоял склад. Всем телом повис на веревке, проверяя прочность крепления.

— Можно!

Алексей полез вверх. Лез медленно, осторожно, каждой мышцей ощущая напряженную дрожь веревки. Когда глаза его оказались на уровне площадки, он заметил часового, по-прежнему не менявшего привычный маршрут. Алексей подтянулся на руках и выполз на ровное место.

«Давай!» — махнул рукой вниз.

Николо с обезьяньей ловкостью начал взбираться по отвесному склону. Алексей тем временем, переведя дыхание, осматривался. Он решил напасть на часового, подкравшись к нему через территорию склада. А Николо должен был оставаться у обрыва на тот случай, если немцы заметят партизан и начнут стрельбу.

Алексей подлез под колючую проволоку и, извиваясь всем телом, пополз к ближайшему бараку.

: Часовой, тощий высокий немец, положив руки на автомат, ходил взад-вперед возле дверей. Когда Алексей, по-кошачьи подскочив к нему, вонзил между лопаток острый нож, часовой даже не успел вскрикнуть. Тихо захрипев, он мешком свалился на землю...

Алексей подал сигнал. И тотчас в окна домика полетели гранаты.

Только два немца, которые отдыхали под навесом, бросились к обрыву, но тут их скосил из автомата Николо.

Заглянув в домик и убедившись, что ни одного немца в живых не осталось, Анатолий Тарасенко дал команду взломать склад. Отряд пополнил запасы продовольствия и оружия. Затем под дверь склада подкатили бочку с бензином и подожгли.

Уходя в ночную темень гор, партизаны долго еще видели зарево...

Все чаще немецкие машины, везущие смертоносный груз на фронт, взлетали в воздух, подорванные гранатами партизан. Все чаще пули народных мстителей достигали оккупантов. Среди наиболее значительных операций, проведенных отрядом, были: крушение железнодорожного состава на линии Рим — Неаполь, поджог немецкого железнодорожного состава с бензином, взрыв трех зенитных батарей.

Разъяренное действиями партизан немецкое командование, находящееся в Риме, организовало карательную экспедицию. Несколько отрядов фашистских головорезов было отправлено в район Альбанских холмов.

Коммунисты-подпольщики не дремали. Отряд Анатолия Тарасенко предупредили об опасности. Партизаны решили встретить карателей в глухой балке, заросшей густым кустарником.

Рано утром над холмами зажужжал немецкий разве-

дывательный самолет. Сделав несколько кругов, он повернул обратно.

Вскоре началась перестрелка. Самолет пускал ракеты туда, где замечал скопление партизан, корректировал артиллерийский огонь. Но вот точная пулеметная очередь настигла самолет, он вспыхнул и, кувыркаясь, пошел вниз.

Немцы бросились в атаку. Партизаны ударили из пулеметов и автоматов. Атака захлебнулась.

Фашисты притихли. Через некоторое время к ним подошло подкрепление и они начали устанавливать новые минометы и легкие орудия.

Соотношение сил становилось другим, положение изменилось. Тогда Анатолий Тарасенко приказал бойцам по одному спуститься в соседнюю балку и уходить на север. Когда ударил по балке бешеный минометный огонь, там уже не было ни одного партизана.

Целые сутки пришлось отступать с холма на холм, узкими пастушьими тропами. Шли измученные и голодные. Ели листья и желуди. Было несколько легкораненых — их оружие несли те, кто остался невредимым. Кубышкин нес два автомата. Вагнер поддерживал раненного в ногу бойца.

Анатолий Тарасенко, шедший впереди, то и дело подбадривал людей. Но с его сурового, обожженного лица не сходила тень озабоченности.

Наступил вечер. Замерли листья на редких деревьях, удлинились тени, незаметно, громоздясь друг на друга, наплывали серые облака. Солнце быстро скрывалось за вершинами гор, покрытых реденькой растительностью. Казалось, оно торопилось оставить людей без света среди безмолвных, равнодушных скал.

Потянуло ночным холодом. Из ущелий начал подниматься туман.

Лишь утром, наконец, тропинки слились в одну довольно широкую дорогу: начался спуск в долину.

— Деревня! — вдруг воскликнул Език Вагнер, показывая на струйки дыма, поднимавшиеся из долины.

— А вдруг там немцы? — Павел Лезов озабоченно посмотрел на товарищей. — Как бы не того...

Анатолий Тарасенко решил рискнуть сам:

— Пойду разведую. Услышите выстрелы — уходите в горы...

Он уже двинулся было вниз, но в это время кто-то окликнул его из кустов. Оказывается, в отряд прибыл мальчишка-связной. Он передал приказ: командиру явиться на связь для важного задания.

— Лорето, — спросил его Тарасенко, — как Фауст?

Лорето Боттичели улыбнулся, поправил на плече связку хвороста и запел веселую песню. Это была песня-пароль. Она означала, что ничего тревожного не произошло. Фауст со своей мамой вернулся на ферму Чекконни, и вечером русский друг снова может приходить слушать Москву.

Маленький Лорето многое знал о делах командира отряда. Когда помещик Доменико де Батистис уезжал по своим делам в Рим, черноглазая Амелия — его жена — открывала кабинет хозяина, а сама выходила во двор и зорко наблюдала за всем, что происходит вокруг. Тарасенко тем временем включал приемник, ловил позывные Москвы.

Прощавшись, они расходились в разные стороны. Тарасенко благодарил Амелию, брал маленького Фауста и шел с ним по дороге до другой фермы, откуда тропинка сворачивала в горы. Прогулка на руках у русского нравилась маленькому Фаусту. А там, на другой ферме, где жил отец Амелии, Тарасенко вытаскивал из тайника автомат и отправлялся в горы.

Вот и сейчас Лорето повел Анатолия по тропинке, что вела на ферму Чеккони.

Там уже ждали. У каменной стены стояла Амелия, глаза ее тревожно мерцали.

— Анатолий, — сказала она, — к тебе пришел большой человек.

Это был представитель Комитета Сопротивления. Обменявшись условными знаками, они, не теряя времени, приступили к делу. Комитет предлагал разбить отряд на мелкие группы и отправить в надежные места. Тарасенко с самой большой группой оставался в окрестностях Монтеротондо. Ему разрешалось использовать последнее секретное убежище. Так решил Комитет.

Сообщив адреса новых явок, представитель Комитета распрощался и ушел.

Амелия укладывала в корзину Тарасенко хлеб, козье молоко и сыр. Анатолий подошел к радиоприемнику, стал искать Москву. И вот знакомый голос Юрия Левитана: «Говорит Москва. Передаем последние известия от Советского Информбюро...» Сообщалось о боях под Ленинградом. «Обрадуя ребят самыми свежими новостями», — думал Анатолий.

Он уже собрался обратно в отряд, но, как всегда, из предосторожности выглянул в окно и вдруг заметил двух солдат, подходивших к дому.

— Немцы!..

Амелия испуганно прильнула к окну. Вот уже слышен скрип калитки. Через минуту фашисты войдут в дом. Что делать? Отстреливаться нельзя: наверняка погубишь всю семью Доменико де Батистис...

Вдруг Амелия схватила маленького Фауста и подала на руки русскому. Анатолий все понял. Лорето дали корзину, Тарасенко взял его за руку и с Фаустом на плече направился к выходу.

Немцы были уже в сених. Какая-то секунда решила все. Тарасенко шел веселый, оживленно улыбался Фаусту. Немцы посторонились, пропустив мужчину с детьми, и Тарасенко вышел на улицу...

Уже потом, выйдя из ворот дома, он до конца оценил отчаянный и полный благородства поступок итальянской женщины. Если бы немцы что-то заподозрили...

Тарасенко прошел до конца улицы и остановился. Лорето глядел на него большими, все понимающими глазами, и сердце Анатолия дрогнуло от любви к этим отважным людям. Он прижал к груди Фауста, потом поцеловал его и передал Лорето.

Через минуту он уже крался по длинной извилистой балке, которая вела к стоянке отряда.

Продукты, принесенные командиром, очень пригодились, но надежды отдохнуть в деревне рухнули.

С большим трудом отряд преодолел еще один хребет и снова начал спуск в долину. Был поздний вечер. Все шли молча, уставшие от тяжелого перехода. У Алексея Кубышкина совсем разорвались ботинки, и каждый шаг причинял ему нестерпимую боль.

Вдруг до слуха партизан откуда-то снизу донеслось бляение коз. Оно было таким безмятежным...

Тарасенко остановил отряд и вместе с Николо быстро спустился в долину.

Среди друзей

Козы лениво щипали траву, охраняемые молодой пастишкой. Увидев перед собой неожиданно появившихся вооруженных людей, девушка остановилась, на ее лице застыл испуг. Она сделала движение — бежать.

— Нет, нет! — торопливо остановил ее Николо. — Мы же не немцы!.. Это русские. Мы партизаны!

Испуг на лице девушки постепенно сменился изумлением. Русские... Откуда? Она знала, что русские бьют немцев далеко отсюда, но чтобы они добрались до итальянских долин — этого она еще не слышала!

— Нам нужно отдохнуть и поесть, — сказал Тарасенко. — Где мы можем это сделать?

— А у нас в деревне, — простодушно ответила девушка. — Немцев здесь нет. Пойдемте, я проведу вас.

Скоро уставший, измученный отряд Тарасенко пришел в небольшую деревушку, которая полукругом раскинулась возле озера, обрамленного чахлыми, посеревшими от пыли эвкалиптами. У причала виднелись рыбачьи лодки. Со всех сторон деревушку обступали каштаны, дубы, кипарисы и карликовые оливковые деревья. Белые хижинки из неотесанных камней утопали в зелени фруктовых садов.

Навстречу отряду шел старый рыбак в башмаках с деревянной подошвой. К ногам его жался

огромный пёс, ударявший пушистым хвостом по дырявым штанам хозяина. Девушка бросилась к старику.

— Это партизаны, отец! — торопливо объяснила она. — Русские! Их надо накормить.

Старый рыбак с минуту разглядывал пришельцев, словно убеждаясь, не обман ли это, потом, улыбнувшись, пошел им навстречу, поглаживая черную бороду.

— Давно, очень давно я не видел русских! — прого-

ворил он, пожимая каждому руку. — Ну что ж... Проходите. У нас вы будете в безопасности. Немцы сюда редко заглядывают. Они ведь любят грабить на больших дорогах.

Вся деревня мигом узнала о приходе русских партизан. Первыми к дому старого Доменико с визгом ринулись босоногие мальчишки. Потом заспешили женщины в темных платках. Многие из них несли свежее, еще парное козье молоко, белый сыр, кукурузные лепешки. Старики наперебой приглашали русских к себе. Это было кстати, ведь в тесной хижине Доменико с трудом могли разместиться лишь четыре-пять человек.

Алексей, Език, Николо, Анатолий Тарасенко решили остаться у Доменико.

В комнате стояли стол, кровать и комод. Пол кирпичный, неровный. На закопченной стене висело изображение святого Джованни. На стуле лежали ивовые прутья. Старик по вечерам плел из них корзиночки для яиц, продавал их на рынке.

Никто не заметил, как на столе появилась свежая скатерть, чашки, ложки, хлеб. Мария — дочь рыбака — все делала споро.

Доменико предложил гостям поленту — жидкую кашу из кукурузной муки. Мария принесла из подвала копченую рыбу и вино. Появились фрукты и даже сигареты, правда, самые дешевые.

Весь день прошел в разговорах.

Решено было передохнуть в деревне, а потом связаться с Римом, с подпольной группой коммунистов.

Тарасенко обвел внимательным взглядом уставшие лица бойцов и остановился на Кубышкине.

— Пойдешь в дозор, — тихо приказал он, — а через три часа разбуди меня.

Алексей взял автомат и вышел на улицу.

Деревня уже спала. Яркое звездное небо опустилось низко, прикрыло землю.

Алексей прошел в сад и остановился. Отсюда хорошо просматривалась дорога и значительная часть деревни. Слева виднелось озеро.

Он стоял, вслушиваясь в ночные шорохи. Изредка доносились едва слышные всплески волн. Алексей взглянул на тихую гладь озера и увидел лодку. В ней сидели двое. Должно быть, запоздавшие рыбаки возвращались домой. Зазвучала тихая, задушевная песня. Не все слова ее Алексей понимал, но грустная мелодия брала за сердце.

И вспомнились тихие сиреневые вечера в родном городе.

В сумерки, когда вечерняя прохлада побеждала зной, они с Машей садились в небольшую лодку и плыли к зеленому мысу, что кудрявился липами и вербами. На берегу разжигали небольшой костер. Огонь выхватывал из темноты причудливые очертания деревьев. В кустах опавшей черемухи распевали иволги. Сверкали росинки на траве, а белые лепестки цветов рябины медленно падали на прохладную землю...

Ах, Маша, Маша! Где ты? Что с тобой?

Алексей глубоко вздохнул и крепко сжал автомат...

На утро решали, кого послать для связи в Рим. Поручение вызвался выполнить Език Вагнер.

Алексей пошел проводить его до околицы. Когда вышли на дорогу, Език сказал:

— Кто знает, встретимся ли?.. Ты не забыл деревню под Псковом?

Алексей сдержанно улыбнулся:

— Я ничего не забыл, Език. И, будь спокоен, никогда не забуду.

— Так знай, Алексей, что если бы не тот солдат, ко-

торый стоял тогда в охране и отпустил тебя, ты был бы расстрелян... Имя его — Конрад Бюхнер. Его отца, коммуниста, расстреляли в тридцать восьмом в Бухенвальде. И сам Конрад был коммунистом.

Алексей от неожиданности остановился. Отчетливо вспомнилась глухая деревушка, в которую он пришел полузамерзший после неудачного побега. Как живой, встал перед ним высокий немец с резко очерченным лицом...

— Но почему... почему же Бюхнер служит в охранке? Вагнер взглянул на него и улыбнулся:

— Если бы коммунисты только дома сидели и не шли на самый трудный участок борьбы, они не были бы коммунистами. Я тебе говорю об этом потому, что сам хочу во всем походить на коммуниста. Ну, прощай!

— Передай привет Бессонному, — тихо сказал Кубышкин.

Они крепко, по-братски обнялись...

Над холмами едва занималась пепельно-серая заря, а внизу над озером волнами стлался густой туман. Изредка над деревушкой пролетали птицы, слышался совиный крик в оливковой роще, доносилось позвякивание овечьих бубенчиков.

Долго Алексей смотрел вслед другу, с которым свела его судьба под Псковом...

Прошло двое суток. Алексей волновался больше всех. Наконец, на третьей сутки на крутой тропинке показались два тяжело навьюченных ослика. Они упирались копытами, тяжело дыша, обессиленные. Их погонял высокий тощий старик с всклокоченными седыми волосами над морщинистым лбом. Он шел молча, сильно прихрамывая. В переметных сумках были оружие и продукты. Старик привез приказ немедленно перебираться в Рим.

Лунный свет уже заливал заросли, когда Анатолий Тарасенко приказал собираться в путь. Он горячо поблагодарил Доменико и Марию за теплый прием и, прощаясь, сказал:

— Кончится война — приезжайте к нам в Россию, в гости.

Отряд разделился на две группы.

...Восьмого февраля Бессонный уже встречал на окраине Рима группу партизан, которых привел Кубышкин. Другая часть отряда под командованием Анатолия Тарасенко ушла в Турлупарские лесные балки.

Зловещая татуировка

Однажды через связного итальянца Кубышкин узнал, что против партизан брошена довольно большая казачья часть, составленная из власовцев.

— Еще этой мерзости тут не хватало, — нахмурился Алексей.

— А знаешь, кто ими командует? — Связной прищурил глаза и выжидательно посмотрел на Кубышкина. — Да ты не морщи лоб, все равно не догадаешься.

Связной был во цвете лет, высокого роста, немного худощав, с резкими, но приятными чертами лица.

— Тогда зачем же спрашиваешь? — Алексей пожал плечами.

— Знаменитый царский генерал Краснов. Да, да, тот самый, которого когда-то большевики отпустили под честное слово.

Связной с удовольствием выпил кружку воды, предложенную Кубышкиным, и продолжал:

— Немцы пообещали казакам после войны рай, целых две области на севере Италии — Фриули и Корнию.

— Легко немцы швыряются землями, — откликнулся Кубышкин — посмотрим, что от них самих через годик-другой останется...

На третий день после этого разговора, рано утром, когда Алексей еще спал на жестком ложе, подложив под голову трофейную полевую сумку, возле дома раздалась крики: «Власовца поймали!»

Кубышкин в те дни временно замещал должность командира отряда. Он быстро поднялся, накинул на плечи старую кожаную куртку, подбитую изнутри мехом, и выглянул на улицу. Трое партизан тащили к дому высокого человека в форме подпоручика так называемой русской освободительной армии (РОА). Одет он был в галифе и френч из зеленого сукна. Фуражку с высокой тульей украшала кокарда с двуглавым орлом. На левом рукаве френча виднелись три нашитые буквы «РОА».

Подпоручику было лет под тридцать, он был худощав и сутуловат, а лицом удивительно походил на лису.

— Спокойнее, товарищи! — негромко, но достаточно строго крикнул Кубышкин. — Что это за личность?

Партизаны отпустили пленного и заговорили разом. Задержанный с надеждой смотрел на Кубышкина, а в его глазах и в растерянной улыбке были и мольба, и заискивание.

— Говори ты, Сидоров! — приказал Кубышкин высокому, плечистому партизану.

Сидоров откашлялся и начал низким рокошущим басом:

— Мы в карауле стояли, на дороге в Монтеротондо. Еще и светать не начинало. Вдруг слышу — шорох. Этот идет, озирается, в руках пистолет. — Тут Сидоров сде-

дал паузу и подбросил на широченной ладони маленький, тускло сверкнувший «вальтер». — Крикнешь ему, а он сразу пальнет... Пропустил его и легонько трахнул по голове прикладом. Он, как очухался, начал кричать, что убежал от генерала Краснова, что уже целую неделю партизан ищет.

— Правда это... — хрипло проговорил «казак», глядя на ноги, обутые в хромовые немецкие сапоги. — Я целую неделю вас ищу, два раза отстреливался от своих... от казаков, то есть. Всего три патрона осталось.

Сидоров ловко вытащил обойму из «вальтера», пересчитал оставшиеся патроны и кивнул головой: верно, мол.

— Ладно, товарищи, — подумав, сказал Кубышкин; — расходитесь по местам, а мы постараемся выяснить, что за человек к нам пожаловал.

— Человек!.. — презрительно протянул Сидоров.

В комнате, при свете керосиновой лампы, Алексей хорошо разглядел власовского офицера. Он был мускулист и подвижен, черты лица грубые. Глаза прятались под кустистыми рыжеватыми бровями и трудно было разобрать, какого они цвета — серые или голубые.

Задержанный неловко сел на краешек табурета, предложенного Алексеем, и уставился в земляной пол. Широкие плечи его безвольно опустились, вся фигура, казалось, говорила: мне все равно, что вы со мной делаете...

— Дайте мне малость поспать, покормите, а потом хоть к стенке, — хрипло сказал он, не поднимая головы.

Алексей кивнул Сидорову и тот быстро соорудил из соломы неказистую постель.

— Ложись, казак-войка! Сначала перекуси чуток. — И он торопливо сунул большую краюху кукурузного хлеба и кусок холодной баранины.

Алексей и Сидоров вышли из дома, чтобы покурить на вольном воздухе. Когда через десять минут они снова зашли в комнату, власовец уже спал, зажав в откинутой руке недоеденную краюху.

Утром, когда встали, Кубышкин потребовал:

— Расскажите нам все о своей жизни.

— Выкладывай все как на духу, иначе хуже будет, — грубовато добавил Сидоров.

Задержанный, еще не совсем пришедший в себя после тяжелого сна, вначале тягуче, с паузами, а потом довольно бойко рассказал о себе.

Родился он, по его словам, в Черепановском районе Новосибирской области в семье бедных крестьян. В 1929 году отец его одним из первых вступил в колхоз. Сам он, Василий Иванович Буськин, тоже сызмальства работал в колхозе, сначала на разных работах, потом бригадиром. Хотел учиться на агронома, но призвали служить в Красную Армию. Потом началась война. Попал в окружение, хотел пробраться к своим, но перед самой линией фронта напоролся на патруль. Плен. Два с половиной года отсидел по разным лагерям. В конце сорок третьего пошел к власовцам — очень хотелось выжить. Но всегда мечтал убежать к партизанам...

«Буськин, Буськин», — назойливо вертелось в голове у Алексея. Он мучительно старался вспомнить, где мог встречать этого человека, где мог слышать его фамилию, вглядывался в него еще и еще, но не увидел ничего знакомого в небритом угрюмом лице.

— Гладко ты чешешь, — задумчиво проговорил Сидоров, постукивая по столу. — В твоём положении я бы заикался...

Буськин виновато улыбнулся:

— Да ведь не раз уж приходилось рассказывать. И в армии, и в плену, и у Краснова проверяли каждого.

Теперь язык сам поворачивается, получается вроде бы складно.

«Буськин, Буськин... Как его проверишь? Не сделаешь же запрос в Новосибирскую область...»

В это время открылась дверь и через порог переступил Николай Остапенко. Задержанный с беспокойством взглянул на вошедшего, кустистые брови его поползли вверх и он радостно крикнул:

— Николай?! Остапенко?!

Остапенко отступил на шаг:

— Буськин? Неужели ты? Как ты сюда попал?

Оказалось, что оба они несколько дней сидели вместе в лагере военнопленных в Эстонии. Буськин тогда собирался бежать и просил Николая помочь найти еще человек пять желающих. Сам Николай не мог бежать из-за тяжелой раны, но уговорил двух знакомых солдат попытать счастья. Потом по лагерю ходили слухи, что побег не удался, всех ребят схватили, расстреляли. Остапенко был уверен, что в числе расстрелянных был и Василий Буськин.

— Нет, выжил я, — сказал Буськин улыбаясь, уже довольно твердым и уверенным голосом. — Били меня нещадно, когда поймали на одном хуторе. Но я не сказал, что бежал. Меня и уехали в другой лагерь, на польской территории. Все прошел, братцы, и огонь и медные трубы...

Так Василий Буськин попал в партизанский отряд. Особых заданий ему вначале не давали, хотя он и просился. Имея много свободного времени, он старался всем услужить — то ботинки починит, то портсигар из дерева вырежет...

Но вот однажды Буськина послали в разведку в маленькое отдаленное селение вместе с партизаном Виталием Акиньшиным, молодым, красивым парнем.

Три дня разведчики не показывались в отряде, на четвертый пришел Василий Буськин, ведя на поводу ослика. Через спину ослика свисало тело Виталия Акиньшина.

— Напоролись мы на чернорубашечников, — рассказывал Буськин, опустив голову. — Я сумел уйти, а Виталия, раненного в обе ноги, фашисты добились. Прямо в лицо стреляли.

Алексей глянул в лицо Виталия и ужаснулся: раз пять или шесть выстрелили гады, прямо в упор, даже волосы и брови опалило.

Виталия Акиньшина похоронили, а Буськин все не мог прийти в себя. Несколько часов сидел на берегу маленького озера, обхватив голову руками.

Алексей Кубышкин и Николай Остапенко подошли к нему.

— Брось переживать, Василий, — сказал Остапенко. — Много хороших ребят мы потеряли. На всех слез не хватит. Ты вот лучше искупайся, а то грязный весь.

День был ясный, припекало солнце. И Алексею тоже захотелось стряхнуть с себя тяжесть, вызванную похоронами.

Разделись все трое. Буськин, ежась, первый пошел к воде, Алексей поглядел ему вслед и чуть не вскрикнул: на спине у Буськина была татуировка — медведь на задних лапах на охотника идет...

Так вот откуда он знает этого Буськина! Память моментально подсказала: Ленинград, госпиталь, Иван Петрович Клюев, его рассказ про дезертира...

Алексей быстро оделся и сделал знак Остапенко: одевайся, мол. Остапенко удивленно посмотрел, но послушался.

Тогда Кубышкин вынул из кобуры пистолет и негромко приказал:

— Буськин! Выходи на берег!

Тот не слышал, отфыркивался, окунался еще и еще в прохладную воду.

— Алексей, ты с ума сошел, — с тревогой сказал Николай. — Убери пушку.

— Руки прочь! — приказал Алексей. — Это предатель!

Последнее слово Буськин услышал. Под дулом пистолета медленно вышел на берег. Остапенко на всякий случай тоже вынул свой пистолет.

— Да что вы, товарищи! — забормотал посиневший Буськин. — Какая вас муха укусила?

— Молчи, выродок! — приказал Кубышкин и в упор спросил: — С Иваном Петровичем Клюевым знаком?

Лицо Буськина исказилось. Он отскочил в сторону и закричал:

— Все равно вас всех убьют! Повесят!..

Вечером Буськина судил партизанский суд. Наверно, первый раз в жизни он говорил правду.

Да, он был в лагере вместе с Николаем Остапенко, но лишь для того, чтобы спровоцировать побег заключенных и уничтожить их.

Потом добровольно записался в полицию и до весны 1942 года терзал и предавал советских людей в Смоленской области. Особенно много загубил в Износковском районе.

Да, он по доброй воле служил Власову. Здесь, в Италии, сам вызвался найти отряд Анатолия Тарасенко, чтобы предать его.

Зачитав смертный приговор, Кубышкин от себя добавил:

— Имя твое будет проклято и навсегда забыто!

Приговор поручили привести в исполнение Николаю Остапенко. Ведь Буськину дважды удалось обмануть этого доверчивого человека.

На заброшенной барже

Привелось все же встретиться двум неразлучным друзьям!

Всех партизан, прибывших в Рим, распределили по

квартирам коммунистов. Получил жилье и Алексей. Встретив его, хозяин дома предупредил:

— С вами будет жить еще один товарищ.

Они вошли в небольшую уютную комнату. Склонившись у настольной лампы, спиной к вошедшим сидел какой-то блондин. Он лишь чуть повернул голову...

— Език! — вскрикнул Кубышкин.

Блондин вскочил... Да, это был, конечно, он, Език Вагнер!

— Такая, знать, у нас с тобой судьба, — улыбался Алексей.

Места ночевок приходилось довольно часто менять: конспирация есть конспирация.

— Ничего, — подбадривал Бессонный, — главное сейчас не попасть зверю в лапы.

Много дней и ночей Кубышкину и Вагнеру пришлось провести на старой заброшенной барже, уткнувшейся носом в берег мутного Тибра, недалеко от замка святого Ангела. На вершине замка стоял бронзовый архангел с обнаженным мечом в руке. Не оливковой ветви и не кресту доверено было охранять богатства Ватикана, а обнаженному мечу. Что ж, в этом была своя логика...

Дремуча история этого замка. Почти две тысячи лет назад, в 136 году до нашей эры, воздвиг его император Адриан. Вначале замок был мавзолеем, но постепенно превратился в тюрьму и крепость. Здесь папы выдерживали осады взбунтовавшихся феодалов и восставших жителей Рима.

В темнице замка умер всемирно известный авантюрист Калиостро. Отсюда бежал, спустившись по веревке, знаменитый кардинал Фарнезе. У стен замка папа Сикст Пятый вешал своих противников. В этом замке папы хранили свои миллионы, награбленные во всех частях света...

— Святой ангел и нас охранит, — посмеивался Език.

— Мы, русские, говорим: на бога надейся, да сам не плошай, — хмурился Алексей.

— Не оплошаем!

Поздними вечерами в тесную каюту баржи приходили итальянские коммунисты. Им очень хотелось услышать о Советском Союзе, о жизни советских людей. И Алексей подробно рассказывал обо всем.

Однажды вечером рабочий Антонио Монтальбано, с которым Алексей познакомился еще на военном заводе, принес Обращение делегатов первой конференции итальянских военнопленных к солдатам итальянского экспедиционного корпуса в России, ко всем итальянцам.

Среднего роста, худощавый и подвижный, как большинство итальянцев, Антонио выглядел намного старше своих лет. Нелегкий труд рабочего, большая семья, невзгоды, много лет подряд сыпавшиеся на его голову, — все оставило следы на продолговатом, резко очерченном лице.

— Недавно с русского фронта дезертировал мой старый приятель, — сказал Антонио. — Он и привез это Обращение. Просил размножить и распространить среди итальянцев. Можете ли вы, Алессио, помочь нам в этом?

Алексей задумался. Вот если бы Марио сумел достать ротатор... Достанет, раз нужно!

— Попробуем сделать.

Антонио радостно улыбнулся:

— Я, признаться, знал, что вы не откажетесь. А уж мы сумеем пустить листовки по рукам!

Русский, поляк и итальянец долго еще сидели в старой барже и шепотом обсуждали, как лучше распространять листовки.

Незаметно подкралась ночь. На фоне неба, черного, как сутана священника, мерцали далекие звезды. Рим спал. Дремали платаны, что росли в два ряда перед замком святого Ангела. Блестела роса на отшлифованной гальке берега. Тибр тихо катил свои мутные воды. Шумно было только в баре, что расположился неподалеку. Из ярко освещенных его окон на улицу выплескивался вой саксофонов, пронзительный визг труб и тупой, однообразный стук большого барабана. Шло разгульное, отчаянное ночное веселье.

Прозрачные занавеси позволяли прохожим видеть краснолицых немецких офицеров и полуголых девиц. Вот зашел в бар итальянец, его тут же взяли за ворот и вытолкали, крича вслед: «Здесь только немцы!»

Антонио мрачно сказал:

— Вот они, «союзнички»! Просто стыдно за Италию: связалась с такими бандитами!

— Ничего, ничего, Антонио, — потрепал его по руке Алексей. — Всему свой час... — Он поиграл гладкими речными камешками, подбрасывая их на ладони, потом неожиданно рассмеялся: — А ты думаешь, наши союзники лучше ваших?

— Да!.. — нахмурился Антонио. — Тоже вояки! Обещали американцы высадить в Риме дивизию парашютистов, а где она? За это, видно, и наказал их наш Везувий... — И Антонио, оживившись, рассказал такую историю.

В одну из августовских ночей американские «летающие крепости» совершили налет на Неаполь. И только начали падать бомбы, как возмутился Везувий. Из кратера вулкана поднялся огромный столб дымного огня и осветил небо. «Летающие крепости» стали видны, как в тысяче прожекторов. Тут по ним и ударили немецкие

зенитные батареи. Крепко досталось американцам. Они в панике побросали бомбы куда попало и исчезли...

— А что было двадцать третьего августа! За неудачу с Неаполем англо-американские самолеты обрушились на Рим... — Голос Антонио дрогнул и стал глуше. — Бомбили Вечный город... А Ватикан стоял нетронутый. Бомбить его было запрещено... И священник во время проповеди сказал: «Видите, братья, как любят нас, католиков, американцы! Рим бомбили, а Ватикан не тронули. Так давайте же помолимся за их доброту». Потом священник пожаловал своей пастве около тысячи пачек сигарет с надписью на каждой пачке: «Молитесь за Гитлера и Муссолини».

— Хороша доброта! — Алексей свел темные брови к переносице. — Ну, да понятно — рыбак рыбака видит издалека.

— Да, — продолжал Антонио, — много было жертв, много разрушений... — Он склонил голову. — В этот день от американской бомбы погибла моя дочь...

Дрожащими от волнения пальцами Антонио достал сигарету. И тут же переменял тему разговора:

— Через несколько дней к вам придет связной. Его паролем будет: «Да хранит вас святой Ангел». Вы ответите: «Мы сдадимся, когда Ангел вложит свой меч в ножны!» Этому человеку и отдадите листовки с «Обращением».

— Ясно, — рассеянно кивнул Алексей, озабоченный тем, где достать ротатор.

— Договорились? — Антонио поднялся и крепко пожал друзьям руки. — До свидания!

...Нужно было идти на виллу к Марио.

Алексей уже знал Рим. Не очень хорошо, но знал. Ему понравился этот город, большой, многославный, шумный.

Спускаясь с Капитолийского холма, где высится величественная бронзовая статуя Марка Аврелия, к развалинам Форума, Алексей порой испытывал такое ощущение, как будто он идет не по городу двадцатого века, а бредет вдоль хижин древних римлян-язычников. В этой небольшой равнине между двумя холмами — Капитолийским и Палатинским — было когда-то коровье пастбище. Место и сейчас называется Кампо Ваччино — коровье поле. Здесь-то и собирались на форум жители племен, основавших город. Здесь шумели народные собрания, устраивались веселые празднества — сатурналии (развалины храма Сатурна и по сей день громоздятся на Форуме), отсюда позднее отправлялись в свои громкие походы знаменитые римские легионы.

Через неделю Антонио уже распространял отпечатанный тираж «Обращения» среди итальянцев. Это было как раз тогда, когда гитлеровцы отправляли рабочих в Германию. «Обращение» сыграло важную роль. Мало нашлось людей, которые добровольно поехали в Германию и на Восточный фронт. Сопротивление гитлеровцам росло.

Через несколько дней на баржу пришел Николо, как всегда веселый, шутливый.

— Здорово, капитаны! Как поживает ваш быстроходный корабль?

— Несемся на всех парусах, — в тон ему ответил Кубышкин, поеживаясь от холода, проникавшего в каждую щель старой баржи.

Николо рассказал свежие новости, а потом сообщил:

— Довольно, ребята! Пожили вы под охраной Ангела и хватит. Приказано перевести вас в более теплое место. На этот раз — под собор святого Петра.

— Куда, куда? — поднял прямые тонкие брови Бзик. — Под охрану самого папы?!

Живые и мертвые рядом

Через секретный темный ход Николо привел Алексея и Вагнера в полуосвященные гроты — остатки первого собора Константина. Собор этот был построен еще в 326 году на месте бывших садов Нерона, в той их части, где некогда располагался знаменитый цирк тирана. Церковь, выстроенная императором Константином, простояла почти двенадцать веков, пришла в ветхость. В 1506 году над ней, стараясь сохранить старую постройку, начали воздвигать новый храм — главную церковь Ватикана. В строительстве приняли участие великие мастера — Браманте, Рафаэль, Микеланджело... Сооружение этого величайшего в мире храма длилось 120 лет.

Остатки первой церкви оказались под новым собором и получили название гротов святого Петра. Богато украшенные великолепной живописью, мозаикой, скульптурой, они служат усыпальницей многих пап, кардиналов, императоров и королей. Промежуток между полами старого и нового храмов тщательно укреплен арками.

Попасть в гроты святого Петра можно только по специальному разрешению... или тайком. Во всяком случае, никому бы, наверное, не пришло в голову искать здесь партизан. Потому-то Николо и привел друзей сюда.

— Поживите рядом с саркофагами, где покоятся папы и кардиналы, — пошутил он, высвечивая фонариком путь в гранитных закоулках. — Главное — здесь безопасно. У нас, у итальянцев, есть такая поговорка: «Мертвые не убивают живых».

— Не очень приятное соседство, — усмехнулся Вагнер, — но зато тепло.

— Кормить вас будет, — добавил Николо, — одна молодая монахиня. Это — наш человек, у нее старший брат погиб на севере, в партизанском отряде. Чтобы не было скучно — возьмите вот это.

И он протянул «Божественную комедию» Данте на немецком языке. Език, бережно взял книгу в руки:

— Вот это настоящий подарок! Спасибо. Немецкий я знаю, теперь мы будем беседовать с самим Данте!

Кубышкин и Вагнер расположились, как могли.

— Всего мог ожидать, — вслух рассуждал Алексей, лежа на мраморном саркофаге кардинала Перетти, — но того, чтобы нам, коммунистам, помогали монахини, — этого никак не ожидал! Да...

Утром в грот, действительно, проскользнула молодая монахиня в большом крылатом чепце, обрамленном белым зубча-

тым кружевом. Ей было, наверное, не больше семнадцати.

Поздоровавшись, она поставила на пол миску с макаронами и сыром. Потом подала по пачке сигарет.

— Благодарю вас за то, что хорошо приняли меня, — сказала гостя приятным нежным голосом и слегка наморщила бровки. — Я пришла к вам по поручению Николо. Он прислал вам большой привет.

Гостя присела на мраморный камень рядом с горящей свечой. Език, сидя в сторонке, время от времени задавал вопросы. Она односложно отвечала, не поднимая глаз.

В левой руке гостя держала «Библию в фотографиях».

— Впервые вижу такую, — сказал Алексей.

— Посмотрите, — монахиня подала ему книгу.

Алексей окинул ее внимательным взглядом.

— Вам плохо с нами? Грустно? — спросил он.

— Мне всегда хорошо с теми, кто борется за свободу... Я очень любила своего брата...

Алексей принялся листать книгу. Увидел фотографии Адама, прикрывающего свою наготу, Евы, срывающей запретное райское яблоко, Каина, убивающего своего брата, Петра с ключами от райских ворот... Уже хотел захлопнуть книгу, как вдруг между страницами заметил газету «Унита».

— Библию возвращаем за ненадобностью, а вот газету, если можно, оставим. За нее вам особое спасибо.

— Каждый делает, что может, — тихо ответила монахиня, вставая. — До свидания. От всей души желаю вам счастья!..

— Скажите! — воскликнул Алексей, когда гостя ушла. — Такая молодая и пошла в монашки. Ей бы любить, детей растить, а она пастырю руки целует.

— Каждому свое. Одни монашки, сладко потягиваясь перед сном, «Декамерона» читают, а другие, вроде этой, любят свой народ и борются за его свободу. Правда, таких еще мало... Все зависит от воспитания.

Читая газету, Вагнер обратил внимание на маленькую заметку: «Черные вороны Ватикана». «На днях папа Пий XII дал согласие принять группу офицеров из фашистского корпуса Андерса. Была прочитана проповедь, в которой папа призывал польский народ к отказу от «возмездия и отмщения», к сотрудничеству с гитлеровскими бандитами, которые дотла разрушили Варшаву, варварски уничтожили памятники польской культуры, истребили сотни тысяч поляков в концлагерях Освенцима, Тремблинки и Майданека».

Език со злостью плюнул:

— Кажется, этот папа позволяет себе больше, чем сам господь бог!

После этого Език надолго задумался о чем-то.

— А хочешь, я покажу тебе одну штучку? — вдруг оживился он и придвинулся к Алексею. — Вот посмотри. — Език расстегнул ворот рубашки.

Заметив на груди друга черный шнурок, Алексей ожидал увидеть крест или какой-нибудь медальон с портретом. Каково же было его удивление, когда он увидел на шнурке обыкновенную сплюсненную гильзу револьверного патрона.

Език был страшно доволен произведенным впечатлением:

— Крестика ждал?

Алексей кивнул.

— Чудак! Это только моя бабка двадцать раз в день поминала «матку боску Ченстоховску».

— Амулет? — пытался догадаться Алексей.

— Ладно уж, слушай. — Език уселся поудобнее на

плите саркофага. — Этот патрон дал мне незадолго до смерти отец. Сказал: «Вот что, Език, я не верю ни в бога, ни в черта, но эта медяшка для меня — святыня». Закашлялся отец (его страшно били в тюрьме пилсудчики), а потом снял этот патрон и повесил мне на шею...

И вот что рассказал отец Езика Вагнера:

«Было это еще до Октябрьской революции. Я участвовал в покушении на одного чиновника и был захвачен русскими солдатами с оружием в руках. Русский поручик, которого я ранил в перестрелке, приказал прапорщику и одному солдату тут же расстрелять меня. «Отведите его в лесок, говорит, и кончите там». И вот повели меня прапорщик с солдатом в лес. А прапорщик совсем молодой, красивый, лицо умное, вдруг остановился и говорит солдату: «Иди, Кравцов. Я вижу, тебе не по душе людей убивать. Я сам его расстреляю». Солдат обрадовался. «Спасибо, говорит, ваше благородие». А мы с прапорщиком пошли дальше в лес. Сначала шел он сзади. Потом, вижу, идет со мной рядом. Голову опустил, лицо печальное. У большой березы остановились. Ну, думаю, конец мой пришел.

А прапорщик уже вытаскивает пистолет из кобуры. Медленно так... Потом вдруг поднял его вверх и как трахнет в небо! Я-то видел, что он не в меня стреляет, а все равно ноги подкосились. Если бы не березка за спиной, наверно, упал бы. А прапорщик говорит:

— Беги, брат, на все четыре стороны.

У меня все еще в ушах звенит от выстрела. Ничего не понимаю, но уже чувствую, что буду жить.

— Спасибо, — говорю.

А он поднял стреляющую гильзу, сунул ее мне в руку и подтолкнул:

— Возьми на память и беги! А то солдат увидит. Он человек добрый, да темный. Погубит нас обоих.

Взял я гильзу. Она еще теплая. Пошел потихоньку, а сам думаю: вдруг он мне в спину выстрелит? Оглянулся, прапорщик стоит, голову опустил. Мне даже стыдно стало, что подумал плохое.

Эту гильзу берег я пуще всех сокровищ. Крестик снял со шнурка и выбросил, патрон расплющил, проделал в нем дырочку и повесил на шею. Трудно мне приходилось в жизни, очень трудно. Но в такие минуты пощупаешь гильзу на груди и снова начинаешь верить и в людей, и в добро, и в справедливость».

— Здорово, — растроганно проговорил Алексей, когда Език замолчал. — Ну и как, помогает тебе отцовский патрончик?

— Помогает, честное слово, помогает! — горячо воскликнул поляк.

Език взъерошил густые волосы, нервно покрутил усики, сказал тихо:

— Первое, что я сделаю, вернувшись в Польшу, — вступлю в Коммунистическую партию.

Гестапо выходит на след

В конце февраля 1944 года Алексею Кубышкину и Езику Вагнеру в целях конспирации пришлось расстаться. Неутомимый Бессонный привел Алексея на новую квартиру. Она находилась в небольшом домике по улице дей Каппилляри, прелегающей к площади Кампо ди Фиори.

Дверь открыл высокий худой итальянец.

Пожимая руку Алексею, он назвал свою фамилию.

— Галафати... Проходите, и предупреждаю: вы на-

ходите у себя дома. Кстати, Алессин, мы с вами уже знакомы. Мне Бессонный многое о вас рассказывал.

— Если уж говорить по правде, — смеясь, ответил Алексей, — то и мне Бессонный тоже немало о вас рассказывал...

Анджело Галафати — смуглый, худощавый, с тонкими, правильными чертами лица — сразу располагал к себе. Взгляд его был зорким, острым, но вместе с тем открытым, прямодушным. Вообще все лицо его светилось той откровенной и спокойной простотой, какая бывает у людей с ясным и определенным взглядом на жизнь. На вид ему было лет пятьдесят.

Из второй комнаты вышла жена Галафати. Черные густые косы ее были перетянуты красной лентой.

— Познакомьтесь: моя жена. — У глаз Галафати сошлись и разбежались добродушные лучики.

Алексей назвал себя и услышал в ответ певучее:

— Ида Ломбарди... Я тоже о вас слышала. — Она улыбнулась кроткой, извиняющейся улыбкой, словно то, что она сказала, не следовало бы говорить.

Алексея усадили за стол, хозяйка принесла всем кофе.

Алексей только тут заметил, что Бессонного уже нет в комнате. Сколько же дел, сколько забот у этого человека! И каждое дело связано с риском для жизни.

Галафати включил радиолу.

— Вы любите музыку? — спросил он. — Я, признаться, полюбил вашу «Во поле березонька стояла...»

— Русские березы... — вздохнул Алексей. — Как они далеко!

Галафати улыбнулся.

— А вам удалось хотя бы немного познакомиться с Римом?

— Удалось, — кивнул Алексей. — Только жаль, что

получили от чиновника муниципалитета! «Похвально, синьор Галафати, похвально! — сказал он, узнав о нашем желании. — Это в честь похода Муссолини на Рим в октябре двадцать второго года?» Каково, а?

Алексей от души смеялся. Хорошо было ему в этой дружной семье. Теплая, непринужденная беседа, уют, дружеская атмосфера...

— Я не сказал тебе о главном, — произнес Галафати, вдруг переходя на «ты». — Два часа назад английское радио сообщило, что Советский Союз признал итальянское правительство Бадольо. А это, брат, большое дело... Это будет способствовать возвращению Италии в ряды демократических стран.

— Хорошая новость, — сказал Алексей. — Сколько веревочка ни вьется, конец будет.

Поздно вечером на квартиру Галафати пришли в разное время еще три человека — Николай Остапенко, бельгиец Жан и француз Андре, которых хозяин давно уже укрывал у себя от сыщиков гестапо.

И Алексей проникся к этому смелому итальянцу еще большей симпатией: Галафати наверняка знал, что за укрывательство ему грозит смертная казнь. Откуда в этом некрепком на вид, худощавом человеке такое мужество?

Словно прочитав его мысли, Галафати, стоявший у окна, подозвал к себе Алексея.

— Видите этот памятник? — указал он глазами за окно.

Алексей взглянул. На высоком постаменте — человек с суровым и вдохновенным лицом, в строгом монашеском одеянии, с книгой в руках.

— Это великий Джордано Бруно. Смотрит и не может наглядеться на свой Рим... Почти триста пятьдесят лет назад инквизиторы сожгли его на этой Площади Цвет

тов... У каждого народа есть свои национальные герои. Но лично для меня Джордано Бруно — самый светлый идеал. Стойкость и мужество, с каким он шел на борьбу с инквизиторами, всегда поднимают дух, поддерживают меня в самые трудные минуты... Знаешь, какие слова сказал он перед смертью? «Я подозреваю, что вы произносите этот приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю». Каков человек. Вот у кого надо учиться мужеству!

Галафати начал взволнованно ходить по комнате. Алексей невольно любовался им. Ему подумалось в эту минуту, что попадись Галафати в руки палачам, он не замедлит бросить им в лицо слова презрения и гнева...

Сидели до позднего вечера. Потом включили радиоприемник, раздался голос Москвы: «Наступление советских войск успешно продолжается на всех фронтах...»

Кто-то постучал. Оказывается, пришел связной с виллы Тай. Он предупредил подпольщиков:

— Поздно ночью к вам явится наш человек, тоже из пленных — английский офицер. Ему поручили переправить вас на ватиканских машинах в партизанский отряд на север.

— О, это здорово! — обрадовался Остапенко.

— Наконец-то! — весело поддержал его Алексей.

Он действительно пришел, этот офицер, и оказался очень милым и разговорчивым человеком. Принес с собой вина, предложил выпить перед трудной дорогой. Все похлопывал Кубышкина и Галафати по плечу и произносил тосты: «За нашу победу!», «За союзников!», потом сказал:

— Пора. Вы посидите, я сейчас принесу одежду и оружие.

Время шло, офицер не приходил. Галафати предложил лечь спать,

...Их разбудил страшный грохот: дверь сотрясалась под ударами прикладов.

— Это они, — прошептал Галафати, подбежав к кровати Алексея. — Бежать некуда... Мы в западне. Давайте так: я открою и брошусь на автоматы, а вы все бегите...

— Нет! Если уж погибать, так всем вместе!

Подпольщики не успели ничего решить: карабинеры выбили дверь и ворвались в комнату. Перед ними живой стеной, крепко сцепив руки, стояли пятеро: два русских, итальянец, француз и бельгиец. Фашисты бросились на них, завязалась короткая борьба. Кубышкин и Остапенко настойчиво отбивались ногами и головами, но слишком неравны были силы.

Жена Галафати стояла бледная, безмолвная. Слезы текли по ее лицу.

— Прощайте, — тихо сказал Алексей, проходя мимо нее.

Увидя, что отца уводят вооруженные карабинеры, маленькая Октябрина заплакала и уцепилась за него. Ее грубо оттолкнули. Мать рванулась вперед и схватила дочь. Карабинер лишь слегка усмехнулся.

Арестованных вывели на улицу и посадили в тюремный фургон. Внутри он был разделен на ряд маленьких камер. Кубышкина и Остапенко посадили вместе. При свете полицейского фонарика Алексей заметил, что в клетках, расположенных напротив них, уже сидели женщины и старики. Туда посадили Галафати. А бельгийца и француза повели в немецкую комендатуру.

На арестованных надели наручники. Они причиняли мучительную боль. Пока пленников везли, руки у них распухли и покраснели.

«Кто же выдал нас?» — неотступно думал Алексей. Думал, но не находил ответа.

А было так. В квартире подпольщицы Марии Баканти одно время скрывался бельгиец Жан. Об этом узнал гестаповец Пьетро Кох. Он пришел к Баканти и представился капитаном английской армии, бежавшим из немецкого плена. Вместе с ним был фашист Доменико Полли, который и помог Пьетро Коху напасть на след английского офицера.

— Вы знаете, — сказал Кох, — я приятель Жана, мы вместе сидели в лагере. Так надо увидеть его... Есть очень важное дело.

Мария Баканти внимательно посмотрела в глаза «капитану». Его взгляд был чист и простодушен.

— Он у Галафати, — доверчиво сказала она.

— Вы знаете адрес?

— Да. Я схожу за ним, это рядом.

«Капитан» схватил ее руку.

— О, как мне вас благодарить, синьора! Только зачем вам ходить самой? Дайте мне адрес, я найду. Сделаю ему сюрприз.

И доверчивая Мария дала адрес.

Настоящий же английский офицер, который должен был переправить подпольщиков на север, был арестован Пьетро Кохом. Вот тогда у Коха и созрел план: под видом английского офицера втереться в доверие к подпольщикам и арестовать их.

Узники римской тюрьмы

Машина со скрежетом остановилась.

— Выходи!

Задержанные выбрались из фургона, инстинктивно

стараясь держаться поближе друг к другу. Перед ними высилось трехэтажное мрачное здание, обнесенное толстыми крепостными стенами с колючей проволокой, по которой был пущен ток высокого напряжения. Здание было похоже на звезду, одним концом упиравшуюся в тибрскую набережную.

С протяжным скрипом открылись тяжелые железные ворота. В полосатой будке стоял эсэсовец с автоматом, возле его ног лежала большая откормленная овчарка. После тщательного обыска, во время которого отобрали даже расчески, Кубышкин и Остапенко были отделены от итальянцев.

Их повели по мрачным узким коридорам мимо массивных дверей камер. Они старались ступать тихо, словно боялись потревожить сон людей, уже сидевших в камерах. А карабинеры шли, подчеркнуто громко печатая шаг, — им не было никакого дела до заключенных.

Прикладами автоматов Алексея и Остапенко втокнули в камеру № 13 на втором этаже. Дверь захлопнулась.

Кубышкин и Остапенко огляделись. Камера была сырая, мрачная, маленькая. В ней трудно дышалось, от скользкого, обшарпанного пола несло кислотой.

Камера была рассчитана на одного заключенного, но в ней и так уже кто-то находился. Старый жилец тронул Кубышкина за плечо:

— Не узнаешь?

«Похоже, украинец, — подумал Алексей, вслушиваясь в хриплый, но все же певучий голос узника. Он показался знакомым. — Кто же это? Какой-нибудь провокатор?»

— Леша! Та я ж Чосич! — снова проговорил человек и придвинулся еще ближе. — Слухай, друже...

— Чосич?!

— Он самый!

Это был серб, друг Алексея по военному заводу. Но как он изменился! Какие-то жалкие лохмотья висели на костлявом теле. Голос звучал хрипло, натруженно. А еще недавно это был крепкий человек с широким открытым лицом, которое очень красила добродушная улыбка.

— Ничего... Теперь мы втроем! — Чосич произнес это так, будто все трудности тюремного режима уже позади. — Одному очень скучно было.

— Где мы? — спросил Алексей.

— В каторжной тюрьме Реджина Чёли — «Царица небесная». Я здесь уже несколько недель... Лютуют гады. Каждый день допросы.

— Странное дело, тюрьму называют «Царицей небесной», — проворчал Остапенко, — другого имени, что ли, не нашли?

— В Италии, брат, все тюрьмы носят имена святых, — отозвался Чосич. Он мрачно усмехнулся. — Миланская тюрьма, например, святого Витторе, болонская — святого Джованни, туринская — святого Карло... Только эта — самая страшная.

— Куда же посадили Галафати? — вслух подумал Алексей.

Чосич вздохнул и закашлялся. Лицо его побледнело.

Итальянцев сажают отдельно, — проговорил он с трудом. — Их допрашивает сам Кох.

— Кто это?

— Это — иуда... Нет, не то. Хуже во сто раз. Говорят, он родственник гитлеровского убийцы Эриха Коха.

Тюрьма Реджина Чёли. Ржавый визг ключей, крошечные, закрытые решетками окна, ханжеский вид католиков-надзирателей — все было мрачно, тоскливо, дико.

Не тюрьма — каменный мешок для смертников.

Небольшое окно камеры изнутри было зарешечено толстыми прутьями и походило на раскрытую волчью пасть. Окно выходило во двор. Камера никогда не видела солнца.

Койка с волосяным тюфяком была привинчена к стене, покрытой плесенью. Над небольшим столиком висело бронзовое распятие. Кого оно могло утешить здесь? Бронзовый лик Христа покрывал толстый слой пыли.

Надзиратель не отлучался из коридора. Он то и дело подходил к двери и заглядывал в «волчок».

Ночью в тюрьме воцарилась гнетущая тишина. В спертom воздухе камеры раздавалось лишь тяжкое дыхание Николая, прерываемое стонами. Скупой свет, проникавший в камеру, давала электрическая лампочка, тускло горящая в коридоре.

Алексей подумал: «Вот оно, последнее мое пристанище на чужой земле...» Почти машинально провел рукой по стене и почувствовал под пальцами какие-то неровности, царапины. Их выскребли такие же, как он...

Всматриваясь до боли в глазах, а больше на ощупь, он прочел лишь немногие надписи. «Здесь сидел осужденный к смертной казни коммунист Ромоло Якопини. Прощайте, друзья!» «Здесь провел свои последние дни офицер запаса Фабрицио Вассали. Да здравствует свободная Италия!»

И вдруг надпись на русском языке.

«Перед смертью хочу написать на языке моей Родины, где я появился на свет. Родился в городе Одессе в 1910 году. Преподавал русскую литературу в Туринском университете. Арестован в 1934 году и осужден особым трибуналом по защите государства за участие в движении «Справедливость и свобода». После 8 сентября 1943 года был ответственным редактором журнала «Свободная Италия». Фашистская полиция арестовала

меня 19 ноября 1943 года. Передаю прощальный привет русскому и итальянскому народам. Леон Гинзбург».

Вцепившись онемевшими пальцами в грязную решетку окна, Алексей долго смотрел в высокое холодное небо.

Заснул он только перед утром. Ему снился бой. Ярко вспыхивали огни орудийных разрывов, но звуков не было — как в немом кино. Автомат, который сжимала рука, был невесомым. Гитлеровцы лезли прямо под свинцовые струи, гора трупов росла, и Алексей задыхался, боясь, что не выберется из окровавленной груды тел...

Проснулся он в холодном поту. В бессильной злобе сжал кулаки.

Тюремный надзиратель с фонарем и тяжелой связкой ключей стоял у двери камеры.

— Чосич, одевайся! Приказано перевести тебя в другую камеру.

Чосич помутневшими глазами тоскливо взглянул на товарищей, крепко поцеловал Кубышкина, пожал руку Остапенко.

Дверь с лязгом захлопнулась за его спиной.

— Хороший человек, — тихо сказал Кубышкин. — С Олеко Дундичем вместе служил в австрийской армии.

— А как он попал в Италию? — спросил Остапенко.

— Воевал в Югославии. Так же, как я, был завален землей и взят в плен. Немцы узнали, что он хороший механик и привезли его в Рим...

Вот так началась для Алексея Кубышкина тюремная жизнь в «чертогах» «Царицы небесной». Утром и вечером обход, уборка камеры. Тюремные сторожа и надзиратели два раза в день осматривали камеру, проверяли целостность решетки. А днем, как правило, его допрашивали и истязали.

— Мир — большой и солнечный — остался за толстыми непроницаемыми стенами. Это был уже не его, Алексея, мир. Его миром стала тюрьма — каменные застенки, гремящие засовы...

«Царица небесная» пожирала все новые и новые жизни...

На вилле «трех слонов»

Несколько часов слушали мы рассказ Алексея Афанасьевича Кубышкина. Говорил он неторопливо, обстоятельно. Рассказав о том, как попал в тюрьму Реджина Чёли, остановился.

— Ну, а дальше... дальше я сам многого не знал.

— Как же так?

— Видите, я ведь был рядовым партизаном. И многое для меня было неизвестно. Конспирация — это такая штука... — Алексей Афанасьевич улыбнулся, потирая подбородок ладонью. — Не всем надо было все знать. Жизнь раскрыла псевдонимы значительно позже. Выяснилось, например, что сосед Галафати по камере Джулио Рикорди на самом деле Арриго Баррацци.

Кубышкин встал, неторопливо подошел к шкафу и достал оттуда связку писем.

— Это письма Бессонного. Да, он жив, многое мне разъяснил. Ведь Бессонный был связным подпольного центра Сопротивления.

— Так что же было на самом деле?

— А вот что...

Алексей Афанасьевич снова сел к столу и задумался, перебирая в руках исписанные листки.

В то время как Галафати, Остапенко, Кубышкин были брошены в тюрьму, Бессонный находился на вилле Тай. Это трехэтажное здание с кирпичной оградой и деревьями у фасада было штаб-квартирой русского подполья в Италии. Вилла Тай располагалась по улице Номентана, вблизи катакомб Сан-Аньезе.

До высадки союзников на юге Италии вилла принадлежала тайландскому посольству. В октябре 1942 года на тайландской вилле гостей встречал новый слуга — красивый, уже немолодой мужчина в безупречно сшитом смокинге, по имени Алесслио.

Кто же был он, этот Алесслио, которого подпольщики знали по кличке Бессонный?

В годы скитаний и мытарств Алексей Иванович глубоко тосковал по Киеву, где родился, по лесистым Карпатам, где прошло его детство. Много слышал он о преобразенной России, рвался туда, но не так-то легко было выехать с чужбины.

О нападении фашистской Германии на Советский Союз Алексей Иванович узнал в Албании. Там он вскоре был интернирован и в конце 1941 года переправлен итальянскими фашистами в Рим. Очень небольшой круг людей знал тогда, что этот скромный и исполнительный человек установил связь с бойцами итальянского Сопротивления. Он познакомился с видным коммунистом, одним из руководителей антифашистского Сопротивления — Помпиллио Молилари.

С помощью итальянских друзей Бессонный устраивал побеги русских военнопленных из концентрационных лагерей и, рискуя жизнью, переправлял их в партизанские отряды, действовавшие на территории Италии. С виллы Тай партизанам доставлялась одежда, продовольствие, деньги, а часто и оружие.

Вот что писали об этом два года спустя после войны в парижском «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопrotивления»:

«В бывшем тайландском посольстве был образован руководящий центр для подпольной работы. Слова «вилла Тай» стали как бы паролем действовавших в Риме и окрестностях партизан. Русские партизаны объединились в три отряда: Анатолия Тарасенко, Алексея Коляскина и Петра Конопелько. Связные их отрядов хорошо знали дорогу на эту тихую заброшенную виллу. Тотчас же после освобождения Рима над виллой Тай поднялось первое в Риме знамя Красной Армии. Тут же был образован Комитет содействия бывшим русским военнопленным».

Удостоверение, выданное Бессонному Пятой зоной Итальянской коммунистической партии, подтверждает, что Алексей Иванович в период нацистско-фашистской оккупации Италии активно работал в подпольной организации Сопrotивления, содействовал побегам русских из лагерей и связывал их с партизанскими отрядами. Позднее и сам он стал активным и смелым бойцом партизанского отряда. Боевые реликвии советских партизан, действовавших на территории Италии, в том числе и знамя, что после изгнания фашистов из Рима взметнулось над виллой Тай, хранятся сейчас в одном из музеев.

Как уже было сказано, в октябре 1942 года Бессонный появился среди слуг роскошной тайландской виллы.

От его пронизательного взгляда не ускользнули нервозность и беспокойство сотрудников тайландского посольства: гитлеровская армия терпела поражения. А правительство Таиланда было связано военным союзом с империалистической Японией, союзником фашистской Германии.

Вот почему высадка союзнических войск на юге

Италии произвела настоящий переполох на вилле «трех слонов», как называли виллу Тай сами тайландцы: над подъездом были изображены традиционные в Сиаме три слона.

Бессонный с невозмутимым лицом наблюдал, как обычно тихие, словно мыши, служащие посольства, потеряв восточную степенность, бегали с этажа на этаж с кипами папок и бумаг. Часть бумаг была сожжена в каминах, и вокруг виллы несколько дней летали черные хлопья. Каждый день из дверей посольства служители выносили несколько огромных кожаных чемоданов. Их заталкивали в машины и увозили на север Италии.

А вскоре все тайландцы предусмотрительно покинули виллу. Перед отъездом один из сотрудников посольства вручил Бессонному ключи от опустевших комнат и попросил его остаться сторожем покинутого здания. Эта обязанность не тяготила Бессонного, наоборот, она сулила ему значительные выгоды. Ведь респектабельная вилла не вызывает подозрений.

Вскоре на виллу «трех слонов» стали тайком приходить люди, совсем не похожие на недавних ее обитателей. Это были итальянские рабочие и крестьяне, советские военнопленные, которым удалось убежать из немецких концентрационных лагерей. Они приходили в рваной одежде и с пустыми руками, а уходили с гранатами в кармане и автоматами под немецкими шинелями. Их прошло здесь не десять и не сто — несколько сотен.

Рыскавшим всюду и ко всему принюхивавшимся солдатам фашистской полиции и в голову не приходило заглянуть в этот мертвый дом. Они только похихикивали над долговязым и вежливым велосипедистом, в одно и то же время выезжавшим из ворот виллы с неизменной корзиной для зелени. Если бы они покопались в ней, то под пучками петрушки и сельдерея увидели бы патро-

ны, пистолеты, одежду и заграничные паспорта. А если бы они зашли на виллу вечером и спустились в подвал, то услышали бы, как работает радиоприемник.

Очень часто Бессонный, переодевшись, покидал виллу тайными ходами: он прекрасно знал схему городской канализации, знаменитых римских катакомб. Он появлялся в квартирах итальянцев, прятавших у себя партизан, переводил «гостей» на новые места, передавал задания центра.

Алессіо — Бессонный — знал адреса более сорока конспиративных квартир в Риме. Он узнавал через итальянских друзей о прибытии новых групп военнопленных русских и устраивал их побегі. Он же разработал не один план действий партизан.

Так в бывшем тайландском посольстве образовался один из подпольных центров борьбы против фашистского режима.

Впоследствии несколько итальянских газет посвятят русской секретной организации целый ряд статей. «Одна из самых необычных секретных организаций, — писала «Л'эпока». Ее центр — вилла «трех слонов» тайландского посольства. Советские пленные, одетые в форму немецких солдат, поют советские партизанские песни. В посольство приходит, например, седой священник, а выходит оттуда уже молодым немецким солдатом».

В газетах описывалась встреча с советским летчиком, который был сбит над Берлином, но сумел добраться до Рима. Летчик скрывался у Бессонного. Укрывать его помогал русский врач-эмигрант Федор Петрович. Это был самый удивительный врач во всем Риме.

Бессонному приходилось видеть этого человека в самых различных одеяниях: то в немецком офицерском мундире, который ладно сидел на его высокой статной фигуре, то в безупречно сшитом смокинге с белым жи-

летом и белой «бабочкой», то в живописно потрепанной куртке мастерового. Федор Петрович, без всякого сомнения, обладал талантом перевоплощения, который так нужен в подпольной работе.

Ему приходилось нередко «менять маскарад» — перекрашивать волосы, приклеивать усы, но ближайшие друзья Федора Петровича знали, что волосы и глаза у него светлые, лицо красивое, с четкими чертами. Любой человек, познакомившийся с русским врачом, чувствовал в нем неукротимую волю и сдержанную силу.

Дамы в фешенебельных салонах считали его очаровательным, галантным кавалером, рабочие римских предприятий охотно выпивали со «свойским парнем», немецкие офицеры были уверены, что этот врач — отпрыск старинной прусской семьи, подарившей Германии несколько храбрых офицеров и генералов.

— Вообще-то, — не раз говорил Федор Петрович, — больше всего мне нравится ходить с докторской сумкой — очень она удобна для конспирации. В нее можно спрятать все что угодно: и оружие, и литературу, и одежду на двух человек.

Разумеется, чтобы успешно играть свою роль, нужно было быть человеком высокообразованным. Федор Петрович был именно таким. Он свободно изъяснялся на русском, немецком, итальянском и других европейских языках.

В ноябре 1943 года на одной из улиц Рима были обнаружены трупы двух немецких офицеров. На убитых эсэсовцах не было ни мундиров со знаками отличия, ни фуражек, ни сапог.

Фашистские ищейки пытались напасть на след неизвестного мстителя. По рассказам очевидцев, видевших офицеров незадолго до смерти, с ними в кабачке был третий эсэсовец, высокий, белокурый. Говорили еще об

одной примете этого красивого офицера — он пил в два раза больше, чем его приятели вместе взятые. Потом пошли слухи, что высокий эсэсовец — вовсе не немецкий офицер, а доктор, который носит в чемодане автоматический пистолет и очень умело пользуется им. Однако эти скудные и противоречивые сведения не помогли гестаповцам найти доктора, который причинил им столько беспокойства.

С какой изобретательностью устраивал он побеги военнопленных из фашистских лагерей! Решительный и осторожный, смелый до дерзости, когда это было нужно, он умел и организовать нападение на немецкий отряд, и достать оружие, и завязать нужные знакомства.

Многие товарищи, которые знали об умении Федора Петровича быстро завоевывать благосклонность женщин самого различного круга, считали его ловеласом. Но это было вовсе не так.

Некоторые подпольщики несколько раз видели его с миловидной девушкой, дочерью русских эмигрантов. Эта девушка нередко помогала доктору в его опасных похождениях. Они любили друг друга...

В боевой жизни Бессонному помогали и другие люди.

Одним из них был молодой итальянский коммунист столяр Луиджи Дзордзи, который жил недалеко от виллы «трех слонов» в доме № 24 по улице Бизаньо. Луиджи служил в этом доме сторожем и портье. С его помощью на чердаке и в подвале дома скрывались советские военнопленные. Об этом писал впоследствии в итальянском журнале «Фолла» адвокат Оливьери, живший на пятом этаже этого дома.

...А Рим жил своей жизнью — сложной и многообразной. Ранним утром тысячи рабочих торопились к станкам и машинам, продавцы открывали магазины со скудной провизией, вокруг них выстраивались безмолвные

очереди, кафе наполнялись хмурыми посетителями, и даже дети как будто утерали частицу своей живости.

Римлянам поистине было трудно дышать, глядя на фашистские мундиры, слушая мерный топот тяжелых немецких сапог на вековых плитах исторических площадей.

Дорогие рестораны были переполнены, как и в прежние годы, блестящие «бенцы», «мерседесы», итальянские «фиаты» бешено носились по улицам, порой сверкали в ночи разноцветные огни карнавалов и фейерверки взвивались над старинными палаццо, как и прежде, гремела веселая музыка. Но нередко ее заглушали глухие взрывы и резкие звуки выстрелов, а в зареве внезапных пожаров бледнели карнавальные огни.

Лихорадочное веселье завоевателей и их приспешников напоминало пир во время чумы, описанный еще пером Боккаччо...

Два непримиримых мира разной жизнью жили в стенах Вечного города.

Когда связной принес страшную весть о том, что многие подпольщики, в том числе и Кубышкин, Остапенко, Галафати, брошены в тюрьму, даже Бессонный был потрясен. Что делать? С помощью итальянских коммунистов он прежде всего постарался связаться с тюрьмой. Был выработан смелый план нападения на Реджина Чёли и эсэсовскую тюрьму на Виа Тассо, в которой сидело много патриотов. Среди них были дивизионный генерал, инвалид войны Симоне Симони, генерал авиации, директор оружейного завода «Польверифичио Стаккини» в Риме Сабато Мартели Кастальди, который срывал обеспечение гитлеровских войск военным снаряжением и организовывал доставку оружия партизанам Лацио и Аbruццо.

Но план нападения на тюрьмы был отвергнут англо-

американскими офицерами, осуществлявшими связь с военной джунтой Комитета национального освобождения. В результате немцам удалось осуществить свои злодеяния в Ардеатинских пещерах и увести с собой из Рима много заложников, которые затем были расстреляны в населенном пункте Сторта.

Странный гестаповец

Алексей когда-то читал о порядках в застенках итальянской полиции, но то, что он увидел в «Царице небесной», превосходило самые страшные картины, созданные воображением. Арестованные спали на цементном полу. С ними разговаривали при помощи «гума» — короткой резиновой дубинки. Избивали всюду, даже в кабинете врача, если кому-либо удавалось туда попасть. Над входом в коридор кто-то кровью сделал надпись из Дантова «Ада»: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Но надежда, пусть неясная, слабая, все же теплилась...

Однажды раздался голос:

— Кубышкин, на допрос!

В комнате следователя Алексея ждал высокий, худой, рыжий офицер с темным лицом и тяжелыми морщинами вокруг глубоко посаженных глаз. Он то плотно сжимал тонкие искривленные губы, то кричал:

— Расстреляю! Говори, где помещается штаб партизан! Кто такой Бессонный? Где его найти?

Алексей молчал.

За столом, под портретом Гитлера, сидел еще один офицер, приземистый, тучный, словно туго набитый

куль. Сузив косо поставленные глаза, он молчал и внимательно наблюдал за ходом допроса.

В комнате было жарко. Сквозь мутные окна просачивался неяркий свет дворовых тюремных фонарей.

Рыжий офицер опять повторил свои вопросы и растегнул ворот кителя.

Алексей угрюмо бросил:

— Не знаю.

Тогда рыжий неторопливо закурил сигарету и, выпуская дым сквозь подстриженные усы, стал пристально разглядывать усталое, изможденное лицо Алексея.

— Будешь говорить? — спросил он вновь и, не дождавшись ответа, подошел вплотную.

Алексей смотрел ему в глаза, не мигая. И этот взгляд вывел гестаповца из себя. Наливаясь кровью, он по-бычьему поводил мутными белками.

Скупая улыбка заиграла на сухих, потрескавшихся губах Алексея.

— Прочтите его! — приказал сидевший за столом офицер.

Рыжий взял со стола плетку и со всего размаха полоснул Алексея по лицу. Потом, отшвырнув плетку, стал бить его каким-то металлическим предметом по голове. Алексей упал на пол и потерял сознание.

Когда он очнулся, на него лили холодную воду. Офицеров в комнате не было.

Алексей с трудом поднялся и, покачиваясь, медленно пошел к выходу. Жар волнами подкатывал к сердцу. Голова казалась непомерно тяжелой, раны болели, кровь заливала глаза. В дверях, позвякивая связкой ключей, стоял пожилой тюремщик.

— Быстрее! — пробурчал он и толкнул Алексея в спину.

Ноги подгибались и дрожали. Вот поворот налево, а там комната другого следователя, опять побой...

Тюремщик снова толкнул Алексея, и поворот миновали. Прошли несколько шагов. «Куда он меня ведет?» — подумал Алексей.

По тюремному коридору быстро шел человек в форме гауптштурмфюрера СС. Тюремщик прижал Алексея к стене, давая дорогу офицеру. В это же время навстречу вышел Пьетро Кох. Он козырнул гауптштурмфюреру и заговорил с ним по-дружески.

— Почему вы у нас? Ведь вы, кажется, на Виа Тассо?

— А мне понравилась ваша тюрьма, — с улыбкой ответил гауптштурмфюрер, — я действую на два фронта.

— Что же, поздравляю... Приехали на допрос?

— Да, надо кое-кем заняться. — Эсэсовец козырнул и пошел дальше.

Кох напряженно смотрел вслед шеголеватому эсэсовцу. Но тот, непринужденно помахивая стеклом, шел не оборачиваясь. Тюремщик повел Алексея дальше. Кох тихонько прищелкнул языком и зашагал, стуча каблучками.

Тюремщик ввел Алексея в какую-то комнату. Следом вошел и гауптштурмфюрер СС. Он испытующе посмотрел на Кубышкина.

— Идите, — приказал тюремщику эсэсовец и плотно закрыл за ним дверь. Потом не спеша подошел к Алексею и, оглядев его с ног до головы, стал боком.

«Ну, сейчас начнет бить», — подумал Алексей в то время, как офицер стягивал перчатки.

А тот вынул портсигар, протянул:

— Битте...

Алексей не верил своим ушам. Немец предлагал сигарету! Это что-то новое...

— Здравствуйте, — вдруг заговорил гауптштурмфюрер по-русски. — Садитесь, нам надо поговорить.

Алексей смотрел на него не мигая.

— Садитесь, — повторил тот и продолжал тихо: — Вам привет от Бессонного, с выльы Тай.

Эсэсовец поднял зажженную зажигалку. Алексей прикурил, затянулся. «Провокация? — лихорадочно думал он. — Ну, это у тебя не выйдет...»

— Вы не верите мне... Это понятно, — продолжал офицер. — Но знайте, что я и этот тюремщик ваши друзья. Не показывайте виду. Я чех, но для вас я немец. Ясно? Я тоже коммунист.

Алексей внимательно слушал его и думал: «Неужели в тюрьме могут быть друзья?» Закружилась голова, он покачулся. Откуда ему было знать, что этот смелый человек по воле партии надел ненавистный ему эсэсовский мундир, служит в гестапо. Чех по национальности, он отлично владел немецким языком и умел вести себя так, что ни одна фашистская ищейка не могла ничего заподозрить...

Время от времени гауптштурмфюрер СС и тюремщик Сперри приходили к врачу — профессору Оскару ди Фонце, у обоих «болели зубы», оба нуждались в лечении. Оскар ди Фонце работал в подпольной редакции газеты «Унита» и организовывал необходимые для партии связи. В зубо-врачебном кабинете «больные» рассказывали обо всем, что узнавали о работе гестапо.

Чех напоил Алексея водой, дал десять сигарет и на прощание сказал:

— Мы будем следить за вами, поможем бежать. Но пока нужно молчать.

И кренко пожал руку.

— Вот только Галафати... — Офицер грустно покачал головой.

— Где он?

— Вы видели Коха? Так вот... Этот зверь сам взялся за Галафати. Это значит, что нашему товарищу угрожает смерть.

— И ничем нельзя помочь?

— Я пробовал... Но пока ничего не вышло. Боюсь, что Кох и обо мне уже пронюхал. Надо что-то предпринимать.

Вновь появился пожилой тюремщик. Страшно ругаясь, он повел Алексея в камеру. А у самых дверей шепнул: «Не унывать, рус», — и с силой толкнул в спину, так что Алексей чуть не упал...

Николай подбежал к нему, стараясь поддержать. Он знал, какими люди возвращаются после пытки. Но Алексей улыбнулся...

Они долго сидели обнявшись, шепотом обсуждая события сегодняшнего дня. Вспыхнула надежда, которая так нужна человеку, особенно в их положении...

Они строили планы, вспоминали прошлое. Когда у человека нет светлого настоящего, он уходит мыслями в иное время — либо в прошедшее, либо в будущее.

В тот день Николай рассказывал о себе.

— Война застала меня на полуострове Ханко. Служил я в 236-м отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе. Друзья сделали мне там настоящую японскую татуировку: когда по утрам умывался, драконы на руках копошились, как живые. Тогда мне это нравилось, а вот сейчас... — Он взглянул на свои руки, разукрашенные тушью, и сплюнул в сторону. — Чего это я об этом? Словом, когда началась война, немцы пытались и с суши, и с моря овладеть полуостровом. Но мы каждый раз давали им по зубам.

Ханко был важным опорным пунктом на Балтике.

Сто шестьдесят пять дней наш гарнизон отбивал атаки. Ох, и помолотили мы фашистов... А потом, по приказу командования, оставили Ханко. Эх!..

Первого декабря поехали в Ленинград. Не как-нибудь — на пассажирском теплоходе. Но, как назло, наскочили на мину. Что ж, водичка, конечно, не черноморская, но ничего не поделаешь — пришлось прыгать в воду, плыть. Однако не тут-то было. Наскочили на нас немецкие катера, стали вылавливать... Так я в плену оказался. Прямо из водички... А осенью прошлого года привезли вот в Рим.

Николай замолчал, задумался.

— Расскажи-ка, брат, что-нибудь еще, — попросил Алексей.

— Вот, понимаешь, какая штука: уже несколько дней у меня не выходит из головы — где я слышал про эту тюрьму? Вспоминал, вспоминал и вот, знаешь, сейчас вспомнил...

— Ну и где же ты слышал?

— Да все на том же полуострове Ханко. Подружился я там с одним уральцем. Звали его Анатолием. Хороший был парень. Грамотный, речистый.

— Почему был? Убили, что ли?

Николай немного помолчал.

— Все расскажу, не перебивай... Он однажды сказал мне: «Эх, Коля, кабы не эта проклятая война, я бы сейчас в юридическом институте лекции читал». В августе он должен был защищать кандидатскую диссертацию. И знаешь, тема какая была? История фашистских тюрем. Он говорил, что тема здорово интересная. Тут и германская тюрьма — Моабит, румынская — Дофтана, итальянская — Реджина Чёли (это наша, значит, с тобой), польская — Висла, венгерская — Скала. И другие,

я уж не помню. Материал трудно было разыскивать. По крупицам парень собирал.

«Кому нужна их история?» — спросил я. А он говорит: «Что ты, Николай! Сколько злодеяний сотворили фашисты в этих тюрьмах! Это нужно знать, чтобы потом спросить с них по большому счету. Да и потомкам нужно знать — что такое фашизм». В юридических институтах даже преподают тюремное ведение как отдельную дисциплину. Понял? В свое время, оказывается, проходили даже международные тюремные конгрессы. Один из них, четвертый, что ли, организовывали в конце прошлого века в Петербурге. Сам Александр III со своими министрами на открытии присутствовал. Во как!

И, понимаешь, все чин чинном устроили, даже международную тюремную выставку. Каждая страна показывала изделия, которые изготовляли арестанты, и предметы из обстановки тюрем. Итальянцы, скажем, представили модель одиночной камеры. Я вот сейчас подумал: а вдруг — той самой, в которой мы с тобой сейчас сидим. А?.. И была на выставке модель всей тюрьмы Реджина Чёли. И изделия из этой тюрьмы: обмундирование тюремное, ботинки, скульптуры разные, мадонны.

— Неужели и мадонны делались в Реджина Чёли? — с усмешкой спросил Кубышкин.

— А что ты думаешь, — усмехнулся и Остапенко, — это, брат, превосходно уживается: пытки и молитвы, иконы и тюрьмы. Этот вот, — он ткнул в распятие Христа, — чего тут нялятся?..

Ну, конечно, когда я слушал Анатолия, мне и в голову не приходило, что придется самому в тюрьме сидеть, да еще в такой знаменитой. Знал бы — побольше выспросил... Дня через три после этого попали мы под бомбежку и погиб Анатолий. Способный парень был! Наверняка бы стал профессором...

Алексей и Николай установили, что Анджело Галафати сидит внизу, в отдельной камере. Пробовали перестукиваться с ним — ничего не вышло.

Они не знали, что в это самое время Пьетро Кох избивал их друга резиновой дубинкой. Рука у садиста заняла в плече, он отшвырнул дубинку и сквозь зубы процедил:

— Воды!

Неподвижного Галафати облили из ведра. Вода, стекая на пол, стала розовой. Кох приподнял голову своей жертвы за волосы:

— Ты скажешь, наконец, где ваша главная явка?

Галафати в ответ запел гимн Гарибальди. Он пел дрожащим хриловатым голосом, а сам поднимался, медленно поднимался с пола и наконец встал, гордо закинув голову.

— Замолчать! — орал Кох, а Галафати пел.

— Ты скажешь! Ты скажешь! — в исступлении закричал фашист. Ударом кулака в спину он изо всей силы толкнул Галафати в соседнюю комнату и крикнул: — Вот как мы поступаем с тем, кто борется с армией фюрера!

В слабом свете маленькой электрической лампочки Галафати увидел человека, подвешенного за подбородок на ржавый железный крюк, свисавший с потолка. На груди жертвы была вырезана пятиконечная звезда, лицо обезображено. Галафати узнал этого человека. Костанцо Эбат, подполковник артиллерии из партизанского отряда «Неаполь», действовавшего в Риме и в провинции Лацио.

Перед глазами поплыли красные круги... Галафати стоял, покачиваясь, легкая дрожь пробежала по телу. Сбрав последние силы, он повернулся к Коху.

Кровавый плевок ударил в лицо палача.

Кох выдернул из кармана платок, вытер лицо. На белоснежной ткани осталось красное пятно. Сняв и отбросив платок, Кох потянулся за резиновой дубинкой...

Сколько хлопот причинил ему этот молчаливый упрямец Галафати! Сколько раз он, Пьетро Кох, униженно просил начальство продлить срок поисков неуловимого коммуниста. Иногда казалось, что ловушка захлопнулась, в густо расставленные сети попадали многие патриоты, но Галафати, целый и невредимый, оказывался на свободе.

И вот, наконец, удача! Пьетро Кох был просто счастлив: Мария Баканти поверила ему и дала адрес Галафати — того, кого он так долго и тщетно искал, из-за кого рисковал своей карьерой. Кох безмерно радовался своей удаче.

Но Галафати — с виду простой и хилый — оказался железным. Он не произнес ни слова, даже ни разу не взглянул на Коха, а брезгливо отворачивался или просто закрывал глаза.

Кох был старым агентом итальянской разведки. Немец по отцу и итальянец по матери, он еще до нападения фашистской Германии на Советский Союз был послан в Берлин для прохождения особого инструктажа. Был принят там, как свой человек. В гестапо разъяснили, чего от него ждут и чем ему предстоит заниматься, когда Италия начнет войну с Россией. За заслуги перед немецким фашизмом Коха наградили золотым значком почетного члена нацистской партии и железным крестом 1-ой степени. Возвратился он из Берлина, отрастив усики а-ля Гитлер.

Теперь этот фашист еще больше выслуживался перед немцами.

Когда подпольщики, работавшие в тюрьме, по просьбе Бессонного попытались передать дело Галафати «гауптштурмфюреру СС», Кох понял, что это может помешать его карьере, и заартачился.

— Я знаю, — твердил он, — что Галафати держит ключ ко многим тайнам. И может выдать даже тех, кого мы и не подозреваем.

Так сорвалась попытка вырвать отважного патриота из рук фашистского садиста.

Однажды ночью Кубышкин и Остапенко проснулись от страшных стонов и криков.

— Что там творится? — спросил Николай и тут же, подскочив к окну, подставил плечи. — Лезь!

Алексей дотянулся до окошка. Из него был виден краешек тюремной площади. Заключенные, голые по пояс, стояли в два ряда. Между ними расхаживали офицеры СС. Откуда-то, чтобы заглушить крики, неслась музыка.

— Галафати! — крикнул Алексей, увидев в толпе своего друга.

Галафати поднял голову. Едва ли он увидел Алексея. Скорее всего нет. Может быть, просто догадался... Во всяком случае он крикнул:

— Прощай, друг! Нас ведут на расстрел! Прощай!

Потом он сказал что-то стоящему рядом с ним заключенному, тот встrepенулся и тоже закричал:

— Я — русский! Прощайте! Привет Родине!

Но тут появились эсэсовцы, прикладами начали избивать заключенных, погнали к выходу.

Алексей опустил на пол.

— Коля, это конец... Сейчас придут и за нами.

Друзья переглянулись. За дверью слышались гул-

кие шаги. Заскрипел замок, дверь широко распахнулась. На пороге стоял тот тюремщик, который водил Алексея к чеху.

— Быстрее в другую камеру! — негромко и торопливо приказал он.

Алексей и Николай ничего не понимая, бросились в коридор.

— Повели русса! — пронеслось по камерам.

Оставшиеся в тюрьме итальянские патриоты решили, что русских также повели на расстрел.

Но тюремщик, для вида подгоняя их тумаками, привел друзей в подвал тюрьмы, запер в совершенно глухой камере в самом дальнем углу тюремного корпуса.

— Молчать, — только и сказал он на прощанье.

А через полчаса запыхавшийся Пьетро Кох бежал во коридору...

— Где русские? — спросил он, хватая тюремщика за шиворот.

— Они... они были вот в этой камере...

— Открывай! — зло прохрипел Кох.

Тюремщик никак не мог понасть ключом в скважину.

— Скорее! — Кох распахнул дверь.

Камера была пуста.

— Где они?

— Не знаю, — тюремщик беспомощно развел руками. — Но, синьор, я помню, как утром приезжали сотрудники службы безопасности. Наверное, увезли их на Виа Тассо...

— Проклятье! Но ничего...

Крики в тюрьме постепенно затихли.

— Неужели мы спасены? — спросил шенотом Николай.

Алексей ничего не ответил. Обхватив голову руками, он повалился на пол.

«Прощай, Галафати!»

В тюрьме наступила зловещая тишина.

...В Ардеатинских пещерах гремели выстрелы. Там погибли коммунист Галафати, неизвестный русский солдат, с которым Алексей так и не успел поговорить, генерал авиации Сабато Мартели Кастальди, дивизионный генерал Симоне Симони...

Они умерли, как герои, умерли, как и жили, не склонив головы.

История с портфелем Муссолини

Страшная ночь миновала. Вновь тягуче и жутко текли тюремные дни, угнетающе похожие друг на друга. Теперь узников терзала неизвестность. Прекратились допросы. Об Алексее Кубышкине и Николае Остапенко, казалось, забыли. Могильная тишина сковала камеру. Железные двери со сложным запором открывались лишь один раз в день: это Сперри — так звали тюремщика — приносил пищу и воду.

Ярко начищенные пуговицы на мундире тюремщика подчеркивали бледность его поблекшего лица. Связка тяжелых ключей с тихим звоном покачивалась на его веревочном поясе.

— Хорошо, что мы вместе, — не раз говорил Алексей. — Сейчас хоть можно поговорить о чем-нибудь.

Николай кивал головой.

— Одному и свихнуться недолго.

Но все же всякие непрошеные мысли назойливо лезли в голову. Может быть, эсэсовцы готовят им какую-ни-

будь особо тяжелую расправу? Почему так редко приходит Сперри? Почему он печален?

Алексей однажды высказал такое предположение:

— Знает, видимо, что нас ждет, а сказать об этом ему тяжело.

— Может быть, — откликнулся Николай. — Мы многим ему обязаны. Интересно, что это за человек?

Алексей пожал плечами.

— Я вижу одно, что он не фашист и не желает нам зла.

Камера, в которой сидели Николай и Алексей, была сравнительно большой — четыре на три метра. Но это была камера полной, строжайшей изоляции.

— Настоящий каменный мешок, — ворчал Николай. — Посадить бы в нее архитектора, который строил эту тюрьму.

Однажды вечером в камеру пришел Сперри. Тюремщик, как-будто стесняясь, сунул узникам по большому апельсину. У него, судя по всему, было хорошее настроение.

— Мы только что говорили о вас, — сказал Кубышкин. — И мой товарищ и я думаем, что вы, Сперри, не любите фашистов.

— А за что их любить? — спросил Сперри и, потрогав пальцем большой шрам на щеке, добавил: — Может, за это?

Кубышкин и Остапенко внимательно посмотрели на Сперри: видно, сегодня итальянец решил, наконец, потокровенничать.

Потом Николай спросил:

— А откуда такой шрам?

Сперри с горечью махнул рукой; лицо его болезненно сморщилось.

— Этим шрамом меня украсил фашист.

— А как это было, если не секрет?

— О-о, это целая история. И все из-за таинственно-го портфеля. А дело было так. Когда Муссолини отстранили от власти, дуче решил обратиться за помощью к королю Виктору-Эммануилу. Жена Муссолини Ракеле сказала тогда: «Не ходи к королю, он тоже против тебя». «Да нет, — ответил Муссолини, — король мне друг».

Потом Муссолини со своим секретарем Николо Де Чезаре поехал к королю, на виллу Савойя. Пока король и Муссолини беседовали, Де Чезаре ждал. Минут через двадцать король и Муссолини вышли вместе. Дуче вручил Де Чезаре свой портфель.

Виктор-Эммануил проводил гостей. В конце лестницы Де Чезаре увидел двух приближающихся к ним офицеров-карабинеров.

— Следуйте за нами! — приказал один из них.

Дуче протестовал, но напрасно. Через две минуты Муссолини и Де Чезаре с портфелем в руках сидели в санитарной машине, которая быстро помчала по улицам Рима.

Через некоторое время Де Чезаре наклонился к своему шефу и шепнул: «Дуче, это — арест по всем правилам».

«Да нет, — продолжал твердить Муссолини. — Король мне друг, он дал гарантии. Это обыкновенное недоразумение».

Путешествие продолжалось до казармы Виа Деньяно. Там дуче приказали выйти из автомобиля. Де Чезаре, по-прежнему прижимавший к груди объемистый портфель, был отвезен в нашу тюрьму.

Тут Сперри замолчал и прислушался. В коридоре послышалось какое-то движение.

— Это моют пол, — догадался Алексей, услышав мягкое шлепанье швабры.

Тюремщик продолжал прерванный рассказ:

— Помню, прибыл Де Чезаре в комнату предварительного заключения взволнованный. До этого я видел его только на фотографиях, он обычно стоял по правую руку Муссолини. Моложавый такой, красивый. А тут я увидел перед собой старика с трясущимися от волнения руками.

Я приказал Де Чезаре снять одежду и одеться во все тюремное. Он покорно исполнил мой приказ. Я завязал его одежду, ботинки и портфель в один узел, прикрепил к нему бирку с его фамилией и номером и закрыл шкаф.

Даже и не очень внимательный человек заметил бы, что Де Чезаре все время тревожными глазами наблюдал за своим портфелем. Но я дал ему понять, что меня ничто не интересует, в том числе и содержимое портфеля.

Отвел я Де Чезаре в четвертый корпус, к политическим и посадил в одиночную камеру. Через некоторое время он начал стучать в двери. Оказалось, просил разрешения поговорить с тюремным капелланом. Пришлось доложить об этом начальнику охраны. На следующий день в камеру вошел дон Козимо Бональди, старый поп. Де Чезаре упросил его сообщить жене, что он жив и здоров и не теряет надежду на лучшее. Капеллан обещал сделать все возможное и вечером послал доверенное лицо к его жене.

Капеллан и Де Чезаре в последующие дни подолгу беседовали, стали друзьями. О чем они говорили — не знаю.

А меня терзало любопытство: что же находится в портфеле? И вот однажды выдался подходящий момент. Развязал я узел и открыл портфель. Он был до отказа набит различными документами. У меня было мало времени, но я успел увидеть протоколы последнего заседания Большого фашистского совета, проект тайного уста-

ва фашистской партии и какие-то письма на иностранном языке. Что делать? И я решил тогда передать эти документы Римскому комитету национального освобождения.

— И передали?

— Не сумел, — вздохнул Сперри и опять осторожно потрогал шрам на щеке. — Дело в том, что из нашей тюрьмы ничего не разрешается выносить. Но я рискнул. Внутреннюю охрану кое-как обманул. Но совсем неожиданно на солдата внешней охраны, который потребовал у меня портфель.

— Да здесь тряпки, — пытался выкрутиться я, но солдат попался, как назло, из новобранцев.

— Ничего выносить не положено, — тупо твердил он, а потом взял да и вызвал начальника смены.

«Надо же так влипнуть», — думал я, шагая в кабинет начальника смены. А начальником был Андреа Монако, оголтелый фашист.

— Зачем ты взял портфель? — спросил Монако. — Чей он?

Врать было бесполезно и я сказал, что взял его из вещей Де Чезаре.

— Зачем?

— Да я думал, что там есть какие-нибудь ценности, — пробормотал я, зная, что за воровство достанется меньше, чем за политику.

— А ты разве не знаешь, что в портфеле? — закричал Монако и, взяв со стола тяжелую железную линейку, двинулся на меня.

— Видит бог, не знаю! — закричал я.

— Так я тебе и поверил! — рывкнул Монако и, размахнувшись, ударил меня по щеке ребром линейки.

От страшной боли я чуть не потерял сознание. Как в тумане, слышал голос начальника смены:

— Запомни! Ты никогда не видел этого портфеля и не знаешь, что в нем находится. Понял? А теперь марш в больницу, сделай перевязку. Врачу скажешь, что нечаянно упал с лестницы.

— Так и окончилась история с портфелем Муссолини, — закончил Сперри. — Жаль, что он не попал в надежные руки.

— А какова дальнейшая судьба этого портфеля? — спросил Остапенко.

— После перемирия 8 сентября Де Чезаре был выпущен на свободу. Портфель ему вернули в целости и сохранности, Монако верно служил своему дуче. И где теперь этот портфель — мне неизвестно... Но шрам из-за него придется теперь носить до самой смерти.

— Ничего, когда-нибудь об этом портфеле еще заговорят, — сказал Остапенко.

— Фашистов будут судить в любом случае, — твердо произнес Кубышкин. — И не столь уж важно, найдется этот портфель или исчезнет навсегда.

В камере Грамши

Семь суток просидели в подвале тюрьмы Николай и Алексей. На исходе восьмого дня в двери загремели ключи, на пороге появился Сперри. Он казался еще более постаревшим, еще более угнетенным, чем обычно.

Сперри, как всегда, медлил. Он внимательно огляделся, словно чего-то искал, и вдруг улыбнулся:

— Кончилась ваша жизнь, ребята, в Реджина Чёли. «Царица небесная» пожелала освободить вас из своего «рая». Будем надеяться, что это к лучшему...

— Переводят в другую тюрьму? — насторожился Остапенко.

— Поедете на рытье траншей. Не помогла немцам «Готическая линия». — Старик усмехнулся. — Если сказать правду, то ее и не было... Смотрите, не попадитесь Коху. Он три дня назад уехал на север.

— И вот что я вам скажу, русские парни, — Сперри подошел к Алексею. — Мы больше, конечно, не увидимся... Запомните эту камеру. В ней сидел сам Антонио Грамши.

— Он был у вас, в России, в двадцать втором — двадцать третьем годах. — Сперри тяжело опустился на койку. — А потом возвратился на родину, чтобы продолжить борьбу. Основал Коммунистическую партию Италии и газету «Унита»... Он для нас все равно, что для вас Ленин.

Несмотря на парламентскую неприкосновенность, Грамши был арестован по приказу Муссолини. Это было в ноябре двадцать шестого. В этой камере он просидел тогда шестнадцать дней.

Когда вечером привели его сюда, я даже не поверил, что передо мной сам Грамши. Я представлял его вели-

каном, а это был обыкновенный человек, маленького роста, в очках, очень болезненный с виду.

Всем, чем мог, я старался облегчить положение Грамши: несколько раз тайно передавал ему газеты, письма, бутылки с кофе, сигареты, а однажды — шерстяную фуфайку и носки. Бывало, как ни загляну в глазок, всегда вижу одно и то же: ходит по камере взад и вперед, и ходит...

Выйти на свободу ему не удалось. Пересылки из одной тюрьмы в другую, тяжелые кандалы, одиночные камеры, плохое питание — десять лет тюремных скитаний! — подорвали его здоровье. Весной тридцать седьмого года он умер...

Сперри нервно похлопал себя по коленке.

— А ведь этот пёс Муссолини знал, что состояние здоровья у Грамши очень плохое. Ему об этом докладывал профессор Умберто Арканджели...

— Вы много знаете, — уважительно сказал старику Алексей.

Сперри печально улыбнулся.

— Лучше бы мне не знать всего того, что я знаю... Однако слушайте...

Он принялся рассказывать дальше.

Как только Грамши посадили в камеру, пришел старший надзиратель и прибил над его кроватью лист фанеры с надписью: «Свобода, Равенство, Братство». Так смеяться над возвышенными идеалами могли только фашисты!

Однако они умели не только унижать, но и истязать.

Железная койка в камере Грамши опускалась лишь на ночь, а днем нужно было или стоять, или сидеть на цементном полу. Два раза в день обследовалась оконная решетка, а камера — ежечасно. Холод пронизывал до костей. Лишь ходьба взад и вперед несколько согре-

шла Гранши. Под окнами в течение всей ночи бегали свирепые псы.

Прогулка разрешалась через день на один час, никакие разговоры при этом не допускались. На каждого заключенного перед прогулкой надевали специальный мешок с отверстиями для рта и глаз. В этих нелепых мешках и выводили «подышать свежим воздухом».

Тюрьма не зря считалась могилой. Попасть в зубы «Царицы небесной» означало — погибнуть медленной смертью...

Алексей окинул камеру внимательным взглядом.

В ней все было знакомо — любимая выбейка на стене, каждая щелочка в столе, каждая щербинка на потускневшем запыленном распятии. Но рассказ старого итальянца заставил увидеть эту камеру такой, какой она была много лет назад. Вот как, бывает, переплетаются пути людей! И, оказывается, камеры, эти древние молчальницы, тоже говорят...

— Мы никогда не забудем этой камеры, — сказал Остапенко. — Не забудем и вас.

— Вы тоже смелые люди, — перебил его старый итальянец. — Все вы, коммунисты, похожи друг на друга.

— А вы... вы нам ничего не расскажете о себе? — неожиданно спросил Алексей. — Ведь вы для нас делали так много! Должны же мы знать, кто помог нам остаться в живых?

Сперри смущенно кашлянул.

— У нас мало времени. Да и нет в моей жизни ничего интересного.

— Неправда! — горячо возразил Алексей.

— Ну уж разве коротко... — Сперри помолчал, собираясь с мыслями, потом не спеша начал новый рассказ.

Рассказ тюремного надзирателя

Отец Сперри, потомственный металлист, работал на одном из заводов Рима. В доме у них никогда не было достатка, жили бедно. Анджело рос хрупким и нежным, малейшее препятствие вызывало в нем чувство страха. Джулио, старший брат, посмеивался:

— В кого ты у нас уродился такой? Ни рыба ни мясо...

У Джулио-то характер был другой. Этот парень никому не позволял обижать себя.

Мать умерла при родах, оставив девочку. Убитый горем отец собирал по соседям гроши на гроб.

Анджело было двадцать лет, когда разразилась первая мировая война. С продуктами стало совсем плохо, и девочка, лишенная материнского молока, скоро умерла.

Джулио призвали в армию. Сначала он регулярно присылал домой письма, потом замолчал. Через полгода пришло извещение о его смерти.

Анджело работал на заводе. Там он встретил девушку по имени Мара, о которой говорили, что природа таких красавиц вторично не создает.

Ясными теплыми вечерами приходили они на берег Тибра. Анджело играл на гитаре и тихонько напевал. Мара обычно сидела, обхватив колени руками, и неподвижно глядела на воду.

— Анджело, — обращалась она иногда к нему, — когда мы пойдем в кино?

Анджело сдержанно вздыхал. С его заработком только и ходить в кино...

И случилось то, чего он боялся.

Однажды, когда он возвращался с работы усталый

и озабоченный, — отец заболел и не вышел на работу, надо было вызывать на дом врача, а денег не было, — в конце улицы его Мару догнал автомобиль-люкс «Альфа-Ромео». Кто-то открыл дверцу и заговорил с девушкой. Вероятно, предлагали подвезти. Мара села в машину.

С тех пор она больше не приходила на берег Тибра.

Анджело затосковал. А тут еще в один из весенних дней 1923 года умер отец. Анджело остался совсем один. Отчаяние захлестнуло его. Растерянный, подавленный горем, ходил он в эти дни по улицам и боялся прийти домой.

...Однажды по притихшим переулкам Вечного города осторожно пробирался человек. Встречая патруль рослых карабинеров, он тихо называл пароль: «Поход на Рим». Ему отвечали: «Поход на мир» — и скороговоркой добавляли: «Идите, вы свободны». Так он добрался до дома № 7 по улице Анунцио, поднялся на третий этаж.

Была глубокая ночь. Анджело вдруг показалось, что кто-то тихонько стучится в дверь. Он поднял голову. Стук повторился, такой же тихий и осторожный. Кто это мог стучать? В душе проснулась надежда: а вдруг это Мара?

Анджело зажег свет и рванулся к двери.

— Джулио?

— Ну конечно же, я! — засмеялся брат, сбрасывая с плеч вещевой мешок. — Я, Анджело, дорогой мой, я самый!

Анджело попятился к стене.

— Не бойся, я не привидение! — снова рассмеялся Джулио. — Рано меня похоронили, я еще поживу.

Анджело не дал ему договорить, он кинулся брату на шею.

— А где отец?

— Умер. Несколько месяцев назад.

Джулио тяжело вздохнул. Наступило молчание.

— Похоронная на меня была? — спросил, наконец, Джулио.

— Была.

— Хорошо!

Анджело удивленно поднял глаза.

— Хорошо, Анджело, хорошо, — подтвердил Джулио. — Пускай все думают, что меня не существует. Жить я все равно буду на нелегальном положении, под новым именем. Запомни — меня зовут Джорджо Пасторе.

— Но почему?

— Почему? — Джулио нахмурил брови. — Потому что Муссолини пришел к власти... Он таких, как я, не любит.

Полк, в котором служил Джулио, воевал против австрийцев. В одном из боев вся рота попала в плен. А в конце 1917 года Джулио вместе с несколькими товарищами был зачислен в австрийскую армию и направлен на Украину — на подавление молодой Советской республики.

Однажды в его руки попала советская листовка. Он прочитал ее и передал товарищам. В ту же ночь в роте начался обыск — искали «крамольные листовки», брошенные большевиками, — и Джулио, поняв, чем это ему грозит, бежал в плен к красным. Потом он вместе с венгерскими коммунистами проводил агитацию в тылу белогвардейцев в России, в городе Самаре, освобождал Поволжье.

В Италию Джулио прибыл коммунистом, в ряды РКП(б) вступил в Симбирске. В Оренбурге он познакомился со своим прославленным земляком — командиром Красной Армии Джованни Штиксом. Воюя в одном интернациональном батальоне, они уничтожали белые бан-

ды в Приуралье. В 1922 году Джованни Штикс выехал на родину, а вслед за ним, годом позже, выехал и Джулио.

— Что же ты думаешь делать? — задумчиво спросил Анджело, выслушав рассказ брата.

— То же самое, что делали русские у себя в России, — спокойно ответил Джулио.

С этого дня у Джулио началась полная опасностей и лишений нелегальная жизнь. С Анджело они виделись редко: шпайки Муссолини рыскали всюду.

Однажды Джулио пришел к брату поздней ночью.

— Анджело, есть очень важный разговор, — Джулио пристально посмотрел в глаза брату. — Не сможешь ли ты оказать нам одну очень важную услугу? Подумай хорошенько. Мы, конечно, никого не принуждаем.

Анджело широко открытыми глазами глядел на брата и ждал, что тот скажет.

А Джулио продолжал:

— Итальянские тюрьмы заполнены коммунистами. Необходимо иметь там своих людей... Ты понял меня?

— Не совсем... — растерянно ответил Анджело.

— Ты должен бросить работу на заводе и устроиться надзирателем в Реджина Чёли. Партии нужен надежный связной.

Анджело вытер холодный пот со лба. Он никогда не был борцом, никогда не лез в драку, а теперь ему, кажется, предлагают партийное задание.

— Многого мы от тебя не потребуем, — как бы угадав его мысли, продолжал Джулио. — Подумай хорошенько, я жду за ответом.

Через несколько дней Анджело, побрякивая связками ключей, ходил по коридору вдоль мрачных камер Реджина Чёли.

С виду это был прежний, немного флегматичный

Анджело. Никто бы и не подумал, что именно он выносит из тюрьмы важные сведения, что это он сумел облегчить участь многих узников, что сотни политических заключенных навек остались благодарны ему за помощь и участие...

— А что стало с вашим братом? — спросил Алексей. — Где он теперь?

— Что с ним стало? — медленно переспросил Сперри. — Когда началась гражданская война в Испании, он уехал туда. И не вернулся. Не каждому суждено выходить из боя живым... Погиб под Барселоной. Он был комиссаром батальона в бригаде кубинца де ля Торрента. Похоронили его с почестями, которые он заслужил.

Алексей и Остапенко стояли молча.

Очень верно сказал итальянец. Не всем дано уцелеть. Их бой тоже еще не закончен. Как знать, выйдут ли они из него живыми и невредимыми.

Снова побег

Над ними было ночное небо. Облака, раскинувшись, словно серые овчины, медленно проплывали с запада на восток и там терялись за горными вершинами, плотно покрытыми полуночной дымкой. Чувствовалось дыхание близкой грозы. Тюремные фонари, тихо покачиваясь на ветру, высвечивали узкую каменную полосу двора.

В темном углу тюремной ограды стояла крытая брезентом машина. В ней сидело человек десять заключенных. Как только Сперри подвел Николая и Алексея к машине, воздух прорезал высокий, режущий звук тю-

ремного звонка — подали сигнал к началу вечерней поверки. В здании тюрьмы поднялся невообразимый шум: поворачивались автоматические замки, распахивались двери камер, заключенные бежали по коридорам, надзиратели выкрикивали команду: «Стройся!»

Во время этого шума шофер завел мотор и тихо подъехал к воротам. Машина пошла на юг, дальше от Рима.

Алексей окинул прощальным взглядом стены тюрьмы. В темноте она напоминала огромную жабу, вцепившуюся в тибрскую набережную.

Через два часа машина подъехала к небольшому концлагерю. Военнопленные из этого лагеря рыли для немцев запасные траншеи и блиндажи.

...А союзники с каждым днем все ближе подходили к Риму. Был конец мая.

Однажды Алексея и Николая послали на машине с палатками и продуктами. Въехали в лес. Конвой приказал разгружать машину и ставить палатки. Проработав весь день, Алексей и Николай упали вечером на траву как убитые. Возле палаток ходил немецкий часовой с автоматом.

— Давай, — прошептал Алексей своему другу, плотно прижавшись к земле.

— Сейчас, — так же шепотом ответил Николай.

Вот немец скрылся за палатками. Они вскочили и побежали в глубину леса. И вдруг у крайней палатки налетели на кучу хвороста. Затрещали сухие ветки. Немец на секунду опешил. И эта растерянность спасла беглецам жизнь.

Когда часовой пришел в себя и открыл огонь, Алексей и Николай уже были в самой гуще леса. Немец пускал наугад в темноту короткие автоматные очереди. Возле самой щеки Алексея пропела пуля. Кубышкин

бросился на землю и пополз. То же сделал и Остапенко. Но пополз он, видимо, в другую сторону.

Минут через пять Кубышкин на миг остановился, подождал, не покажется ли Остапенко... В темноте они потеряли друг друга. А кричать было нельзя.

Часовой очумело бегал по лесу. Как назло, подъехала машина с солдатами. Алексей то полз, то бежал, прячась меж стволов. Вскоре взошла луна, и лес стал полосатым от теней.

Выйдя через несколько часов к железной дороге, Алексей пошел вдоль полотна. У поворота заметил: что-то чернеет впереди. Подошел — домик стрелочника. В окнах темно. Алексей осторожно подкрался к домику, прислушался. Ни звука. Тихо-тихо постучал в дверь. Никто не отозвался. Он постучал вновь... Послышались шаркающие шаги и стук отодвигаемого засова. Вышла пожилая черноволосая женщина с бронзовым светильником в руке, громко откашлялась, спросила с тревогой:

— Что надо?

— Руссо, — ответил Алексей.

— Кто? — В голосе прозвучало изумление.

— Руссо! — повторил Алексей.

Женщина поднесла светильник ближе к его лицу, внимательно взгляделась и посторонилась, впуская незнакомца в комнату. Дрожащими руками зажгла свет. Туск-

лая лампочка без абажура выхватила из темноты небольшой круг в центре комнаты и статую Минервы, покровительницы дома. На стене — зеркало, календарь на деревянной пластинке, расписанный поблекшими от времени красками. От земляного поля веяло сыроватой прохладой.

На кровати сидел старый итальянец и немигающими глазами глядел на гостя. Борода, закрывавшая всю грудь, была

белая, как утренний снег на вершине. Вытертый до блеска костюм подчеркивал бледность его лица. Он дожевывал кусок сухой ослиной колбасы, запил водой из глиняной чаши, потер о брюки угловатые коричневые руки и зажег окурок дешевой сигареты «Национале».

— Как зовут тебя, руссо?

— Алексей.

— Алесслио, — кивнул итальянец. — А сына моего зовут Альберто. Он тоже в партизанском отряде. Недавно заглядывал к нам, оставил автомат своего друга. Убили его... Автомат ты возьми. Без оружия идти опасно.

Старуха тем временем собрала на стол, налила стакан виноградного вина.

Алексей решил ничего не скрывать. Рассказал, как бежал от фашистов.

— Хорошо, сынок, хорошо, — проговорил старик. — Иди на чердак. Там в углу под корзиной, есть автомат. Он и Минерва спасут тебя.

Алексей торопливо поднялся на чердак и начал шарить. Нашел.

Вдруг где-то близко послышалась песня. Алексей пытался разобрать слова: они не были похожи на итальянские. «Значит, немцы. Сколько их?» Алексей хотел выскочить во двор, но поспешно поднявшийся на чердак старик удержал его.

— Не успеешь. Они уже рядом. Сиди здесь. — А сам начал спускаться.

Тут же в дверь дома нетерпеливо постучали. Послышались пьяные голоса немцев.

Хозяева испуганно попрятались по углам. Стук повторился. Женщина, дрожа от страха, открыла дверь.

Немцы требовали вина и закуски, а когда узнали, что вина нет, ударили старика... Потом они вышли на железнодорожное полотно и принялись петь. Слушая их

голоса, Алексей думал о том, что поют они, как и все люди на земле, а вот откуда у них столько ненависти к другим народам, столько жажды к убийству?

Было светло. Луна заливала все вокруг серебром. Алексей отчетливо видел три фигуры. Он крепче сжал автомат. «Это вам за смерть Галафати!» Раздалась длинная очередь. Все трое упали.

Алексей быстро слез с чердака. Сердце у него учащенно билось.

— Беги скорее, — старик с трудом шевелил губами. — Беги, сынок. В городе Фраскати — американцы.

Старуха дала Алексею на дорогу лепешек из каштановой муки и уговорила выпить немного вина.

Выйдя из дома, Алексей подошел к убитым. На воротниках у них виднелись нашивки «СС». Это были солдаты из бронетанковой дивизии «Герман Геринг». «Надо убрать их, — решил он, — а то эсэсовцы подумают, что их убил старик».

Алексей оттащил трупы под откос железной дороги, забросал сухим хворостом и травой. И быстро зашагал по направлению к городу, временами огибая небольшие горки, покрытые густыми зарослями пиний, олив и виноградников.

Наступило утро. Кубышкин поглядывал на бледные утренние звезды, на светлеющее небо и невольно вспомнил такое же небо под Псковом, когда увозили его оттуда в Италию.

Было тихо. Только кузнечики по обочинам пыльной дороги тянули трескучую монотонную песню, да ветерок изредка шуршал листвой.

...Англо-американские союзники не торопились наступать на итальянском фронте. Это давало Гитлеру возможность перебрасывать часть своих войск из Северной Италии на Восточный фронт.

Только в первых числах июня 1944 года союзники активизировали наступательные операции в Италии.

На окраине Фраскати, только что освобожденного союзниками, Алексей впервые в своей жизни увидел американцев и закричал, размахивая автоматом:

— Друзья, я ваш союзник! Я русский... русский, руссо!

Заметив Алексея, американские танкисты оставили машины и подошли к нему.

«Наконец-то свобода!» — подумал Алексей.

Но... почему это американцы, окружив его, вырвали из рук автомат и разбивают его о гусеницы танка? И почему офицер, к которому он обратился, демонстративно отвернулся в сторону? Почему американцы берут Алексея под стражу и, не слушая никаких объяснений, ведут в комендатуру?

Она размещалась в разбитой вилле Фальконьери, где совсем недавно жили и работали немецкие офицеры.

Построенная в XVII веке, вилла в двадцатом была куплена банкиром Мендельсоном и подарена германскому императору Вильгельму. А тот создал в ней благотворительный институт для художников, писателей, композиторов и... отставных офицеров, ищущих развлечения. Конечно, это были такие писатели и такие художники, которые верой и правдой служили кайзеру. А отставные офицеры ехали сюда не только и не столько отдыхать: почти все они имели поручения немецкой разведки.

Рассказывают, что когда встал вопрос о том, где разместить штаб немецких войск в Италии, Кессельринг сказал:

— Разместите в вилле императора Вильгельма. Бывает, что и стены помогают. Если, конечно, эти стены свои...

Подходя к вилле, Алексей заметил на огромном камне две надписи: «Эввива ла Россия!» («Да здравствует Россия!») и «Эввива ла паче ин тутто иль мондо!» («Да здравствует мир во всем мире!»).

«Да! Это, конечно, написали не американцы», — решил он.

Алексея привели в огромный кабинет, украшенный фресками. Паркет был покрыт каким-то особым лаком и, как зеркало, отражал солнечные лучи, падавшие в комнату через высокие узкие окна. За длинным столом, развалившись в старинном резном кресле, сидел американский капитан. Он был среднего роста, широкоплечий, с бритой головой. На столе перед ним стоял белый телефон.

Стену, у которой сидел капитан, украшала картина «Бой быков в Севилье». В углу, на маленьком круглом столике, стоял бюст Гитлера. Американцы не потрудились убрать его.

Капитан, выслушав рассказ Алексея, пожал плечами и сказал:

— Наше командование предлагает вам поступить на службу в американский флот. Вам будут хорошо платить, а после войны будете жить в любом городе Америки...

— Нет! — отрезал Алексей.

Капитан неторопливо прошелся по кабинету и, наконец, не выпуская изо рта потухшей сигареты, сказал:

— Вы будете об этом жалеть...

Напрасно Алексей твердил: «Я русский партизан, воевал против фашистов, отправьте на родину».

В комнату вошли два солдата в новом обмундировании. Они лениво жевали резинку. Один из них подал капитану бутылку виски.

— Отведите! — приказал капитан.

Сначала Алексей не хотел верить случившемуся. Но когда его отвели в казарму и поместили... с пленными немцами, он чуть не застонал. Неужели этот американский капитан, всячески подчеркивающий свою человечность (услужливо подставил Алексею стул, угощал сигаретами), неужели он не мог разглядеть в нем настоящего русского парня!

По Аппиевой дороге

6 июня 1944 года на пяти «студебеккерах», окрашенных в зеленый цвет, всех военнопленных немцев (а с ними и Кубышкина!) отправили в Рим, а оттуда в Неаполь.

Было раннее утро. Багровый диск солнца поднимался над городом. Небо было синее, чистое. Высоко взлетая ввысь, повисали в воздухе жаворонки. Под восходящим солнцем нежились вечнозеленые пинии, туи, оливковые рощи, миндаль. По обеим сторонам дороги виднелись поля, на которых крестьяне широкими мотыгами взрыхляли подсыхающую землю. С севера возвращались «летающие крепости», посеявшие бомбовой шквал над Миланом.

Машина, в которой ехал Кубышкин, замыкала колонну. За рулем сидел здоровый, высокий негр, до этого служивший, как узнал Кубышкин, шофером в штабе 5-й американской армии.

Американские солдаты, которым было поручено охранять военнопленных, ехали на мотоциклах.

«Студебеккеры» то и дело обгоняли идущих по улицам Рима пешеходов, одетых в траур. Шли молча, це-

лыми семьями: мужчины, женщины, дети и старики. Это были родственники жертв нацистского террора. Они шли на раскопки пещер, в которых несколько месяцев назад были расстреляны сотни жителей Рима. Шли, чтобы отыскать среди погибших останки дорогих и близких им людей.

В руках они бережно несли портреты патриотов, убитых немцами, венки из живых роз, траурные ленты с надписями. Они шли, чтобы почтить тех, кто во имя свободы Италии отдал самое дорогое — свою жизнь...

В Ардеатинских пещерах, где лежали трупы патриотов, до взрыва, произведенного немцами, сохранились надписи, барельефы и живопись древних христиан. В гротах можно было увидеть пальмовую ветвь — знак торжества над земными искушениями, в другом месте был нарисован голубь — символ невинности и чистоты сердца, в третьем — изображение Феникса, эмблемы воскресения из мертвых. Но людям не дано воскресать из мертвых. Все, кто погиб от пуль фашистов, больше никогда не встанут...

Алексей глядел на людей, идущих в трауре, и тяжелое, давящее чувство все сильнее овладевало им. Он понимал, куда и зачем идут они. Он помнил ту страшную ночь, когда из камер Реджина Чёли одного за другим выволакивали заключенных, чтобы везти их сюда, в Ардеатинские пещеры.

А он, Алексей Кубышкин, который сражался бок о бок с патриотами, делил с ними и радость успеха, и горечь поражения, — он едет теперь в одной машине с теми, кто расстреливал его друзей!

Машина рванулась вперед, обгоняя печальную процессию. Вот «студебеккер» приблизился к головной колонне. И вдруг Алексей увидел жеву Галафати. Она несла его, Алексея Кубышкина, портрет! Рядом с женой

Галафати, Идой Ломбарди, шла его сестра и несла портрет брата.

У Алексея перехватило дыхание. Он перевел взгляд со своего портрета на портрет Галафати, потом на Иду, провел рукой по глазам. Мелькнула мысль: узнала ли его эта женщина?.. Нет, она не могла его узнать! Она не поверила бы тому, что могла увидеть сейчас своими глазами. Она не могла бы заставить себя подумать, что тот русский, который скрывался у них на квартире в роковую для ее мужа ночь, который нашел в их доме пристанище, оказался вдруг среди убийц мужа! Это было бы слишком жестоко!

Горячей ладонью Алексей вытер пот, выступивший на лице.

Траурная процессия осталась позади. В душе Алексея продолжал бушевать вихрь самых противоречивых чувств, и к горлу все время подкатывался горький колющий комок. Перед глазами стояла жена Галафати и эти портреты... Почему же его портрет несут вместе с портретами тех, кто погиб в Ардеатинских пещерах? Ведь он остался жив!

Алексей еще раз оглянулся и вспомнил того русского товарища, которого повели тогда на расстрел вместе с Галафати. Значит, жена Галафати считает, что вместе с ее мужем погиб в ту страшную ночь и Кубышкин...

Городские улицы заметно расширились, и движение ускорилося. Навстречу одна за другой мчались машины. Все они до отказа были набиты американскими солдатами в кожаных куртках и комбинезонах. Солдаты вели себя шумно, оживленно, словно ехали на праздник. Они смеялись, горланили песни, а проезжая мимо пленных, кричали: «Гитлер капут!» Да, они вели себя, как победители.

«Студебеккеры» шли в Неаполь по новой Аппиевой

дороге, вдоль побережья, через Альбано, Велетри, Чистерну, Террачину. Временами узкая полоска шоссе идет прямо как стрела, временами вьется по горным склонам. Кое-где виднеются высокие пирамиды вырубленного камня, небольшие белые плиты строительного материала. Это дорога — свидетельница боев. Именно здесь, недалеко от нее, происходили недолгие стычки на плацдарме у Анцио. Эти-то стычки союзники и пытались выдать за «решающие», «имеющие большое стратегическое значение».

В районе города Террачина дорога подходит к широкому простору бирюзового моря. Берег покрыт сыпучим, чистым песком. Бесшумные волны постоянно промывают его, образуя белую полосу прибоя. Виднеются рыбацьи лодки и расставленные в море сети.

Километров за тридцать до Неаполя у автомашины, на которой ехал Кубышкин, заглох мотор. Пришлось остановиться на окраине какой-то деревушки. Остальные машины ушли вперед. Была уже глубокая ночь. Бледный молочный свет луны омывал серые стены низких домов и сливался с огнями деревенской трактории, к дверям которой была прибита увядшая ветка сливы — примета итальянского кабака, таверны.

Военнопленным разрешили сойти с машины. Кубышкин стал наблюдать за негром, копошившимся в моторе. Американец, ехавший в кабине, перехватил этот взгляд. Он подошел к Алексею, небрежно похлопал его по спине и спросил на ломаном итальянском языке:

— Ты что, разбираешься в моторе?

— Немного, — ответил Алексей.

Американец отошел от Кубышкина и заговорил с немцами. Это был человек мощного телосложения, уже немолодой — в висках густо серебрилась седина. У него было крупное лицо с прямым носом.

Поговорив с немцами, американец снова подошел к Алексею и коротко спросил:

— Немец?

— Русский, — ответил Алексей.

Брови американца полезли вверх.

— О-о, земляк! — восторженно воскликнул он на чистом русском языке и обнял Кубышкина за плечи. — Черт побери! Вот так встреча!

— Вы тоже русский?

— Ну да! — американец вынул пачку сигарет и протянул ее Алексею. — Мой отец жил в России, а теперь мы в Америке...

— Урал! Урал!.. — глубоко затагиваясь и выпуская клубы дыма, говорил он. — Черт побери! Как бы я хотел увидеть сейчас русскую природу... Но! Конечно, одними русскими березами сыт не будешь, это ясно... Что-то надо еще... Н-да-а!

Алексей промолчал.

А «земляк» продолжал:

— Оно, конечно, родная земля, милые сердцу поля, долины, горы... Но жить все-таки надо по-человечески, земляк! Жить надо так, как живут в Америке. Не бывал ни разу? Не приходилось? Э-э, напрасно! Много, много теряешь!

За колючей проволокой

Вскоре Алексея вместе с пленными немцами перевели в окрестности Неаполя. Здесь, в районе монастыря Камальбулов, он снова оказался за колючей проволокой. Только на этот раз — у союзников.

Взяли отпечатки пальцев правой руки, несколько раз фотографировали, заставляли заполнить подробную анкету, на которой сверху была отгиснута надпись: «Вашингтон».

Улицы Неаполя были полны американских солдат и матросов, ко многим из них уже приехали семьи. Американцы заняли лучшие гостиницы и жилые дома. По улицам с бешеной скоростью проносились их военные машины с белой звездочкой на борту. Повсюду виднелись надписи на английском языке. По набережной небольшими группами шатались пьяные «джи» (так называли итальянцы американских солдат). Здесь они охотно встречались с проститутками и спекулянтами. На дверях некоторых кино и театров появились надписи: «Вход только для военнослужащих союзных войск». В городе начались аресты патриотов, которые вопреки приказам англо-американского командования взяли в дни оккупации в руки оружие, чтобы расправиться с фашистами.

Четыре месяца Алексей томился за колючей проволокой вместе с гитлеровцами. Эти немецкие вояки, взятые в плен в Италии, не были на Восточном фронте, не нюхали настоящей войны. Как-то толстощекий немец, глуповато моргая белесыми ресницами, спросил Кубышкина: — Вот ты русский, а почему на твоей голове нет рогов? Я знаю, у всех русских на голове рога.

Кубышкин пригнулся:

— Пощупай!

Немец протянул было руку, но Алексей так боднул его в живот, что тот отлетел в сторону. Вокруг засмеялись. Кто-то сказал:

— У тебя, Фриц, нет мозгов. Это всем ясно и без осмотра.

Фриц ошалело смотрел на Алексея и ничего не понимал. Ведь ему говорили, что русские когда-то ходили в

буденовках только потому, что прикрывали этими шлемами рога!

Сидеть в одном лагере с подобными типами было тяжело. Алексей написал несколько протестов на имя англо-американского командования, требуя немедленной отправки в Советский Союз. Но ни англичане, ни американцы не торопились отправлять его на родину.

Однажды Кубышкин после обеда курил возле столовой. К нему расслабленной походкой подошел «земляк». В зубах — сигарета.

— Хелло! Нет ли огонька?

Кубышкин дал прикурить. Уходя, «земляк» сказал:

— Заходи завтра вечером ко мне в автогараж. Поможешь отремонтировать лодочный мотор.

Гараж располагался здесь же, на территории лагеря. И на другой день Кубышкин отправился туда.

Роберт Гарисон — так звали «земляка» — встретил его как старого знакомого. Угостил гаванской сигарой и принялся расспрашивать о здоровье, о письмах, отправленных в Россию. Потом они вместе пошли ремонтировать лодочный мотор. Гарисон был в коротких штанах и в рубашке с открытым воротом. Цветная ленточка на груди означала, что за службу в отдаленных местах он получил орден.

Ремонт был небольшой. Все это время «земляк» рассказывал о себе. Из его слов Кубышкин узнал, что тот занимается вербовкой рабочей силы для компании «Анаконда», женат на американке, имеет двоих детей. Он рассказал о том, как стал американцем.

— Мой отец был русским морским офицером. В ноябре двадцатого года на дредноуте «Александр III» он бежал из Советской России в Константинополь. Это было в те дни, когда из Крыма уплывала армия Врангеля. Пока барон продавал французам угнанные из России

военные корабли Черноморского флота, солдаты и офицеры разбежались кто куда. Кто обратно в Россию, кто — в Болгарию, кто — в Югославию, кто — в Грецию. Отец пристроился на американский транзитный склад. В то время в этот склад по указанию Врангеля было положено на хранение около двух тысяч пудов серебра, золота и драгоценных камней, вывезенных его армией из Новороссийска. Вскоре из Америки пришел специальный пароход. Он взял на свой борт большую часть этих ценностей. Прихватил и моего отца с семьей. Мне было тогда пятнадцать лет. Все помнится смутно...

Алексей уже собирался уходить из гаража, когда Гарисон протянул ему пачку сигарет и банку консервированной колбасы. И тут же, как бы между прочим, спросил:

— Если будут спрашивать — куда поедешь?

Кубышкин удивленно поднял брови:

— То есть, как — куда? В Советский Союз, в Россию! Куда же еще?

«Земляк» поморщился.

— Россия!... Я, конечно, понимаю тебя. Но вот я живу без родины и, как видишь, не умираю. Почему и тебе не поехать в Америку со мной? Жалеть не будешь.

Алексей молча глядел на него. Как мог понять настоящего русского человека этот космополит!

— Американские девушки не хуже русских — женишься, купишь домик в рассрочку, станешь хорошо зарабатывать. Ты не забывай о своем положении: ты сдался в плен фашистам. А в России расстреливают даже родственников военнопленных. Так что матери твоей давно нет в живых. И только ты вернешься домой — тебя сразу же поставят к стенке. А в Америке ты будешь свободным гражданином...

Подавая на прощанье руку, он сказал:

— Подумай! Не торопись с отказом. Через недельку встретимся снова, поговорим. Я познакомлю тебя с интересными людьми, не будешь жалеть. Гуд бай!

Прошла неделя. Они встретились снова.

Роберт Гарисон был немножко пьян.

— Ну, как, что надумал? — весело улыбнулся он.

— Я русский и поеду только в Россию, — накаляясь, глухо ответил Алексей; его раздражал назойливый «земляк». — Предателем я не был, мне нечего бояться.

Гарисон несколько скис, нервно закурил и пожаловался на головную боль.

— Я сегодня чертовски устал, вчера хватил лишнего... Ну, ладно. Пусть все сказанное останется между нами. Мне ведь тоже жить надо.

Кубышкин ушел, и Гарисон больше его ни разу не приглашал...

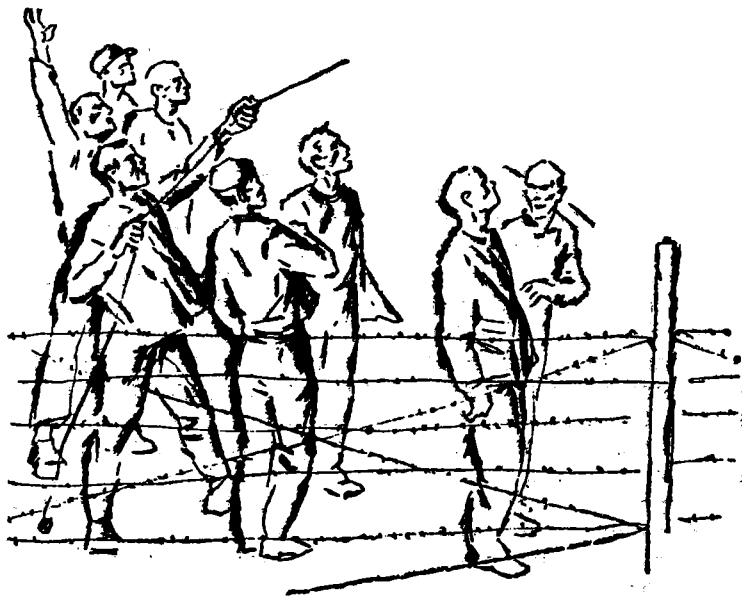
Но вот, наконец, настал день, когда Алексея перевели в другой лагерь. Здесь уже не было немцев, здесь звучала лишь русская, французская, польская, чешская, бельгийская, норвежская речь. Но условия лагерной жизни были прежние: опять колючая проволока, тот же режим, такие же допросы.

Американская администрация не теряла времени даром. Почти каждый день в лагере появлялись какие-то новые личности, военные и штатские. Бывших военнопленных вызывали на доверительные беседы, одобренные бутылками виски и сигаретами «Честерфильд». Содержание бесед было трафаретным: янки уговаривали русских, чехов, поляков, югославов не возвращаться в свои страны.

Однажды вечером Алексей вернулся в свою палатку и обнаружил на подушке библию на русском языке. В красиво изданную книгу было вложено штук двадцать открыток, на все лады восхвалявших американский

образ жизни. На них были изображены и небоскребы Нью-Йорка, и красоты курортных мест Флориды, и прерии Техаса, и Ниагарский водопад.

По вечерам на открытой площадке раздавался стрекот проекционного киноаппарата. В ушах стоял звон от оглушительной джазовой музыки, и на экране появлялись либо ковбои, которые ухитрялись стрелять из кольтов даже во время обеда, либо гангстеры с квадратными подбородками. Полураздетые и раздетые женщины, бессмысленный садизм гангстеров и убийц, душераздирающие вопли и перекошенные, изуродованные лица

страдающих людей — все это подносилось бывшим военнопленным в качестве рекламы «свободной Америки».

Иногда «боевики» рассказывали о трогательной истории маленького чистильщика саног, который, благодаря своей деловитости, смог стать одним из боссов Уолл-стрита...

Живая натура Алексея не терпела безделья. Со своими новыми друзьями по лагерю он решил пощекотать нервы американцам. Кто-то предложил:

— Надо рассказать итальянцам, как мы живем. Давайте напишем письма!

— Но как передать их? Ведь итальянцев в близко к лагерю не допускают!

— А мы запустим воздушного змея! — озорно предложил Алексей.

Эта мысль всем понравилась. Товарищи раздобыли бумагу и клей. Алексей принялся мастерить змея, другие сели за письма. Прошло два дня. Змей был готов. Он отлично просох, в нем поместилось около сотни листовок, где рассказывалось, что русские военнопленные воевали в Италии против фашизма, а сейчас, вместо того чтобы ехать на родину, сидят у союзников за колючей проволокой.

Теперь ждали хорошего ветра. И вот как-то утром он разыгрался. Алексей, вложив письма, запустил змея. Он быстро поднимался все выше и выше. Сначала американцы не обратили на змея внимания, решили, что военнопленные просто забавляются.

— Почему же письма не вылетают? — забеспокоились товарищи.

— Все будет, как надо, — улыбнулся Алексей и дернул нитку.

Белые листики, как голуби, рассыпались во все стороны и, подхваченные ветром, полетели далеко за лагерь. Дружное русское «ура» потрясло воздух. Раздались автоматные очереди. Это американцы стреляли по воздушному змею. А он взмывал все выше и выше, выпуская новые листки туда — на волю...

На другой день один из американских офицеров объявил, что большая группа военнопленных будет направлена на разгрузку парохода. Алексей попал в эту группу.

Затея американцев многим сразу же показалась подозрительной. Судно почему-то стояло не в порту, а маячило на рейде Неаполитанского залива.

Пять небольших катеров сделали несколько рейсов, и вскоре многие военнопленные оказались на борту корабля.

Высокий щеголеватый офицер завед их в трюм, немножко позубоскалил на ломаном итальянском языке,

а потом поспешно полез на палубу и хлопнул крышкой люка.

Чех Гжибал опомнился первым. Он подбежал к люку и попробовал поднять его. Куда там! Люк был задраен наглухо. А с палубы доносился смех американцев.

Военнопленных охватила ярость. Они колотили по потолку трюма, кричали, требовали объяснений. Все было напрасно.

Прошло несколько томительных часов, и вдруг все явственно услышали шум винтов парохода. Задрожал корпус судна, и пол под ногами людей качнулся... Было ясно, что судно плывет. Но куда?

Все выяснилось минут через тридцать. Люк открылся, и в его квадрате показалась улыбающаяся физиономия американского офицера.

— Вы можете выйти на палубу, — с вежливой издевкой произнес он. — Послать салют солнечной Италии.

Алексей вместе со всеми выскочил наверх, щурясь от яркого солнца.

За время их заточения в трюме американцы обнесли палубу колючей проволокой, за которой стояли ухмыляющиеся солдаты с автоматами.

— Куда вы нас везете? — раздались возмущенные возгласы на всех славянских языках. — Что это значит?

Щеголеватый офицер поднял руку, призывая к тишине:

— Сейчас вы плывете в Африку. А из Африки каждый поедет куда надо, — махнул рукой, показывая этим, что разговор окончен.

Корабль взял курс на Порт-Саид.

Пришла ночь. По всей линии песчаного берега светились яркие электрические огни. Далеко в море был виден мигающий глаз маяка. Среди разорванных и бешено несущихся облаков появилась луна и залила все таинственным полусветом.

Утро они встретили уже в открытом море. В тесных каютах было душно, и Кубышкин решил выбраться на палубу. Он пошел наверх по крутым ступенькам вслед за каким-то высоким парнем. В походке, в посадке головы этого человека что-то показалось знакомым. Алексей ускорил шаги, чтобы взглянуть в лицо.

Неужели?... Да, конечно же, — Николай Остапенко! Алексей так ударил друга по плечу, что тот испуганно присел.

— Здорово, Николай!

Остапенко застыл на несколько секунд неподвижно, а потом принялся радостно тискать Алексея в объятиях.

— Как ты сюда попал? — спросил он, наконец.

Алексей рассказал свою невеселую историю и тут же поинтересовался, какими судьбами попал на этот пароход Николай.

— Тебя взяли американцы, — ответил Николай, — а меня англичане. Им, чертям, разве докажешь, что ты русский партизан! Засадили в лагерь, да еще издевались. Один раз даже в карцер угодил: дал в морду сержанту, который говорил, что Россия погибла бы без Англии и Америки.

— Ну, ничего, — сказал Алексей. — Будем бороться за возвращение на родину.

Кубышкин попал в лагерь для военнопленных в местечке Джинейфа возле города Исмаилия, на берегу Больших горьких озер (на Суэцком канале).

Медленно тянулись месяцы напряженного ожидания. И вот, наконец, по лагерю разнеслась радостная весть: из Италии прилетели полковник П. Г. Белобоков и майор В. И. Титов — будут репатриировать русских военнопленных.

Это было в марте 1945 года. Около лагеря, оцепленного американскими мотоциклистами, поставили боль-

шой стол. Перед строем русских военнопленных полковник Белобоков произнес речь.

— Друзья, — сказал он, — вас ждет Родина, ждут отцы, матери, жены... Кто желает вернуться?

Почти весь строй сделал три шага к столу. Только жалкая кучка, человек пять, осталась неподвижной.

К ним сразу кинулись американские офицеры, репортеры. Защелкали фотоаппараты. Но еще трое русских вышли из кольца американцев и присоединились к большинству.

Видя, что испробовать заокеанской жизни захотели только двое, американский генерал пожал плечами.

— Ну что же, мы сделали все, что могли. А этим, — он кивнул в сторону отщепенцев, — выдать документы для выезда в Соединенные Штаты.

Долгий путь русских, непоколебимо решивших возвратиться на Родину, прошел через Каир, Каспийское море, Баку, Урал...

— Вот так я, наконец, и попал домой, — закончил свой рассказ Кубышкин.

Красное знамя в Ватикане

Давно уже остыл самовар, давно крепким сном спят дети гостеприимных хозяев.

— И все-таки мне неясно, Алексей Афанасьевич: как получилось, что вам живому поставили памятник?

Он сдержанно улыбается, потом не спеша отвечает:

— Во-первых, когда немцев выгнали из Рима, меня

среди освобожденных не оказалось. Во-вторых, я не мог прийти после освобождения Рима на виллу Тай, куда собрались тогда все римские подпольщики и русские партизаны. Меня среди них не было. И мои товарищи подумали: «Кубышкин не пришел — значит, он расстрелян».

Окончательно уверила всех в том, что я расстрелян, Вера Михайловна Долгина — бесстрашная подпольщица; с ней мы встречались не раз в небольшом баре Альдо Фарабуллини. Через нее и Фарабуллини, замечательного товарища, умелого конспиратора, мы держали связь с римскими коммунистами. После отъезда русских военнопленных из Рима она убедила итальянцев в том, что вместе с Галафати был расстрелян и русский моряк Кубышкин.

Вот так и получилось, что почти рядом с саркофагом Галафати — он под номером триста тридцать два — оказался и «мой» саркофаг — триста двадцать девятый.

Кроме того, в ночь на двадцать четвертое мая, когда мы с Николаем Остапенко шли по коридору тюрьмы, узники, оставшиеся в камерах, видели нас. И, конечно, решили, что нас тоже повели на расстрел. Своими рассказами они потом убедили и Веру Михайловну.

То ли вспомнилась Кубышкину духота камеры Реджина Чёли, то ли слишком накурено было в комнате — он поднялся и открыл форточку. Свежий ночной ветерок колыхнул занавеску.

— Да, жаль, что мне не пришлось встретить победу со своими товарищами по отряду. Это был настоящий праздник, — тут Алексей Афанасьевич встряхнулся, словно отгонял от себя все тяжелые воспоминания, и широко улыбнулся:

— Кстати, я имел бы возможность увидеть самого папу римского.

— Папу Пия Двенадцатого? Каким образом?

— Папа устроил торжественный прием в честь победы союзников. А представители нашего правительства в Рим еще не прибыли. И получилось так, что этими представителями стали советские партизаны.

Партизаны шли в Ватикан под нашим государственным флагом, с красными нарукавными повязками «СССР». Каждый из них гордо смотрел на папских гвардейцев, которые, стоя у ватиканских ворот, отдавали честь нашему флагу. Это пока первый случай в многовековой истории папства, когда красное знамя развевалось над территорией Ватикана.

Представляете, — в Ватикане красное знамя! Папе ничего не оставалось делать, пришлось не спеша обойти боевой строй русских и приветствовать их. Благословив партизан, папа воскликнул: «Браво, русские!» Впрочем, русские-то хорошо знали, что означает папское благословение. Тот же самый папа Пий благословлял орды Гитлера и Муссолини. Но после войны эта старая лиса поняла, откуда дуют ветры, и принялась наживать новый моральный капиталец.

Кубышкин на минуту смолкает и неподвижно смотрит перед собой. Уже другим, глуховатым и жестким, голосом говорит:

— Но ни один из тех садистов, которые мучили и расстреливали моих друзей, не ушел живым! Находясь в плену у американцев, я узнал об этом подробно.

... Выполняя приказ вождя итальянских коммунистов Луиджи Лонго, 24 апреля 1945 года партизаны начали бои за освобождение Милана. Бригада чернорубашечников и части личной гвардии Муссолини сдавались или спасались бегством, удирая к швейцарской границе. Переговоры с Комитетом национального освобождения, которые велись при посредничестве кардинала Шустера, провалились. Муссолини, прихватив золото итальянского

банка и свою любовницу Кларетту Петаччи, бежал в сопровождении фашистских заправил и эскорта немецких эсэсовцев на броневиках к швейцарской границе. Вместе с ними искал спасения и Пьетро Кох.

Их преследовал посланный из Милана партизанский отряд под командованием коммуниста Вальтера Аудизио, известного тогда под именем полковника Валерио. Аудизио было приказано поймать Муссолини и казнить.

27 апреля в 8 часов утра колонна убегающих фашистов была остановлена близ маленького селения Донго. Хотя Муссолини был переодет в немецкую форму, его опознали и расстреляли вместе с его метрессой и двадцатью главарями «республики Сало».

Трупы Муссолини, Петаччи, Пьетро Коха и других казненных фашистов были доставлены в Милан. Там их повесили вниз головами на площади Лоретто, на том самом месте, где итальянские фашисты и нацисты совершили одно из своих последних кровавых преступлений — расстрел группы заложников.

Не ушел от народного гнева и Пьетро Карузо, начальник римской полиции, который в дни ардеатинской трагедии составлял списки заложников, обрекая их на смерть. Спасаясь от народного гнева, он бежал, но в восемнадцати километрах от Рима его задержал партизанский патруль, доставил в город и передал в руки правосудия. Карузо приговорили к смертной казни и расстреляли в крепости Бравета.

С начальником тюрьмы Реджина Чёли — Донато Карретта — расправился сам народ. 19 сентября 1944 года его опознали родственники погибших в Ардеатинских пещерах и произвели над ним самосуд — возле моста Умберто бросили в Тибр, а потом труп повесили на ограде Реджина Чёли.

А вот фельдмаршал Кессельринг ушел от возмездия. За кровавые преступления, совершенные им в Италии, он был приговорен английским военным судом к смертной казни. Но через два месяца расстрел был заменен пожизненным тюремным заключением. Прошло лишь несколько лет, и оккупационные власти выпустили фельдмаршала из тюрьмы. Он понадобился Соединенным Штатам для обобщения опыта гитлеровской армии во второй мировой войне. Недавно опубликовал свои мемуары «Солдат до конца своих дней». Им больше подошло бы название «Палач до конца своих дней».

— А где теперь ваши спасители?

— Тюремщик Сперри в Риме... Вскоре после того, как меня и Остапенко увезли, в ту же тюрьму были посажены Павел Лезов, Иван Румянцев, Петр Самец, которые были арестованы в Риме. Но за два дня до прихода союзников в Рим им удалось бежать. И помог им в этом тот же самый Сперри.

А вот смелый чех, вскоре после того, как нас с Остапенко увезли из тюрьмы, попался в лапы немецкой разведки. Его увезли в Берлин, мучили в подвалах гестапо, но какова его дальнейшая судьба, не знаю.

Вагнера я тоже совсем потерял из виду... Очень жаль, конечно! Это был настоящий патриот. Помню, когда я находился в окрестностях Неаполя, мне случайно в руки попала какая-то старая газета. В ней крупным шрифтом было напечатано: «Всякий, кто укажет местонахождение поляка Езика Вагнера или уничтожит его, получит благодарность от немецкого командования и 5000 марок». Возможно, что и он попал в лапы гестапо...

А наш дорогой Алексей Владимирович Исупов умер 17 июля 1957 года в Риме. Хотя он и не смог вернуться в Россию, но до конца дней сохранил любовь к родине. После его смерти Тамара Николаевна передала

в дар Третьяковской галерее лучшие картины мужа. Среди них есть и те, которые мне посчастливилось увидеть еще на итальянской земле. Недаром, прощаясь с нами, Алексей Владимирович сказал: «Вы еще увидите мои полотна на родине».

Бессонный — наш испытанный связной — сейчас пенсионер, живет в Киеве, у него нет семьи, но он считает своими братьями боевых товарищей, в судьбе которых сыграл такую важную роль. Многих из них он разыскал за эти годы, не раз встречался с ними. Ему регулярно пишут письма и Коляскин, и Тарасенко, и Конопелько, и я.

— Как бы я хотел пожать руки всем, кто остался в живых, всем моим друзьям, которых я обрел вдали от родины! — задумчиво произносит Алексей Афанасьевич. — И еще хотел бы поклониться саркофагу, где погребен Галафати, и саркофагу номер триста двадцать девять. По всей вероятности там лежит русский, которого я видел в ту страшную ночь... Как видите, не Кубышкин, но какой-то другой русский похоронен рядом с итальянскими друзьями. Вот узнать бы, кто?

— А как сложилась судьба Маши?

— Маша с комсомольцами Мценска ушла в один из партизанских отрядов. Она отлично знала немецкий и в отряде была переводчицей. Однажды партизаны попали в засаду. Был большой бой. И в этом бою Маша погибла... Вот так.

Кубышкин замолчал. Потом тихо, словно разговаривая сам с собой, произнес:

— У Юлиуса Фучика я прочитал замечательные слова: «Пусть же павшие в бою будут всегда близки нам, как друзья, как родные, как вы сами!» Именно так должно быть. Для всех, кто остался в живых.

Зимнее солнце медленно поднимается из-за невысоких гор. Кругом чуткая тишина, и от этого особенно звучно похрустывает под ногами снег.

От дома до карьера — полтора километра. Алексей привык ходить на работу пешком: приятно вдыхать полной грудью свежий воздух, да и есть время, чтобы поразмыслить, обдумать что-либо.

Вот уже одиннадцать лет работает он бурильщиком в карьере, где добывают гранит для Березовского завода железобетонных конструкций. Он полюбил свою профессию, сумел найти «живинку» в этом деле.

Алексей глядит на часы и прибавляет ходу. Ему хочется застать сегодня экскаваторщика третьей смены, который работает в его забое. Этот парень вчера «наломал дров» — перевернул всю грудку негабаритов, которые были уже пробурены. Получилось, что труд, затраченный звеном Кубышкина, был сведен почти на нет. Правда, в материальном отношении звено не пострадало: работа уже зачтена им. Но разве дело только в этом? Звено Кубышкина борется за звание коммунистического. Один из пунктов их обязательства гласит: «Бороться за экономию рабочего времени, за экономию горючего для компрессора, за долгую сохранность рабочего инструмента». А сколько понадобится сил и времени, чтоб снова пробить эти перевернутые негабариты?

Вот и контора. Алексей с трудом открывает примерзшую дверь, и в коридор врываются белые клубы морозного воздуха. В коридоре стоит и курит парень в черной меховой шапке-ушанке. Заметив вошедшего, он торопливо бормочет приветствие и хочет выскользнуть за дверь.

— Постой-ка, дружок! — Кубышкин решительно положил руку на плечо парня. — Долго будешь портить работу?

— Да ведь темно было, — начал оправдываться экскаваторщик. — Ночью не разберешь, сделаны шпуры или нет.

— А все-таки надо разбираться!

— Больше не повторится.

— Ну, смотри. Верю, что просто ошибка вышла.

Алексею самому неприятно вести этот разговор. Куда легче говорить человеку что-нибудь хорошее. Но парня нужно поправить.

В конторе висит доска показателей лучших производственников карьера, где ежедневно проставляется результат работы каждого. На ней постоянно можно видеть и фамилию Алексея Кубышкина, выполняющего норму на 135—140 процентов.

В конторе становится шумно: собираются рабочие первой смены.

И вот рабочий день начинается. Серdito, словно жалуюсь на крепость камня, жужжат перфораторы, вгрызаясь в твердый гранит. Бурильщики теперь до самого перерыва не выпускают из рук бурильных молотков. Никаких остановок, никаких перекуров — таков неписанный закон их звена.

Одиннадцать лет Кубышкин чувствует в своих руках упругое дрожание перфоратора, неподатливость и сопротивление гранита. Не каждому по плечу такое единоборство. Бывает, что насует человек перед камнем, отступает. Проработает какой-нибудь новичок месяца два, а потом глядишь — уже обходной листок заполняет. Но Кубышкин привык к борьбе. Он знает, что настоящее в жизни легко не дается.

... В двенадцать раздается вой предупреждающей си-

рены. Сейчас недалеко отсюда будут произведены взрывы пробуренных скважин.

Кубышкин выключает перфоратор и кивает товарищам: надо уходить в укрытие.

Через несколько минут воздух содрогается от мощных взрывов. Столбы пыли и дыма поднимаются кверху. Красивое зрелище! Кубышкин видит его почти ежедневно. Но всегда — с удовольствием. Ведь это не взрывы бомб, не страшные шквалы войны. Нет! Это мирные взрывы.

И вот он идет домой. Конечно, немного устал, но это приятная усталость хорошо потрудившегося человека. Вот и дом его под номером тринадцать. Число несчастливое — говорит кое-кто. Но Алексей не верит в приметы.

Семья у Кубышкина немалая — семь человек. Большой, просторный дом Алексею Афанасьевичу помог построить завод. Ему привезли гранитные блоки, смонтировали их, выделили нужные пиломатериалы. Не хватило у Кубышкина денег — завод дал ссуду.

Едва Алексей Афанасьевич заходит в дом, его шумно окружают дети.

— Дайте мне хоть умыться, стрижи! — весело смеется Алексей, ласково отстраняя их.

Он умывается, а потом со всей ватагой направляется на кухню, где около раскаленной плиты хлопочет жена.

— Ну, что у нас имеется на сегодняшний день? Пельмени? Неплохо!

После обеда опять все собираются в большой комнате. И тут начинается вечер «вопросов и ответов»: количество детских «почему?» и «зачем?» поистине неисчерпаемо.

За окном быстро, по-зимнему густеют сумерки. В квартире тепло и уютно. Задумавшись, сидит у телевизора Кубышкин...

А в воскресные дни Алексей Афанасьевич не любит оставаться дома. С детских лет заполнила его душу любовь к природе, и никакие жизненные бури не смогли погасить этой любви. Во всякое время года русский лес не теряет для него своей прелести и красоты.

Любит Алексей побродить по лесу и поздней осенью, когда с тихим шелестом падают пожелтевшие листья; когда над поредевшим лесом с прощальным курлыканием пролетают журавли и наступает грустная тишина.

Мила ему и весна с ее яркостью и свежестью красок, с многоголосым щебетанием вернувшихся на родину птиц, с бодростью ветерка, пробегающего по зеленой листве с упругой силой, с изумительной синевой майского неба. Забредет Алексей воскресным днем на лесную лужайку, запрокинет голову, глянет в эту синеву — и покажется ему на миг, что не в небо глядит, а в опрокинутый над головой огромный синий безбрежный океан...

А в ясное зимнее воскресенье попробуй удержи Алексея дома! Снимет он с гвоздя ружье, наденет лыжи — и пошел между соснами, прислушиваясь к скрипению снега да к чуткой тишине леса. Или возьмет удочку, пойдет на озеро и сядет возле лунки в трепетном ожидании счастливой минуты, когда леса чуть дрогнет и этак косо, косо пойдет в сторону.

Двадцать лет спустя

Морозным белесоватым утром в ноябре 1963 года Алексей Кубышкин, как всегда, пришел в забой и, взвалив на плечи тяжелый бур, коротко бросил друзьям по бригаде:

— Пошли, ребята. Время.

Тут он взглянул на лица бурлящих и остановился, озадаченный:

— Что вы так на меня смотрите, будто я только что из космоса вернулся?

— А ты вчерашний номер «Известий» читал? — вопросом на вопрос ответил Петр Комаров. — Неужели не читал?

— Нет. А что? Неужели уже успели статью сочинить? Ведь вроде совсем недавно корреспонденты были. Ох, и дотошные ребята!

Комаров протянул Кубышкину номер газеты и укорил:

— И зачем было скрывать, Алексей? Хоть нам бы рассказал о своих итальянских приключениях. Интересно ведь...

— А разве я сделал что-нибудь особенное? Мало ли наших ребят партизанило в Италии!

Но уральцы думали по-другому. Очерк в «Известиях», корреспонденция по радио стали широко известны, и теперь многие захотели увидеть своего земляка, сражавшегося в далекой средиземноморской стране. В небольшой городок Березовский полетели десятки писем со всех концов Урала, да и не только с Урала — со всей страны.

Приглашений много. Алексею Афанасьевичу пишут строители Тюмени, шахтеры Караганды, горняки Североуральска, машиностроители Новосибирска, матросы Балтики, пионеры Киева. Пишут и старые товарищи, вспоминают совместную борьбу.

Да и народ Италии не забывает тех, кто 24 марта 1944 года погиб в Ардеатинских пещерах. Когда исполнилось двадцать лет со дня этой трагедии, народ почтил память погибших грандиозным шествием. Более

двадцати тысяч римлян и жителей других городов пешком двинулись к мавзолею, где покоятся тела трехсот тридцати пяти жертв нацизма.

В этот день в Риме были возложены венки у сорока шести мемориальных досок, прикрепленных к стенам домов, где жили когда-то те, кто пал от рук палачей в памятный мартовский день.

Обширное помещение мавзолея и близлежащие холмы были заполнены народом.

Правительство Италии не могло не видеть, что в стране очень сильны антифашистские настроения. Вот почему в шествии приняли участие президент, премьер-министр, кардиналы и прочие официальные светские и церковные чины. Но главными организаторами шествия были, конечно, командиры и бойцы итальянского Сопротивления, ассоциация итальянских партизан, среди которых очень много членов Коммунистической партии Италии.

Почтить память патриотов пришли секретарь ЦК Итальянской компартии Луиджи Лонго, видный общественный деятель коммунист Джорджо Амендола, бывший одним из организаторов и руководителей вооруженной борьбы с фашистами в Риме, и другие товарищи. Среди многочисленных венков, принесенных в мавзолей, были венки от Центрального комитета Итальянской коммунистической партии, от римской федерации компартии, от газеты «Унита».

Собравшиеся у мавзолея люди пришли с лозунгами: «Нет фашизму!», «В память жертв даем слово беречь традиции Сопротивления!», «Вечная слава жертвам Ардеатин!» Женщины несли букеты цветов. Во время шествия один из юношей запел партизанскую песню «Свисти, ветер, поднимайся, буря».

И все дружно подхватили ее.

Нелегкая судьба выпала на долю Алексея Афанасьевича Кубышкина. Война оторвала его от родной земли и бросила далеко за пределы Родины. Там ждали его тяжелые испытания, жестокая борьба. Но не склонил головы русский человек, не пал духом. Пройдя через все невзгоды и невероятные трудности, он не растерял своих душевных качеств и боролся не только за свою жизнь, но и за то, чтобы жизнь всех людей была счастливой и радостной.

Живучей и стойкой оказалась душа советского моряка. Она победила даже смерти!

ОГЛАВЛЕНИЕ

5	На земле Вечного города
11	Черный флер на красном знамени
20	Удивительное известие
23	Страницы жизни
27	В палате госпиталя
35	Заживо погребенный
40	В фашистском аду
47	Нежданный друг
54	Поезд идет в Рим
63	Бороться можно везде
75	И в Италии есть тезки
87	Интересные встречи
96	В партизанском отряде
101	Боевые тропы
107	Среди друзей
113	Зловещая татуировка
120	На заброшенной барже
126	Живые и мертвые рядом
131	Гестапо выходит на след
138	Узники римской тюрьмы
144	На вилле «трех слонов»
152	Станный гестаповец
159	Под покровом ночи
163	История с портфелем Муссолини
168	В камере Грамши
172	Рассказ тюремного надзирателя
176	Снова побег
184	По Аппиевой дороге
189	За колючей проволокой
199	Красное знамя в Ватикане
205	Родной дом
209	Двадцать лет спустя

Афанасий Семёнович Кузнецов

ТАЙНА РИМСКОГО ГАРКОФАГА

**Редактор А. М. Граевский.
Художественный редактор
М. В. Тарасова. Технический
редактор Л. К. Крамаренко.
Корректоры Е. П. Божанова,
Л. К. Крамаренко.**

Подписано к печати 2/VI 1967 г.
Формат бум. тип. № 2 70×108^{1/2}. Бум. л. 3,375.
Печ. л. 6,75 (усл.-прив. 9,45). Уч.-изд. л. 8,83.
Тираж 75 000 экз. Первый завод 60 000 экз.
ЛБ02201. Цена 34 коп.

Типография № 2 управления по печати.
г. Пермь, Коммунистическая, 57,
Зак. 708

ПЕРМСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Библиотека путешественников и приключений

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Выпуск 1. А. Домнин. **Дикарь**. Цена 6 коп.
- Выпуск 2. М. Заплатин. **На гору каменных идолов**. Цена 12 коп.
- Выпуск 3. Н. Чернышев. **Западня**. Цена 8 коп.
- Выпуск 4. А. Ромашов. **Лесные всадники**. Цена 11 коп.
- Выпуск 5. Ю. Вылежнев. **На лосях**. Цена 13 коп.
- Выпуск 6. А. Белоусов. **Камень нерушимый**. Цена 9 коп.
- Выпуск 7. А. Соколов. **Пламя над тайгой**. Цена 6 коп.
- Выпуск 8. А. Крашенинников. **В лабиринтах страны Карст**. Цена 6 коп.
- Выпуск 10. А. Граевский. **На севере** Цена 8 коп.
- Выпуск 11. А. Ромашов. **Золотой исток**. Цена 10 коп.
- Выпуск 12. В. Волосков. **На перепутье**. Цена 7 коп.
- Выпуск 13. В. Занадворов. **Медная гора**. Цена 14 коп.
- Выпуск 14. М. Заплатин. **Вдоль Каменного пояса**. Цена 17 коп.
- Выпуск 15. Ю. Курочкин. **Легенда о Золотой Бабе**. Цена 29 коп.
- Выпуск 16. А. Ромашов. **Земля для всех**. Цена 11 коп.
- Выпуск 17. О. Селянкин. **«Ваня Коммунист»**. Цена 11 коп.
- Выпуск 18. Л. Фомин. **Лесная повесть**. Цена 8 коп.
- Выпуск 19. А. Домнин. **Поход на Югру**. Цена 6 коп.
- Выпуск 20. В. Матвеев. **Золотой поезд**. Цена 25 коп.
- Выпуск 21. В. Волосков. **Операция продолжается**. Цена 33 коп.
- Выпуск 22. Д. Мамин-Сибиряк. **Бойцы**. Цена 32 коп.
- Выпуск 23. Г. Бабаков. **Тигр наступает**. Цена 23 коп.

- Выпуск 24. Г. Солодников. **Ледовый рейс.** Цена 23 коп.
Выпуск 25. В. Оборин. **Немые свидетели.** Цена 22 коп.
Выпуск 26. М. Зуев-Ордынец. **Хлопушин поиск.** Цена
32 коп.
Выпуск 27. А. Граевский. **Морской узел.** Цена 25 коп.
Выпуск 28. Л. Фомин. **Мы идем на Кваркуш.** Цена
29 коп.
Выпуск 29. В. Соснин. **Охота без выстрела.** Цена 20 коп.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Выпуск 31. В. Акимов. **Вне закона.**
Выпуск 32. А. Белоусов. **Они не уйдут.**